

С Л О В А Р Ъ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ОСТОЛОПОВЫМЪ,

Дѣйствиельнымъ и Почетнымъ Членомъ
разныхъ Ученыхъ Обществъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ типографіи Императорской Россійской

Академіи,

1 8 2 1.

Печашашъ позволено:

съ пѣмъ, чшобъ по оппечашаніи сей книги до выпуска изъ типографіи предшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ для препровожденія куда слѣдуешь.

С. П. В. Ноября 13 дня, 1820 года.

Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Ястребцовъ.

**ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.**

	страниц.		страниц.
З.		И фоція	38.
Завязка	1.		
Загадка	—	К.	
Запмословіе	5.	Канева	38.
Заяшіе	7.	Кантата	—
Звукоподражаніе	9.	Качть	43.
		Катаалектическій	—
И.		Катахризисъ	44.
		Каннизмъ	—
Идиллія	9.	Кезотифія	45.
Иероглифъ	26.	Комедія	—
Изложене	—	Комическій	99.
Изнайка	27.	Краешніше	101.
Изображеніе	31.	Крестикъ	—
Изобръшеніе	34.	Куплетъ	—
Изрѣченіе	35.		
Именей	—	Л.	
Имя	—		
Импедія	—	Лаконизмъ	101.
Интермедія	—	Лаконическій	104.
Интрига	36.	Легкость	105.
Ионическій	—	Липограмматическій	110.
Ипербола	—	Лирический	115.
Иперкатаалектическій	—	Литература	155.
Ипотипозисъ	—	Логогрифъ	156.
Иропа	—		
Иро-Елегическій	37.	М.	
Ирои-Комическій	—		
Ироическій	—	Мадригаль	166.
Ироническій	37.	Макроническій	172.
Иронія	—	Междудѣйствіе	174.

II

	сшран.		сшран.
Мелодрама	173.	Непіа	219.
Металіпсіс	177.	Нравственность	—
Метаморфозисъ	178.		
Металласмъ	—	O.	
Метафезисъ	179.		
Метафора	180.	Оаристъ	228.
Метонимія	185.	Обращеніе	—
Метръ	186.	Ода	230.
Метрическій	—	Окончаніе	279.
Микшеризмъ	187.	Окруженіе	—
Мимизисъ	—	Омонимъ	—
Миміямбъ	—	Ономастисхъ	282.
Мимическій	188.	Опера	—
Мимодрама	—	Описаніе	296.
Мимы	—	Описательный	312.
Многосоюзіе	189.	Опредѣленіе	318.
Моленіе	—	Ораторія	323.
Молоссъ	190.	Ошвътствіе	324.
Монологъ	191.		
Монометръ	—	II.	
Монорифмъ	192.		
Мужескій	198.	Палинвакхій	326.
Мѣлкія стихотворенія	—	Палиндромъ	—
Мѣра	199.	Палинодъ	327.
Мысль	—	Палинодіа	328.
		Панегирикъ	—
H.		Панегирическій	—
		Панкратовъ размѣръ	—
Надгробіе	204.	Пантомима	329.
Надпись	—	Парабола	330.
Наклоненіе	214.	Парагогъ	—
Напряженіе	214.	Парадъ	331.
Нашура	215.	Парафразисъ	—
Нашуральный	218.	Пародія	332.

	сшран.		сшран.
Пасторальный	343.	Портретъ	422.
Пастушескій	—	Посланіе	—
Патетическій	356.	Правдоподобіе	—
Пеанъ	357.	Превращенія	427.
Пеншакростпхъ	360.	Предложеніе	428.
Пентаметръ	—	Премъненіе	—
Пеонъ	362.	Прерваніе	429.
Переворотъ	363.	Придѣкшическій	—
Перемѣна	—	Призываніе	—
Переносъ	364.	Принужденность	—
Періодъ	366.	Приращеніе	432.
Перипетія	367.	Природа вязшная	—
Перипетическій	—	Присовокупленіе	—
Пиндарическій	—	Пришча	433.
Пиррихій	—	Проза	—
Планъ	368.	Прозапческій	434.
Плеоназмъ	—	Прозопографія	435.
Повтореніе	370.	Прозополея	—
Повѣствованіе	376.	Прокелевсмашикъ	436.
Повѣствовательный	379.	Прологъ	—
Погрѣшности	—	Продидическій	439.
Подобіе	385.	Пропемшическій	440.
Подражаніе	387.	Просевшическій	441.
Подражательный	394.	Просфезисъ	—
Поэзія	399.	Противоположеніе	—
Поэма	418.	Прохождение	442.
Полколонъ	419.	Пѣснь	443.
Полиметръ	421.	Пѣсня	—
Полустишіе	—	Пяшпшопный	488.
Поправленіе	422.		

С Л О В А Р Ъ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗИИ.

3.

ЗАВЯЗКА. Через завязку, узель или интригу разумѣюшь въ поэмѣ и во всякомъ драматическомъ сочиненіи совокупленіе разныхъ обстоятельствъ и препятствій, опъ кошорыхъ, во ожиданіи окончанія или развязки, раждается въ читателѣ и слушателѣ любопытство, нешерпѣніе.—См. *Драма, Епическій, Трагедія* и проч.

ЗАГАДКА, Aenigma, Grifhus. — Загадка есть краткое сочиненіе, по большей части въ стихахъ, въ которомъ безъ наименованія вещи изъясняютъ ее черезъ подобозначущія слова, черезъ описаніе причинъ, дѣйствій, свойствъ и пѣмъ возбуждаютъ желаніе къ открытію ея значенія.

Загадка не должна бытъ шакъ ясна, чшобъ отгадашь ее почши никакого не стоило шруда; она не должна бытъ и сполько шемна, чшобъ отгадашь ее было не возможно. Въ первомъ случаѣ она не досшавишь опъ легкости своей ни малѣйшаго удовольствія, а въ послѣднемъ чшашель скорѣе можешъ опказашься опъ небольшого угожденія своему самолюбію, нежели получишь пріятность несоразмѣрнымъ шрудомъ. На семъ основано главное правило сочиненія *загадки*, по еспъ, она должна содержать въ себѣ нѣсколько шакихъ принадлежностей своего предмета, копорыя, какъ будшо указывая намъ его, возбуждали бы въ насъ болѣе желанія и надежды къ *Отгадкѣ*; а между пѣмъ другія помѣщенныя въ той же загадкѣ обшояшельства запрудняли бы сію предшавляющуюся съ перваго взгляда удобность.

Двуслысленность, l'équivoque, весьма свойственна загадкѣ. Употребительнѣйшія въ ней фигуры могушь бытъ Мешафора, Аншипезъ и Аллегорія, копорая иногда прѣдшавляется съ начала до конца. — Примѣры :

Нашура не дала ни глазъ мнѣ, ни ушей;
Я мершвъ, но предвожу въ пупи слѣпыхъ людей.

Жезлб.

Хожу я босикомъ, хопя и въ сапогахъ;
Хожу на головѣ, хопя и на ногахъ.

Гвоздь въ сапогѣ.

Люблю морозы я, въ шеплѣ всегда спрадаю;
Рожусь опъ машери и самъ ее раждаю.

Ледѣ.

Въ Спихопвореніяхъ Дмишріева находимъ слѣдующую загадку, означающую Журналь или какое либо Періодическое издание :

Нѣшъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ шысячи мѣспахъ вдругъ слышенъ я бываю;

Всегда и важенъ и шушливъ,

Умень и глуповапъ, и дурень и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяць возрождаюсь,
И полько лишь рожусь, въ продажу оппускаюсь.
Я брашьями богапъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣшѣ мы зовемся не равно.

Узнали? нѣшъ? еще прибавимъ :

*

У насъ нѣшь машери, за шо
 Мы сонни двѣ опцовъ представимъ,
 И эшо не причтешъ въ обиду намъ никшо.
 Я бѣль и сѣрь, легокъ, бездушень и собою
 Во многомъ сходспвую съ молвою.

У Древнихъ сей родъ поэзіи былъ въ
 большемъ упошребленіи. Едипъ не иначе
 могъ получишь пресполь, какъ опгадав-
 ши предложенную ему Сфинксомъ загад-
 ку, означающую при человѣческіе возра-
 спа, дѣшспво, мужеспво и спароспъ, подъ
 видомъ живошнаго, копорое по ушпру хо-
 дишь на чешырехъ ногахъ, въ полдень на
 двухъ, а въ вечеру на шрехъ. Ежели сіе
 происшествіе и несправедливо, покрайней
 мѣрь выдумка онаго показываешъ уваже-
 ніе Древнихъ къ *Загадкамъ*. Впрочемъ из-
 вѣсно и по испоріи, что Цари пересы-
 лали другъ къ другу загадки и щедро на-
 граждали умѣвшихъ опгадывашъ оныя.
 Лидійскій Царь Крезъ пошлалъ по шакому
 случаю Езопа къ Амазису, Царю Египеш-
 скому. Между прочими загадками, предло-
 женными шамъ Фригійскому Фабулисту,
 слѣдующая заслуживаешъ вниманіе: какой
 эшо храмъ, копорый споишь на одномъ
 камнѣ, окружень двѣнадцашью башнями,

имѣющими по шридцати сполповъ, во кругъ копорыхъ попеременно ходящъ женщины, бѣлая и черная? — Езопъ опвѣчалъ, что храмъ значить *свѣтѣ*, камень—*годѣ*, башни—*мѣсяцы*, сполпы—*сутки*, женщины—*день и ночь*.

ЗАИМОСЛОВІЕ или Прозопопея, Pro-sororaеіа. Фигура предложеній: соспоишь въ шомъ, когда шо, что самому авшору или предспавляемому опъ него лицу говоришь должно, опдаешься другому лицу живому или мершвому, присушспвующему или опсушспвующему, иногда и бездушной вещи. — На пр:

Проснися, Сибарипъ! пы спишь,
 Иль шолько въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
 Несчастныхъ голосу не внемлешь
 И въ разврощенномъ сердцѣ мнишь:
 „Мнѣ мигъ покоя моего
 „Пріятнѣй чѣмъ въ испорчи вѣки;
 „Жишь для себя лишь одного,
 „Лишь радостей умѣнь пишь рѣки,
 „Лишь вѣпромъ плышь, гнесъ чернь ярмомъ;
 „Спыдъ, совѣспъ, слабыхъ душъ шревога!
 „Нѣшь добродѣтели, нѣшь Бога.....

Державинѣ.

По спогнамъ шумный гласъ несешся
 ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ похвалъ,
 Въ полкахъ спокрашно раздаешся
 „Великій ПЕТРЪ изъ мершвыхъ вспальъ,
 „Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
 „Преодолимъ бури, непогоды,
 „Посшавимъ грады на рѣкахъ,
 „Мы дерзкій взоръ враговъ пошупимъ,
 „На горды выи ихъ наспушимъ,
 „На грозныхъ спанемъ мы валахъ.

Ломоносовъ.

Слово Прозопоея есть Греческое: *πρόσωπον*, лице, особа, и *ποιέω*, дѣлаю, шворю; слѣдственно, литерально можно перевести оное словомъ олицетвореніе — и дѣйствительно сею фигурою или представляющъ присушствующими и говорящими шакихъ людей, кои находяшся въ ошдаленности и никакого въ произносимой рѣчи не берушъ участія, либо придаешся чувстввенности вещамъ неодушевленнымъ, на примѣръ: Сія гробница вѣщаешъ . . . . Сии спѣны упрекаюшъ тебя въ вѣроломствѣ; онѣ ясно повшоряюшъ слова швои . . . .

ЗАЯТІЕ или Пропіисисъ, *πρόληψις*, фигура предложеній: еспъ опраженіе пропшворѣчія, или сомнѣнія, которое могло бы бышь предложено. На пр. Димосфенъ въ словѣ пропшвъ Филиппа:—чаяшельно, нѣкоторыя здѣсь спросятъ: гдѣ нашъ флотъ къ берегу приспанешъ? война сама, Афиняне, война покажетъ и довольно научишь, гдѣ нашъ непріятель слабѣе будетъ. . . . . и проч.

Все слѣдующее сочиненіе Державина подѣ названіемъ *Хариты* соспавляетъ объясняемую здѣсь фигуру:

По слѣдамъ Анакреона

Я хотѣлъ воспѣшь Харитъ,

Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона

Мнѣ предспалъ и говоришь :

„Какъ! и шы уже небесныхъ

„Дѣвъ желаешь воспѣвашъ?

„Сполько прелесшей безсмертныхъ

„Хочешъ смершный описашъ!

„Но бывалъ ли на высокомъ

„Ты Олимпъ у боговъ?

„Обнималъ ли браннымъ окомъ

„Ты веселье ихъ пировъ?

„Видѣлъ ли Харитъ предѣ ними,

„Какъ, подѣ звукъ пріятныхъ лиръ,

„Плясками онѣ своими
 „Восхищающъ горній міръ :
 „Какъ съ просяжнымъ, шихимъ шономъ
 „Важно павами плывущъ ;
 „Какъ съ веселымъ, быспрымъ звономъ
 „Голубками воздухъ вьютъ ;
 „Какъ вокругъ онѣ спокойно
 „Величавый мещущъ взглядъ ;
 „Какъ ихъ всѣ движенья спройно
 „Взору, сердцу говорятъ ?
 „Какъ Хишоны ихъ Эфирны,
 „Льну подобные власы,
 „Очи свѣшлыя, сапфирны,
 „Помрачающъ всѣхъ красы ?
 „Какъ Богини всемъ соборомъ
 „Признающъ: имъ равныхъ нѣшъ,
 „И Минерва важнымъ взоромъ
 „Улыбаешся имъ въ слѣдъ ?
 „Словомъ: видѣлъ ли каршины
 „Непосшижныя уму ?,
 — Видѣлъ внукъ ЕКАТЕРИНЫ
 Я опвѣшспивоваль ему. —
 Богъ Парнасса усмѣхнулся,
 Давъ мнѣ лиру оплешѣлъ ;
 Я спрунамъ ея коснулся
 И младыхъ Харишъ воспѣлъ.

Пролиписись, *πρόλιπσις*, соспавлено изъ *πρό*, до, предъ, и *λαμβάνω*, беру, принимаю, заимствую; на Лапинской языкъ переведися въ разныхъ Рипорикахъ шпроко: *anteoscuratio*, *preoscuratio*, и просто *oscuratio*.

ЗВУКОПОДРАЖАНІЕ. См. *Подражательный*.

И.

ИДИЛЛІЯ. Родъ пастушеской поэзи. Идиллія и Еклога имѣюшь между собою едва примѣшную разность; однакожь при всемъ помъ не должно ихъ смѣшиваць, ибо Еклога пребуешъ *дѣйствія*, а Идиллія довольспвуется чувствованіемъ, нѣжноспію и повѣспвованіемъ, и болѣе спараешся описываць самую природу.

Буало прекрасно описаль свойспво Идилліи въ своей *Наукъ стихотворства*:

Telle qu'une bergère, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis n'orne point sa tête,
Et sans meler à l'or l'éclat des diamans,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornemens;

Telle, aimable en son air, mais humble dans son style,
Doit éclater sans pompe une élégante Idylle.
Son tour simple et naïf n'a rien de fastueux,
Et n'aime point l'orgueil d'un vers presomptueux.
Il faut que sa douceur flatte, chatouille, éveille,
Et jamais de grands mots n'épouvante l'oreille.

„Подобная паспушкѣ , которая въ праздничный день украшаетъ голову свою не богатыми рубинами, не драгоценными алмазами и золотомъ; но сорванными на ближнемъ полѣ цвѣточками,—Идиллія, пріятная и скромная въ слогѣ, не удивляетъ насъ пышностію. Въ просныхъ и непри-
нужденныхъ ея оборотахъ нѣтъ ничего блестящаго; гордость высокопарныхъ спиховъ ей пролива. Она должна услаждать и нѣжить наши чувства своею пріятностію, и не пугаетъ слуха громкими словами.,,

Ежели Идиллія содержитъ какую либо спрасъ, то сія спрасъ должна быть самая умеренная, и объясняема въ выраженіяхъ пріятныхъ и тихихъ. Иногда спихопворецъ дѣлаетъ въ ней сравненіе нашихъ заботъ, нашихъ пороковъ, нашихъ обязанностей съ удовольствіями, спокойствіемъ и невинностію паспуховъ, поль-

зуюсь въ такомъ случаѣ въ продолженіи всего сочиненія непрерывною *Аллегоріею*, взяною опть свойспва живопныхъ и даже вещей безчувспвенныхъ, каковы цвѣпы, ручьи, водопады и пр, чшо можно видѣшь изъ слѣдующихъ опривковъ Идиллій, написанныхъ Госпожею Дезульеръ *) и перевенныхъ на Русскій языкъ Г. Мерзляковымъ.

Ид. Цвѣты.

Какъ мало время вашей славы,
 Любезные цвѣпы, краса луговъ, полей!
 Природа вамъ дала жестокіе ушавы; —
 Однажды ушро васъ, улыбкою своей,
 На сердцѣ машернемъ уснувшихъ пробуждаешъ,
 Одно лишь ушро васъ живишъ и умерщвлешъ!—

---

*) Аншуанеша дю Лижье де Лагардъ, по фамиліи своего мужа *Дезульеръ*, родилась въ Парижѣ въ 1655 году. — Издашель Французскаго Парнасса говоритъ о Госпожѣ Дезульеръ слѣдующее: въ ней наиболѣе должно удивляшьяся красотѣ чувствшваній, пріятности выражений, гармоніи спиховъ и счастливому расположенію рифмъ. — Никшо не говорилъ лучше о любви, никшо не умѣлъ украшашъ нравшвенности споль простыми, и вмѣстѣ прелешными цвѣтами. — Признательные современники называли ее Сафою, десяшою Музою, Каллиопою Французскою. — Изъ книги собранныхъ ея спихшвореній видно, чшо она упражнялась въ сочиненіи пѣсенъ, Балладъ, Еклогъ, Еписшюль, Идиллій, Спансовъ и Одъ. Она занималась и Драмапическою поэзіею, и написала двѣ Трагедіи, Генсерика и Аншюнія, изъ которыхъ первая имѣла около 40 предспавленій. —

И шомъ изъ васъ счасливѣй всѣхъ,
 Кошорому въ шѣни прохлады и ушѣхъ,
 Собрашь двѣ, при росы случипся,
 Два, при дни солнцемъ веселишься! —
 Ушѣшсь, милые!—какая нужда въ шомъ?—
 Живете мало вы, живете вы блаженно;
 У васъ все общее; вашъ лугъ—семейной домъ;
 Ни ревность, ни корысть, ни мщеніе презрѣнно
 Не могутъ мучить васъ!—

И самая любовь... увы!—не какъ у насъ!—
 Ничто не оправитъ невинной вашей спраси;
 Вы можете любить, безъ принужденья власши!
 Пускай привыкнувшій всечасно измѣняетъ,

Пускай Зефиръ къ другимъ перелешаетъ:
 Вамъ это все равно: вамъ нечего перешать!
 Амуръ—ширань!—меня со мною разлучаетъ!

Легколь смотрѣшь на милого льстеца,
 Кошорой холоденъ, умѣешь пришворяться,
 Привыкъ шерзатъ сердца!—

Для васъ плѣнитъ—лишь только показаться!
 Для васъ и умереть, не то, что для людей!
 Вы умираете безъ муки, безъ скорбей,
 И даже смерть у васъ красота не опнишаетъ;
 Для жизни новой васъ на время усыпляетъ!....

и проч.

Ид. Птицы.

• • • • •

О ппички милья, завиденъ жребій вашъ!
 Вы вздумали любить и любите свободно!
 Наскучило вамъ здѣсь: лепише, въ доброй часъ!
 Природа ваша мать: живите, какъ угодно!
 Нѣшъ добродѣтелей, пороковъ нѣшъ для васъ.—
 Весь вѣкъ довольны вы одеждою одною;
 Не слыхано въ лѣсахъ, чшобъ Филинъ воз-
 блиспаль

Павлина красошою;—

Чшобъ воронъ соловья напѣвы повшорялъ!
 Ахъ! искренность сія не наше доспоянье!—
 Приспойность сшрогая, права, образованье,
 Все шребуешъ опъ насъ печальнѣйшихъ услугъ!—
 Чшо леспи низкой хуже?—
 Но лги—и будешъ правъ! но льспи—и будешъ
 другъ!

Природа съ нами будшо вчужѣ!

Или . . . признаемъ, краснѣя опъ сшыда!
 Опмщая праведно за наши къ ней измѣны,
 Намъ пици не даешъ безъ горя и шруда!—
 Все, все прошиву насъ: спихійны перемѣны,
 Огонь, земля, вода!—скрывайся непогодъ,
 Одежду пригошовъ, посѣй, сбри плодъ нивы,

И послѣ препенци за сей же самой плодъ!—

Ахъ, ппички, вы счастливы!

Для васъ гошово все: ни сѣять, ни хранишь!

Осталось лишь лѣшать, пѣть пѣсни и лю-
биль! . . . . . и проч.

Опдавая должную справедливосшь швореніямъ Г-ж. Дезульеръ, обязанностію почишаемъ однакожь сказаць, что во всѣхъ ея Идилліяхъ не безъ основанія замѣчаютъ излишество какой-то мрачной философіи, и находятъ сіе немалою погрѣшностію, ибо Идиллія пребуеть однѣхъ только пріятныхъ изображеній.—Доказано, что опть несоблюденія приняпыхъ всѣми вообще правилъ, не получають и самыя превосходныя сочиненія желаемаго успѣха, а дѣлая изъ Идилліи сочиненіе философическое или Саширическое, не значить ли успраняпья опть правилъ и смѣшивашь различные роды поэзіи?—

Идиллія можешь быть писана спихами всякаго размѣра; мы воспользуемся нѣсколькими сочиненіями, могущими вмѣстѣ съ симъ показашь и своиспва ея.

Д р ц з ъ я.

Идиллія изъ Феокрита *)

Пришекъ наконецъ!—три дни и три ночи въ
разлукѣ со мною!

Ахъ, много и дня одного, чтобы соспарѣшь-
ся въ разлукѣ!—

Пріяшнѣй весна по зимѣ, и яблоко слаще
орѣховъ,

Богатѣй волною овца предъ агницею ново-
рожденной,

И двѣ милѣ вдовы, шрекрашно супруга ше-
рявшей,

Быспрѣе скачешъ шельца игривая серна въ
долинѣ,

Любезнѣй звучишь соловей предъ всѣми въ
царствѣ пернапомѣ!...

О, слаще всего мнѣ шеперь увидѣшь тебя по
разлукѣ!

Какъ пушникъ, солнцу палящу, спѣшишь подъ
развѣсиспо древо,

Спѣшилъ, окрылень, я къ тебѣ во срѣшенье,
другъ мой сердечный!

---

*) См. шопы Амфиврахій, и Анапешъ.

Да дышупъ надъ нами, въ насъ благодатные
гени дружбы!

Да скажущъ объ насъ пошомки святое и до-
брое слово:

„Здѣсь были и жили друзья, въ урокъ и ве-
селье сосѣдей!

Сего нарицали *Любилъ*, а шому привѣтъ былъ:
Върнѣйшій;

(То значили шочно ихъ имена въ языкъ Фесса-
лійскомъ)

Другъ друга любили равно и всегда.—Конеч-
но, шо были

Не нашихъ времянь сердца; шо сердца вѣковъ
первобышнихъ,

Гдѣ сладосшно, нѣжно по смерпъ любовь лю-
бовью пипалась!,,

Да будешъ шако сіе, милосердый опче Кро-
нидесъ! *)

Да шакъ, не спарѣясь въ любви, перейдемъ
мы въ обласпъ безсмерпныхъ,

И нѣкогда,—многимъ вѣкамъ, исполнившимъ
свѣшлые круги, —

Пришлецъ опъ земли, на черныхъ брегахъ не
насышнаго Орка,

---

*) Юпшеръ.

Увидишь насъ , шамъ , и речешъ обнявшимся
 сладко: миръ съ вами! . . . .

И нынѣ о двухъ неразлучныхъ—красная смерш-
 ныхъ бесѣда! . . . .

Но въ волѣ блаженныхъ силъ горнихъ , ис-
 полнишь наше желанье,
 И въ волѣ опвергнушь его! — чшо нужды! о
 другъ мой безцѣнный!

Тебя моя громкая пѣснь возвѣспишь граду-
 щимъ попомкамъ ,

И скажешъ имъ чистую правду, предъ прав-
 дой небесъ не краснѣя! —

Такъ! если когда, мой другъ, ненарочно, хошь
 пѣнь оскорбленья

Я зрѣлъ опъ шебя: (и зрѣлъ ли?) спокрашной,
 сладчайшею жершвой .

Тогда же ты все замѣняль; и въ пѣни—яснѣ-
 лось веселье!

Вы, ухищренные веслами правишь, о чада
 Мегары,

Вамъ слава и почестъ!—вась я привѣшшвую
 днесъ благодарный!

Вы чпили, умѣли почшишь Діоклеса любовь
 неизмѣнну. —

Едва низойдешъ къ намъ съ небесъ весна на
 луга злапоцвѣшны,

·Едва облечуся лѣса въ зеленя, свѣшлыя ризы:
Почшенье зовешъ весь градъ на гробъ Дюк-
леса священный.—

Тамъ юношей радоспный хоръ , шамъ сонмъ
дѣвиць черновласыхъ ;

Надъ гробомъ склонившись , распешъ шамъ
пальма злапыхъ поцѣлуевъ! —

И кшо спраспнѣй, кшо любезнѣ милыхъ кра-
савиць цѣлуешъ ,

Чьи пламенны вѣчно успа , того украшають
вѣнцами ,

Того съ похвалою и пѣснями въ домъ ликъ
дѣвъ провождаешъ

Къ машери , коя срѣшаешъ драгаго улыбкой,
слезами! —

Но много блаженнѣ всѣхъ судья поцѣлуевъ
сладчайшихъ ,

Кешорому право дано лобызатъ всѣхъ , всѣхъ
чередою!....

Счастливецъ завидный цѣлуешъ , и судитъ и
рядитъ!

Онъ молишь любимца , служащаго богу силъ
Ганимеда,

Чшобъ были его успа, и пріятны, и крѣпки,
и нѣжны,

Такъ вѣрны, какъ камень испытной, которымъ
 гость чужеземной
 Достоинство праведно злата узнавъ, даетъ
 ему цѣну. —
 Мерзляковъ.

Ид. Палемонъ.

о — о о — о о — о
 о — о о — о о — о о —

Прекраснѣйшимъ упромъ зимою
 Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ —
 Дрова, запасенны порою,
 Нылали въ горнушкѣ прескучимъ огнемъ. —
 Онъ спужи въ шеплѣ не боялся,
 Съ улыбкою въ поле свой взоръ проспираль,
 Карпиной зимы любовался
 И въ мысляхъ возврапа весны не желалъ.
 „О сколь ты, природа, прекрасна!
 Ничто не измѣнишь швоей красошы!
 Гроза ли пылаеть ужасна,
 Ревуть ли бореи, цвѣшуть ли цвѣшы —
 Всегда ты, во всемъ совершенна!...
 Какъ блещеть равнина, сквозь легкій шуманъ
 Дрожащимъ лучемъ озаренна!
 Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!...

Тамъ дубы стояшь обнаженны ;
 На вѣшвахъ ихъ иней пушистый нависъ ;
 Тамъ ели мелькають зелены ;
 Мѣсрами чернѣешь гуспой кипарисъ.
 Поля и луга опусшѣли ;
 Не видно на паспвѣ гуляющихъ спадъ ;
 Замолкли паспущьи свирѣли
 И пѣвчія ппички нахохлсь сидяшь.
 Одинъ лишь снигирь краснобокой ,
 Чирикая скачешъ по гибкимъ куспамъ ;
 Лишь слышенъ глухой и далекой
 Спукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ ;
 Лишь изрѣдка смѣжной равниной
 Съ дровами лѣнивый пропацишся вольъ.,—
 Спарикъ помѣшалъ хвороспиной
 Въ горнушкѣ, и снова къ окну подошелъ.—
 „Зима и моя насшупила :
 Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ :
 Осшавила прежняя сила ,
 Погаснуль румянецъ, игравшій въ щекахъ !
 Но ахъ ! сожалѣшь ли о красной
 Дней юныхъ, промчавшейся быспро веснѣ ?
 Кшо младость провель не напрасно ,
 Топъ съ ней пошерялъ заблужденья однѣ.
 Кшо былъ добродѣтели вѣренъ,

Полезень семейству и ближнимъ своимъ,
 Тотъ долженъ бытъ твердо увѣренъ,
 Чшо вѣчно пребудеть минувшее съ нимъ.
 Когда я о немъ вспоминаю,
 Мнѣ кажется, будто какого нибудь
 Спариннаго друга встрѣчаю,
 Иль вижу цвѣтами усыпанный пупъ!
 Къ шому же, на чшо помѣняюсь
 Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
 Кошорой шеперь наслаждаюсь,
 Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
 Чшо можешъ иное сравнишься
 Съ упѣхой примѣрныхъ дѣшей воспиташъ,
 Счастливымъ успѣхомъ гордишься,
 Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ чашашъ? ...
 Подобно какъ снова весною
 Природа получишь свою красоту,
 Такъ жизнью моей молодою
 Я въ миломъ Дамешѣ моемъ разцвѣшу!
Панаевъ.

Ид. Мегтатель Миртилъ.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися:
 Зефиръ не шевелилъ лисновъ;
 Овечки берегомъ Ладона улеглися;

И уклонившійся въ прохладну сѣнь деревь
 Миршилъ, въ шошъ самый день съ Филлидой
 обрученный,

Счастливейшій изъ паспуховъ,
 Пѣль, въ сладкія мечшы и думы погруженный:
 „Ахъ! вѣришь ли тому, что сбудеся со мной?
 Уже ли въ самомъ дѣлѣ
 Черезъ двѣ иль три недѣли
 Я мужемъ назовусь Филлидѣ дорогой? . . . .

О, проходи же время срока!
 Повѣй, блесни скорѣе опъ воспока
 То упрю радостнаго дня,
 Когда предъ олшаремъ Гимена
 Съ Филлидой преклонивъ колѣна,
 И шайныя мольбы сердець соединя,
 Мы повторимъ обѣщъ священный,
 Кошорый ушвердишь союзъ на вѣки нашъ!
 Съ какимъ воспоргомъ я, жрецомъ благосло-
 венный,
 Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!
 Съ какими чувсшвами, всшупивъ подъ кровь
 смиренный,
 И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
 Вошъ все мое: шалашъ укромный и полшпада;
 Но если наградилъ меня шобою богъ —

Журчанье ручейка, изъ подъ скалы навѣсной
 Текущаго лѣниво межъ цвѣшовъ,
 Шептаніе листовъ,
 И пихія моей свирѣли
 Трели —
 Все, все невольно призовешъ
 Пастушку къ сладкому покою:
 Она разнѣжись, склонись головою
 Въ колѣна мнѣ, заснешъ . . . .
 Чшо жь буду дѣлашь я?—я буду наслаждашься
 Ея спокойствіемъ, я буду любовашься
 Филлидиной красой:
 Лилейной груди бѣлизной,
 И черными, съ плеча упавшими кудрами,
 И алыми устами,
 И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щекъ,
 Который каждый мопылекъ
 Сочнешъ навѣрно зъ цвѣшокъ.
 Но я и мошылка къ Филлидѣ приревную!
 И, чшобъ ему не дашь
 Ее поцѣловашъ,
 Самъ милую мою скорѣ поцѣлую.—
 Но вошь ужъ солнце за горой;
 Ужъ вечеръ насшупаешъ
 И пшви длинныя по лугу разшпилаешъ;
 Всѣ съ пасшбищъ и полей домой;

Пора и намъ идши; и мы, рука съ рукою,
 Гоня передъ собою
 Рѣзвѣщихся овецъ,
 За ними же домой приходимъ наконецъ.
 Теперь, когда ужъ солнце сядеть,
 И мѣсяць молодой изъ облаковъ проглянетъ,
 Какъ соберутся всѣ въ кружокъ
 Среди селенья на лужокъ,
 Мы будемъ пѣшь, плясать, мѣшаться въ хо-
 роводы,
 Или—кшо насъ лишилъ свободы? —
 Пойдемъ вдвоемъ, она да я
 Къ рѣкѣ, за шалаши, послушаемъ соловья;
 Смопрѣшь, какъ шускляя въ шиши спруащ-
 ся воды,
 Какъ спанетъ пошухашъ вечерняя заря. —
 Въ шакомъ-шо счастьи, годовъ не примѣчая,
 Не шолько эшопъ день, вся наша жизнь прой-
 дешъ!
 Ахъ! если къ эшому Зевесъ намъ ниспошлешъ
 Еще дѣшей, шо, даже увядая,
 При старосши самой,
 Не позавидуемъ чепѣ мы молодой:
 Все съ юными оспанемся сердцами!.,
 Такъ пѣль онъ и не зналъ, чшо шупъ же, за
 кущами,

Въ двухъ опъ него шагахъ ,
 Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ ,
 Разшроганна стояла ,
 И жребій свой въ душѣ благословляла.
 Панаевъ. *)

Слово Идиллія по Гречески *ἰδιύλλιον* есть уменьшительное опъ *ἴδιος*, видъ, и значить маленькой образъ, представленьице—пошому чшо предметъ сей поэзіи составляютъ наиболѣе изображенія.

Прим: Дабы имѣть подробнѣйшее свѣденіе о свойствахъ Идилліи, какъ поэзіи пасшущеской, и особенно о разности ея съ Еклогою, надлежитъ прочесть спашьи *Еклога* и *Пастушескій*: ибо здѣсь многія объясненія непомѣщены, во избѣжаніе повторовеній.

ІЕРОГЛИФЪ см. *Гіероглифѣ*.

ИЗЛОЖЕНІЕ. Симъ именемъ называется въ поэмѣ Епической та часпъ, въ копорой повѣспвуется самое происшествіе.—См. *Епическій*.

---

*) Г. Панаевъ сдѣлалъ въ прошедшемъ году прятный подарокъ любителямъ Пасшущеской поэзіи изданіемъ своихъ *Идиллій*, въ числѣ копорыхъ находяща и прекраснѣйшія *Еклоги*.

И южныхъ бурь опецъ, шерзають Океанъ ;
 Подъ пѣной волны, какъ подъ вѣчнымъ горы
 снѣгомъ,

Переспизаючи одна другую бѣгомъ
 Все море изъ предѣлъ на сушу вонъ несуть
 И тяжкими берега ударами шрясуть.

Возносящъ крикъ пловцы средь общія напасши,
 Трещашъ и ломяшся напрученныя снасти ;
 Тучъ гущосшь облежишь небесный сводъ кру-
 гомъ,

Гремипъ изъ края въ край капающійся громъ,
 Опъ черной ночи день въ полудни померкаешъ,
 И молнія сквозь мглу за молніей сверкаешъ ;
 Тамъ ужасъ очеса и слухи всѣмъ разипъ,
 И очевидная опвсюду смершь грозипъ.

Еней сквозь моря ревъ, сквозь страшны грома
 звуки,

Проспря ко небесамъ препенущія руки
 „Блаженны вы, гласишь, блаженны много крапъ
 „Которые изшедъ изъ гордой Трои врапъ
 „Близъ спѣнъ опечеспва вели кровавы бои
 „И при очахъ опцовъ скончались какъ герои!

У Осипова такъ начинаешся сей оп-
 рывокъ :

Еоль ей низко поклоняся

Мѣшокъ поспѣшно развязаль ;
 И самъ къ споронкѣ пришулся
 Онъ вѣпрамъ всѣмъ свободу даль.
 Вздурились вѣпры, засвиспѣли,
 Взвились, вскрупились, полешѣли,
 Наспала сильная гроза,
 Иной пыхпѣлъ надувши губы,
 Другой шипѣлъ оскалья зубы,
 Иной дуль выпуча глаза.

Горшокъ у бабы какъ со щами
 Вурлишь въ расшопленной печи,
 Такъ точно сильными волнами
 Кипѣло море въ шой ночи.
 Со всѣхъ споронъ вздымалась буря,
 Все море сдѣлалось какъ шюрл,
 Не видно свѣша ни слѣда,
 Ревѣла волкомъ вся пучина,
 Наспала въ морѣ черповщина.
 Бросало порознь всѣ суда.

. . . . .

Ревѣла буря громогласно,
 Свиспали вѣпры какъ сурки ;
 Суда качаясь ежечасно,
 Ныряли въ воду какъ нырки.

Инаго сильною волною
 Въ верхъ опрокинуло кормою,
 Другой насѣдкой на мѣль сѣль,
 Иной песку съ водой наѣлся,
 Иной раздулся и разсѣлся,
 На дно за раками пошелъ.

Еней какъ будшо въ лихорадкѣ
 Зубами хлопая дрожаль ;
 Или въ падучемъ какъ припадкѣ
 Кривлялся, корчился, зѣваль ;
 Взирая съ судна на пучину ,
 Бурлацки кляль свою судьбину
 И бабьимъ голосомъ ревѣль :
 „Ахъ! еслибъ въ Троѣ я оспался ,
 „То пакъ шеперь бы не скипался ,
 „И шолько бъ горя не шерпѣль. . . . . и проч.

И начало десяшой пѣсни:

Се опверзающся небесные чершогги!
 Приходящъ въ важное движеніе всѣ боги.
 Днесъ полный ихъ соборъ Юпиперь на совѣщъ
 Передъ усыпанный звѣздами пронъ, зовешъ;
 Предъ пронъ, съ кошораго низводишь онъ зѣ-
 ницы ,
 На Фриговъ, Рупулянъ, на міра всѣ границы.

Возсѣли на мѣспа; имъ шако шупъ Зевесъ:
 „Велики жипели превыспреннихъ небесъ!
 „Что думу преложа, въ бореніи упругомъ,
 „Ви шако сваришесь, враждуя, другъ со дру-
 гомъ?—и пр.

Петровъ.

Раздѣлся въ небѣ скрыть ужасный,
 Опверзся звѣздный Магисшрапъ,
 И боги всѣ за споликъ красный
 Какъ водипся засѣли въ рядъ,
 Они лишь ждали Сенапора,
 Владыку ихъ и Прокурора,
 Что весь Олимпъ тогда собралъ.—
 Вдругъ входипъ онъ — и отъ досады
 На всѣхъ косые бросивъ взгляды,
 Нелѣпымъ голосомъ вскричалъ:

Скажише, долго ли бѣсипсья
 Вы будете на небесахъ,
 Между собою здѣсь бранипсья
 И по же заводипъ въ *лодяхъ*;
 Ей! господа поберегипсья,
 И съ головою соберипсья
 Иль я скрою по шреуху!
 Кто вамъ, скажише, даль велѣнья

Безъ моего соизволенья
Такую заварить уху? и пр.

Котельницкіи.

Изнанка шребуешь слога легкаго, шумливаго. — Надлежишь также наблюдать, чтобы она въ *содержаніи* и въ *вымыслахъ* не имѣла никакой ошъ подлинника ошмѣны.

Кромѣ Енеиды, вывороченной, ешь еще на Русскомъ языкѣ въ подобномъ вкусѣ написанная Г. Люценко небольшая поэма подъ названіемъ *Похищеніе Прозерпины*.

ИЗОБРАЖЕНІЕ. Фигура предложеній. Соспоишь въ шомъ, когда сочинишь предспавляешь вещь или дѣйспвіе со всѣми обстоятельспвами шакъ живо, какъ будто бы онѣ шочно предъ глазами слушателей или читателей находились. На пр:

У Дмишріева въ спихахъ *на взятіе Варшавы*.

А пы, гремѣвшая со шрона,
Любимица самихъ боговъ,
Дстойна гимновъ Аполлона!
Возри на цвѣшъ своихъ сыновъ
Се вѣюшъ шлемы ихъ пернапы;

Се ихъ бѣлѣюшъ знамена!
 Се ихъ покрыпы пылью лапы,
 На коихъ кровь еще видна!
 Возри: се идушъ въ рашномъ спроѣ!
 Всякъ испый въ сердцѣ Славянинъ!
 Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ?
 Не всякъ ли рока власпелинъ?
 Они къ спопамъ швоимъ бросаюшъ
 Лавровы, свѣжіе вѣнки.....и пр.

У Державина въ спихахъ *Утро*:

Онъ зрѣлъ, какъ свѣша богъ съ морями лишь
 сравнялся,
 То алый лучъ по нихъ восколебался,
 Посыпались со скаль
 Рубины, яхонты, криспаль
 И бисеры перловы
 Зажглися на вѣшвахъ;
 Багряны шѣни, бирюзовы,
 Слилися съ златомъ въ облакахъ,
 И все сіяніе покрыло.....

У Ломоносова:

Такъ флощъ Россійскій въ понть дерзаетъ,
 Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
 Надменна бездна уступаешъ,
 Часть. II.

Спена опъ пягосши судовъ ;
 Во слѣдъ за скорыми кормами
 Бѣжишь кипяща пѣна рвами ;
 Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
 Наносятъ Гопфамъ спрахъ великъ.

Сія фигура естъ по же самое, что
Ипотипозисб.—См. *Описание*.

ИЗОБРѢТЕНІЕ. *Inventio, excogitatio.*—
 Изобрѣненіе естъ собраніе разныхъ мы-
 слей, приличныхъ предлагаемой матеріи.
 Оно содержишь въ себѣ правила, какимъ
 образомъ и откуда упомянутыя мысли
 почерпашь можно. Источники сіи назы-
 ваются въ Риторикѣ *мѣстами Риториче-*
скими, Loci topici, argumenta, и сущь: 1.) Родъ
 и видъ, 2.) Цѣлое и часты, 3.) Свойства,
 4.) Имя, 5.) Дѣйствіе и спраданіе; 6.) Вре-
 мя, 7.) Мѣсто, 8.) Происхожденіе, 9.) При-
 чина, 10.) Предыдущее и послѣдующее, 11.)
 Признаки, 12.) Обстоятельства, 13.) По-
 добіе, 14.) Противное.

Какъ спашья сія принадлежишь со-
 вершенно къ Риторикѣ, по не распроспра-
 няясь въ объясненіяхъ, просимъ читателя
 обратишь къ Риторикѣ Ломоносова и
 другимъ, ежели онъ желаетъ узнать по-

дробнѣе, въ чемъ состоятъ *либста Риторическія*.

ИЗРЪЧЕНІЕ. То же что Апоффегма. Въ Рипорикѣ почищается фигурою предложений.—На пр :

Могила храбраго опечесшву священна. —
Любви одна любовь лишь можешъ бышь на-
градой.—

Печаль милѣе двумъ, чѣмъ радосшь одному.

ИМЕНЕЙ. См. Гименій.

ИМНЪ. См. Гимнъ.

ИМНОПЕДІЯ см. Гимнопедія.

ИНТЕРМЕДІЯ. Симвъ именемъ назывались небольшія сочиненія, игранныя между дѣйствіями (опдѣленіями) или актами театральнаго представленія. Сіе дѣлалось для увеселенія народа въ по время, какъ актеры отдыхали, или перемѣняли плашье. — Въ древней Трагедіи въ *Интермедіяхъ* пѣлъ хоръ, для означенія, что актъ кончился.—Ариспосель и Горацій правиломъ пославляющъ, что въ *Интермедіяхъ* должно пѣшь, и что маперія сего пѣнія долж-

*

на бышь взяпа изъ главнаго содержанія піесы. — Нынѣ между актами упошребляюшя балепы, либо играепть музыка. — См. *Антрактъ*, *Междудѣйствіе*.

ИНТРИГА см. *Завязка*.

ІОНИЧЕСКІЙ. Сіе прилагательное имя упошребляешя въ Греческой и Латинской поэзіи для показанія стопы, сошпавленной изъ *спондея* и *пиррихія*. Когда слово начинается спондеемъ, какъ на пр: *santabimus*, *victoria*, *μιννασκητο*, се подвигы, шо сіе называется *большимъ Іоническимъ размѣромъ*, *Іonicus major*, или à *major*; а когда начинается пиррихіемъ, шо называется *малымъ Іоническимъ размѣромъ*, *Іonicus à minore*, на пр: *полутекна*, *разсвѣпаль день*.

ИПЕРБОЛА С. *Гипербола*.

ИПЕРКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ. См. *Гиперкаталектический*.

ИПОТИПОЗИСЪ См. *Гипоптипозисъ*.

ПРОИДА. См. *Героида*.

ИРО-ЕЛЕГИЧЕСКІЙ. См. *Геро-Елеги-
ческий*.

ИРОИ-КОМИЧЕСКІИ. См. *Герои-Ко-
мическій*.

ИРОИЧЕСКІЙ. См. *Героическій*.

ИРОНИЧЕСКІЙ. Заключающій Тропъ,
называемый въ Риторикѣ Иронією. — См.
ниже.

ИРОНІЯ. Тропъ Риторическій. — Со-
стоишь въ томъ, когда съ видомъ насмѣ-
шливымъ или шуточнымъ говорятъ про-
тивное тому, что думаютъ. Иронія, въ
концорой подъ видомъ похвалы браняшь и
подъ видомъ удивленія презираюшь, встрѣ-
чается очень часто даже въ обыкновен-
ныхъ разговорахъ. Иронію составляютъ:
Астеизмъ, *Діазирмъ*, *Милеза*, *Сарказмъ*,
Харіентизмъ и *Хлеазмъ*. См. сіи слова.

Квинтилианъ раздѣляетъ Иронію на
два рода: одну причисляетъ къ пропамъ,
а другую къ фигурамъ предложеній. Она,
по мнѣнію его, бываетъ *тропъ*, когда со-
стоишь въ одномъ или двухъ словахъ, и
фигура, когда заключаетъ противополож-
ность словъ и мыслей въ продолженіи цѣ-

лой рѣчи.—*Instit. orat. IX. III.*—Иронія естѣ слово Греческое, *ἔρωνεία*; Квинтилианъ переводитъ оное лишперально *насмѣшкою*, *illusio*.

ИФОПІЯ См. Описаніе.

К.

КАНЕВА или Канва, *canevas*. — Такъ называютъ у Французовъ списки, написанные по музыкальному сочиненію, какъ по: по Симфоніи, по Концерту, по Польскому, по Коншрдансу и пр. По сему слова, сочиненныя по Гаиднову *Сотворенію міра* могутъ назваться Канвою. — Иногда называется у нихъ симъ именемъ и основаніе какого-либо сочиненія.

КАНТАТА. Самое сіе слово, происходящее отъ *cantare*, пѣшь, показываетъ, что *Кантата* должна бытъ сочиненіе написанное для пѣнія; однакожь обыкновенно она состоитъ изъ двухъ частей: изъ *Повѣствованій* и изъ *Арій*, п. е. пѣсень, которыя всегда слѣдуютъ за повѣствованіемъ. Въ послѣднемъ Пѣнь изображаетъ самый

предметъ, а въ аріяхъ изъясляешъ чувствія, или разсужденіе, произведенныя предметомъ. Повѣствованія пишущся обыкновенно шестиспопными стихами, иногда и вольными; въ аріяхъ употребляются стихи крапчайшіе, которые могутъ быть всякаго размѣра, только бы удобны были къ положенію на голосъ.—Дабы не сдѣлать Каншапу слишкомъ продолжительною, шо принято за правило не помѣщать въ ней болѣе прехъ повѣствованій, и слѣдственно болѣе прехъ арій.

Содержаніемъ Каншапы должно быть происшествіе историческое, или баснословное, изъ котораго бы можно было извлечь нравственное разсужденіе.—Поэма сія пребуетъ шакого же изящества мыслей, такнхъ же избранныхъ выраженій, какъ ода, но опвергаешъ ея опступленія и безпорядокъ.—Слогъ повѣствованія долженъ имѣть болѣе силы и возвышенности, нежели слогъ арій: сіи послѣднія опличаются чувствованіемъ и нѣжностію.—Ж. Б. Руссо почищается лучшимъ въ семь родѣ писателемъ. Вошь одна изъ его Каншапъ, переведенная Г. Воспоковымъ:

Ц и р ц е л .

На сѣромъ камени пуспынномъ и високомъ ,
Вершина коего касалася небесъ ,

Цирцея блѣдная, въ опчаяньи глубокомъ,
Лила потоки горькихъ слезъ.

Опшуда по волнамъ глаза ея блуждали,
Казалось, чшо они Улисса памъ искали.

Еще мечшала зрѣшь героя своего!

Сія мечша въ ней грудь спѣсенну облегчаетъ;
Она зовешъ къ себѣ его ,

И гласъ ея спокрапъ рыданье прерываетъ:

„Винovníкъ моего мученья ,

„Ахъ, возвратись въ спрану сію ;

„Не о любви шебя молю ,

„Приди хопя изъ сожалѣнья,

„Кончину ускоришь мою!

„Хоть сердце бѣдное мое сраженно

„Есть жертва пагубной къ шебѣ любви,

„Хопя обманушо шобой, презрѣнно ,

„Но пламень злой еще горипъ въ крови.

„И ахъ! уже ли нѣжность преспупление ,

„Чшобы такое заслужишь презрѣнье?

„Ахъ, возвратись въ спрану сію,

„Винovníкъ моего мученья!

„Уже не о любви молю ,

„Приди хопя изъ сожалѣнья

„Кончину ускоришь мою.,,

Такъ въ жалобахъ она скорбь сердца изли-
ваешь!

Но вскорѣ къ своему искусству прибѣгаешь;
Чтобъ возвратишь назадъ любви своей пред-
метъ,

Всѣ адски божества она къ себѣ зовешь:
Коцишь и мрачный Спиксъ, Цербера, Тизи-
фону,

Злыхъ Фурій, гордыхъ Паркъ, Гекашу непре-
клонну.

Кровавы жершвы ужъ препещушь на коспрахъ,
И въ мигъ ихъ молнія преобращаетъ въ прахъ!
Тяжелые пары свѣтъ солнца зазмѣваюшь,
Боязненно свой бѣгъ планеты прерываюшь,
Рѣка со ужасомъ къ вершинамъ вспяшь бѣ-
жипъ,

И самъ Плушонъ въ своихъ убѣжищахъ дро-
житъ.

Гласъ ея спрашный

Двигнулъ весь адъ;

Громы ужасны

Глухо гремятъ,

Облаки мрачны

Ясный день шмяпъ.

Земля шрепещепъ

Страхомъ полна,

Яросшно плещепъ

Бурна волна;

Съ ужасомъ мещепъ

Взоръ свей луна.

И шѣни адскія, внявъ яры заклинанья,

Изъ бездны сумрака, блѣднѣя, поднялись;

Ихъ просяженныя, унылы завыванья,

Далеко въ воздухѣ со спономъ раздались —

И вѣпры съ наглосью заклеты горь прорвали

И съ плачемъ шрепешнымъ и спрашнымъ
шѣмъ смѣшали

Свой шумъ, и ревъ, и вой, и свиспъ!

Усилья шщепныя—любовница несчастна!

Ты надъ всеильною любовію невласшна!

Хошь землю можешь пошряспи,

И адъ въ смяшенье привеспи,

Того не сдѣлаешь пы яроспью ужасной,

Чего швой взоръ прекрасной

Не могъ произвеспи.

Такъ, независимъ купидонъ;

Свои права онъ защищаетъ;

Не шерпишь принужденья онъ,

По волѣ смершныхъ надѣляетъ:

Предписывая всѣмъ законъ,
 Законовъ самъ ничьихъ не знаешь —
 Гдѣ пронъ споялъ зимы сѣдой,
 Туда Зефировъ легкій рой
 Съ прекрасной Флорой возвратишься,
 Эолу Алкіонъ *) ошдашь
 Свою надъ моремъ крапку власъ,
 И паки ею насладишься,
 А оплешѣвшую любовь
 Къ себѣ пы не залучишь вновь.

КАНТЬ, *cantus*, шакъ назывались въ древности Гимны или пѣсни, воспѣваемые въ честь и во славу Бога. — Пѣснь или *Кантъ* Моисея по переходѣ Чермнаго моря почишаешся между всѣми, написанными на Еврейскомъ языкѣ, самымъ превосходнѣйшимъ пвореніемъ.

КАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ см. *Иперката-лектическій*. — Слово сіе происходитъ отъ

---

*) Алкіонъ, пища, ищешь любовника своего Цеикса на водахъ. Когда она вьешь гнѣздо и высиживаешь пшеницъ, тогда вѣпры изъ почтенія къ любви ея, удерживають свое дыханіе, и море ушхаетъ. — См. *Мифологію*.

ката прошивъ и *λεγω* оканчиваю, ш. е. конченый прошивъ правилъ.

КАТАХРИЗИСЪ. Въ Рипорикъ, шропъ рѣченій: еспъ перемѣна одного слова на другое, копорое имѣеть близкое къ нему знаменованіе—что дѣлается или для напряженія, или для послабленія какого нибудь дѣйствія, или свойства; на пр. бѣжашъ вмѣсто идиши, бранишь вм. выговаривашъ, лукавъ вм. хипръ, скупъ вм. бережливъ, и на оборотъ.

Слово сіе взято съ Греческаго: *κατάχρησις* значить злоупотребленіе, *abusus*, ибо изъ слова дѣлается употребленіе прошивное пому смыслу, въ какомъ оно обькновенно полагается.

КЕНИЗМЪ. *κωνισμός*, отъ *κωνός*, общій. —Кенизмомъ называлась у Грековъ погрѣшность въ слогѣ, состоящая въ томъ, когда одно сочиненіе заключало въ себѣ различныя нарѣчія, Ашпическое, Еолическое, Ионическое и Дорическое.

„У насъ впадають, говоришь Квинпилянъ, (*Instit. orat. VIII. 3.*) въ подобный порокъ, когда безъ различія употребляютъ высокія и низкія выраженія, или слова

спаринныя вмѣстѣ съ новытми, ибо изъ шого выходишь чудовище, подобное описанному Гораціемъ въ началѣ первой книги науки о стихопворствѣ., — Подобный порокъ бываетъ и у Россійскихъ писателей, когда они безъ разбора употребляютъ слова Славянскія и чистыя Русскія, прощонародныя и высокія и пр.

КЕНОТАФІЯ. Родъ Еписпафіи.—См. сіе слово.—Разносъ ея опъ послѣдней соспоишь въ шомъ, что она пишешся для опдаленно-умершихъ, или, какъ должно предполагашъ, вырѣзываешся на памянникахъ въ честь ихъ воздвигаемыхъ, или на гробницахъ пуспыхъ, шо ешь, не содержащихъ въ себѣ шѣла покойника, но посшавленныхъ шолько для воспоминанія.

КОМЕДИЯ. — Комедія ешь предложенное въ дѣиспвіи подражаніе нравовъ, пороковъ, обыкновеній, спранносшей, видимыхъ между людьми.

Опличительное свойство *Комедіи* заключаешся въ искусствѣ смѣшишь зришелей, какъ самымъ расположеніемъ происшесшвій, шакъ и оспрыми изрѣченіями; а предметъ ея соспоишь въ шомъ, чтобы

показывая намъ смѣшныя спранныи и даже пороки другихъ людей, исправляшь зришелей, подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. *Ridendo castigat mores.*— Впрочемъ пороки тогда только принадлежатъ *Комедіи*, когда они могутъ заспаивать смѣяться. Спихопворецъ обязанъ сокрыть все то, что могутъ они имѣть низкаго, презрительнаго, возбуждающаго негодование. Въ *Комедіи* никогда не должны мы видѣть человека порочнаго въ такомъ положеніи, которое могло бы произвести въ насъ ужасъ или соучастіе. Онъ долженъ только забавлять насъ на свой счетъ, и чѣмъ болѣе доспаивать намъ такой забавы, тѣмъ болѣе мы почувствуемъ, ежели только обратимъ на себя вниманіе, что онъ заспаиваетъ самихъ насъ осперегающа, дабы не подвергнуться подобному осмѣянію.--

Многими средствами воспользоваться можно къ надлежащему изображенію спранныи и пороковъ. Первое состоитъ въ представленіи противоположныхъ между собою спранныи, противоположныхъ пороковъ; на примѣръ, вмѣстѣ съ женою высокоумною и самовластною мужа робкаго и глупаго, каковы *Простаковы* въ *Комедіи Недоросль*; скупова отца и сына

моша, и пр. Вшорое состоипть въ пропиво-положеніи спранноспей и пороковъ поспупкамъ благоразумнымъ и добродѣпельнымъ; предсшавыше Мизантропа съ чело-вѣкомъ учпивымъ и любящимъ общеспво, коварнаго льспеца съ чело-вѣкомъ добрымъ и чиспосердечнымъ, и пр. Трешье средспво заключаешся въ нѣкошоромъ увеличеніи изображаемыхъ предметовъ; ибо какъ оныя, пакъ сказапть, видимы бываюпть на шеапрѣ въ опдаленіи, шо и должно показапть ихъ въ черпахъ разипельнѣйшихъ, дабы они оспавили по себѣ впечапльнѣе продолжипельное.

Въ *Комедіяхъ*, пакже какъ и въ дру-гихъ Драмапическихъ сочиненіяхъ, надлежитъ наблюдапть расположепіе и цѣль, единство дѣйспвія или происшеспвія, единспво времени и единспво мѣспа, *узель* и *развязку*. Ксмедія раздѣляешся пакже на *акты*, шо еспть, опдѣленія или дѣйспвія, а сіи на *сцены* или явленія.—См. *Драма*.—

Достоинспво Комедій состоипть наиболѣе или въ *узлѣ*, или въ *характерахъ*. Первый родъ содержипть непрерывную цѣпъ приключеній, умножающихъ вниманіе зри-теля до самой *развязки*.—(См. сіе слово въ *Драмѣ*.) Но какъ въ пакихъ Комедіяхъ

нравы и характеры описываются только поверхностно, но онъ по сей причинѣ служатъ болѣе къ увеселенію, нежели къ исправленію сердца. Во второмъ родѣ представляется одинъ господствующій или главный характеръ, который составляетъ цѣль Комедіи. Къ сему характеру можешь спихотворецъ присовокупить другіе характеры *низшіе*, не обременяя дѣйствія излишними приключеніями, что и показалъ Мольеръ въ своемъ *Мизантропѣ*, гдѣ изображены также характеры кокетки, женщины злословной и вершопраха. Бываютъ еще Комедіи *многохарактерныя*, то есть, составленныя изъ многихъ характеровъ одинакой силы, такъ что ни одного изъ нихъ не можно почестъ *главнымъ*; такъ у Мольера въ *Школѣ мужей* характеры Изабеллы, Сганареля, Ариста и Леонора, въ *Школѣ женъ* Агнесы и Арнольфа. Требуется однакожь, чтобы и въ сихъ Комедіяхъ *одно* или *два* лица имѣли нѣкоторое превосходство предъ прочими; другія, хотя и равныя съ ними, должны имѣть характеры противоположныя. Въ тѣхъ же Комедіяхъ, гдѣ есть господствующій или главный характеръ, должно стараться, чтобы участіе зрителей обраща-

лось наиболѣе къ нему одному, чѣпобъ онѣ былѣ единственною причиною и завязки и развязки.

Въ характерныхъ Комедіяхъ описываются нравы и обычаи или *общіе* или *частные*. Сочиненіе, основанное на нравахъ общихъ, должно нравиться повсюду и всегда. Плавтова Комедія *Скупецъ*, около двухъ тысячъ лѣтъ уже написанная, по нынѣ нравится и будетъ пріятна позднѣйшимъ потомкамъ. Комедіи же, въ которыхъ описываются нравы *частные*, не могутъ доставлять такого продолжительнаго удовольствія: и сверхъ того онѣ имѣютъ успѣхъ въ одной своей родинѣ. Мы читаемъ съ большою пріятностію *Андріенну* и другія Комедіи Теренція потому только, что онѣ хорошо написаны, и хорошо расположены; но онѣ не могутъ быть для насъ занимательны, ибо мы видимъ въ нихъ единственно изображеніе погдашнихъ Римскихъ нравовъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ.

„Всякая піеса комическая, говоритъ Мерзляковъ въ разборѣ оперы *Мѣльникъ*, шѣтъ поспояниѣе, продолжительнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ слабостъ, порокъ или предразсудовъ въ ней осмѣиваемый, менѣе часп-

ной и временной, но болѣе всеобщій и господствующій. Часпныя и временныя слабости и пороки скоро исчезаютъ и замѣняются другими въ обществѣ; какъ скоро оригиналы пропали, тогда перяютъ занимательность ихъ копіи или подражанія. *Скотинины* и *Простаковы* повывелись — и мы, плѣняясь оспроуміемъ фонъ Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣтны въ его изображеніяхъ. При томъ сіи изображенія спали ниже насъ: онѣ оскорбляютъ самолюбіе опечеспенное, напоминая, каковыми были, и каковы изъ насъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, еще есть нѣкоторыя. Удовольствіе слабѣетъ: мы хладѣемъ къ піесѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ. И пакъ содержаніемъ Комедіи должно быть смѣшное, пріятное или забавное, которое не унижало бы нашей природы, или нашего о себѣ мнѣнія и льстило бы самолюбію нашему пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на счетъ другаго . . . . .»

Авшору Комедіи болѣе всего надлежитъ сохранятьъ правдоподобіе и стараться, чшобы дѣйствующія лица, какъ въ поспупкахъ своихъ, пакъ и въ рѣчахъ, казались *натуральными*, ибо онѣ имѣетъ не-

премѣнною обязанностію заставить зрителя забыть, что находится въ театръ, заставить думать, что видишь не произведение искусства, а дѣйствительное происшествіе.

Комедія пребуешь также, чтобы все было въ ней привлекательно. — Хотя не возможно предполагать равной живости и равной красоты въ продолженіи всего сочиненія, ибо необходимо должны быть сцены, не могущія плѣнять наравнѣ съ другими: однакожь надобно стараться, чтобы и сіи слабѣйшія части, каждая по мѣрѣ своей, привлекали и возбуждали вниманіе зрителей.

Въ Комедіяхъ прекраснѣйшее дѣйствіе производишь *внезапность*. Она состоитъ въ такомъ приключеніи, котораго зритель не могъ ни ожидать, ни предвидѣть; но надлежитъ наблюдать, чтобы такой *переломъ* или *переворотъ* дѣйствія былъ правдоподобенъ, натураленъ, и происходилъ изъ самой завязки.

Слогъ Комедіи долженъ быть простъ, легокъ. Уподобляясь обыкновенному разговору, онъ пребуешь также избранныхъ выраженій, но опшюдь не принужденныхъ, не выисканныхъ, и не шерпишь какъ словъ

высокопарныхъ, такъ обвешшальныхъ и площадныхъ. Мысли должны бышь ясны, натуральны, основаны на испинѣ и правдоподобіи. Комическій поэтъ обязанъ говорить языкомъ всѣхъ соспояній, то есть такимъ, копорый бы поняшенъ былъ какъ челоуѣку придворному, такъ и провинціалу, ученому и невѣждѣ. Впрочемъ надобно замѣпить, что въ Комедіи, также какъ и въ другихъ произведеніяхъ піипическихъ, слогъ можетъ измѣняшься, сообразно званію говорящаго лица и положенію, въ какомъ находится оно: по сему Комедія можетъ имѣшь въ нѣкопорыхъ случаяхъ слогъ возвышенный, даже равный величественной Трагедіи и Елопее; въ иныхъ же случаяхъ самый проспый, и, какъ сказано выше, подобный обыкноуенному разговору.

Слѣдующіе опривки изъ разныхъ комическихъ произведеній могутъ объяснить всѣ предложенныя здѣсь правила какъ вразсужденіи слога, такъ и въ изображеніи характеровъ :

1. *Хвастунъ*, Комедія—соч. *Княжнина*.

Дѣйст: II. явл. 3.

Чванкина, Милена, дочь ея, Марина,

служанка, *Полистъ* слуга *Верхолета*.
называющійся его Секрешаремъ.

Чванкина.

А! Господинъ *Полистъ*! ужъ вы забыли насъ!

Полистъ.

Никакъ, Сударыня! лишь шолько сей же часъ
У Графа рѣчь была о всячинѣ со мною.
Я—и объ васъ ему напомнилъ; онъ душою
На вашей дочери сей день женишься радъ.
Хоть эшо для него, по правдѣ, и не кладъ,
Но дѣлашь счастье онъ другимъ всегда желаетъ;
При помъ же любитъ васъ и очень почишаетъ.
Уже объ эшомъ онъ увѣдомилъ и Дворъ.

Чванкина съ радостію.

И двсръ увѣдомилъ! какъ въ милоспяхъ онъ
скорь!

Такъ знаюшь во дворцѣ о насъ?

Полистъ.

Не шолько знаюшь,
Но и по комнашѣ о васъ лишь разсуждають.

Чванкина съ радостію.

Ужъ и по комнашѣ!—Смотри, какая чесшь!

П о л и с т ъ.

И имя ваше памъ не смѣюшъ произнесшъ
 Иначе, какъ всегда съ учшивосшью, съ поч-
 шеньемъ.

Ч в а н к и н а.

Съ почшеньемъ!—Спрячься дочь съ любовнымъ
 шы мученьемъ,
 И надобно шебѣ исчезнушъ опъ спыда.

П о л и с т ъ.

Того я и смошрю, что кучею сюда
 Наѣдушъ наши всѣ придворны кавалеры;
 И я, повѣрьше мнѣ, сударыня, пой вѣры,
 Чшо свадьбѣ надобно сегодня шочно бышъ.
 Вы эшо знаете: Дворомъ не лъзя шушишъ.

Ч в а н к и н а.

Такое мнѣ родшво прелесшно и свящленно;
 И свадьбу кончимъ мы сегодня непремѣнно.

М и л е н а.

Да какъ же?

Ч в а н к и н а.

Пересшанъ.

Милена.

Ахъ, мапушка!

Чванкина.

— Не ври,

Замолкни —

Милена.

Я умру —

Чванкина.

Пожалуй ты умри,

Да только умирай Графиней —

Милена опходя.

Нѣтъ надежды!

Явленіе 4.

Тѣ же, исключая Милену, и *Верхолетѣ*.
Передъ нимъ выходишь шолпа лакеевъ,
скороходовъ, гайдуковъ; онъ держишь
пукъ бумагъ, и припворясь, что ни-
кого не видишь, говоришь самъ съ со-
бою громко:

Несносные невѣжды! —

Просители! — Они прохода не дають!

Какъ будто лишь для нихъ всѣ знашныя живушь;

Да еслибъ были хошь ихъ прозбы справедливы!...
 Безъ основанія докучливы, брюзгливы!
 Ихъ всѣ желанія лишь шолько вздоръ одинъ....

П о л и с т ъ къ Чванкиной.

Смопреше, знашной какъ спрадаешъ господинь!

М а р и н а.

За шо какая жъ чесшь ему!

Ч в а н к и н а.

Какая слава!

В е р х о л е т ъ не примвчая
 никого, разверпываетъ одну
 изъ бумагъ.

Вопъ-на еще какой! онъ масперъ шанцовашъ,
 За шо въ судьи; нѣшъ другъ, шущъ надо раз-
 суждашь

И дѣло головой вершѣшь, а не ногами.

Развертываетъ другую бумагу.

А эшошь чшо поешъ? — „я разными спихами
 Лѣшъ сорокъ всѣмъ служу; вельможъ я шѣшу,
 Дворъ ;

Я спарѣ всѣхъ шеперь въ Россіи спихопворъ,
 А спаршиншво мое другіе опнимаюшь,
 И болѣе меня ужъ нрависься дерзаюшь!

Не лзя ли, Гбсударь, мнѣ выйдити указъ,
 Чпобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ.,,
 Ну, вошь желаніе доспойное поэта!

Развертываетъ еще бумагу.

Посмотримъ эшо что?—, изъ схранъ далѣкихъ
 свѣша

Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.

Когда позволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
 Въ кошоромъ кроюся проэкшовъ важныхъ
 силы;

Для Государства всѣ они зланыя жилы;
 Лишь шолько надо мнѣ впередъ шпо пысячь
 дашь.,—

Всѣ можно ль глупости людей перечишашъ!
 Гей! Господинъ Полисть! гдѣ вы?

П о л и с т ъ.

Чшо Графъ прикажешъ?

В е р х о л е т ъ.

Любезный Секретарь меня весьма обяжешъ:
 Все эшо разсмошрѣвъ, доложишь послѣ мнѣ.

П о л и с т ъ указываетъ
 на Чванкину.

Оборошишеса вы къ эшой споронѣ . . . . и пр.

2. Чудаки. Ком. соч. Княжнина.

Дѣйст. I. явл. 1.

Лентягинъ недоодѣшый, въ креслахъ,
и *Пролазъ*, наняшый слуга.

Пролазъ.

Позволено ль слугѣ ошкрышно разсуждашь?
Сегодня въ службу къ вамъ, сударь, опредѣлясь
И въ первый разъ я честь имѣя одѣвашь,
Не смѣю.....

Лентягинъ.

Говори, ни мало не бояся!

Я искренность люблю. Я чудный Господинъ,
Я спранный чловѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ
болтаешь;

Но Философія шѣ враки презираешь.
Кажуся спраннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно бышь. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу?

Пролазъ.

За это васъ, сударь, я болѣ почишаю;
Но, баринъ.....

Лентягинъ.

Говори ошкрышно, я прошу.

Пролозбъ.

Извольше, все скажу, что на сердце имѣю.
 Вы согласитесь: у всякаго вѣдь есть
 Своя—у бариналь, Царяль, слуги ли—честь;
 Однакожь шаки честь.

Лентягинъ.

Я это разумѣю,
 И знаю, что не родъ приноситъ честь съ собой.

Пролозбъ.

Вошь почно я шаковъ: униженъ хоть судьбой,
 Но духомъ я высокъ.—Я не могу измѣришь
 Какъ выше я другихъ, аршиномъ ли, двумяль;
 Дашолько честь люблю и въ помъ могу увѣришь.
 Охъ, горько мнѣ, сударь! охъ, горько!

Лентягинъ.

Ужь не яль
 Разгнѣваль чѣмъ себя? не я ли досаждаю?

Пролозбъ.

Такъ, вы, сударь. Я васъ впервые одѣваю;
 Опъ девяти часовъ ударитъ скоро часъ,
 А вы еще, а вы и вполы не одѣшы!
 Вошь это честь мою и колешъ прямо въ глазъ.

Вы знаете, сударь, дурныхъ людей навѣшны;
Злорѣчье скажешь шакъ: не баринъ виновашь,
Слуга его одинъ и глупъ и не проворень.

Л е н т я г и н ъ.

Весь свѣтъ лишь глупостью и злобою богатъ!
И въ плашѣ видно то, сколь свѣтъ сей золь
и чорень.

Чтобы перзашь меня и всѣхъ честныхъ людей,
Онъ бездну выдумалъ и пешель и завязокъ,
И пуговиць пусыхъ и пряжекъ и подвязокъ.—
На что? на то, чтобы, подобно какъ злодѣи,
День каждый мучася сжимался и давился,
И какъ невольникъ бы въ оковахъ я шомился!
И думашь нѣкогда! не бѣдныль мы, скажи?
Что свяжешь поупру, шю къ ночи развяжи!
И вошь у всѣхъ џ насъ главнѣйше упражненье!

П р о л а з ъ.

Все правда, но шому возможно бы помочь
И сократить, скорѣй одѣвшися, мученье.
Ужъ ровно пять часовъ не опшожу я прочь—
Въ шакое время бы одѣлась и кокешка.

Л е н т я г и н ъ.

Садись (*Пролазъ оглядывается*) садись, сударь,
я говорю шобѣ.

Пролозѣ.

Какъ , мнѣ, сударь?

Лентягинѣ.

Да, да.

Пролозѣ.

Иль по отъ васъ навѣшка,
Чшо смѣло говоришь я волю даль себѣ?
Я замолчу, сударь.

Лентягинѣ.

Ты думаешь пуспое,
Мой другъ! я не сержусь.—Садись, и будь въ
покоѣ.

Пролозѣ.

Да я вѣдь вашъ слуга.

Лентягинѣ.

Такъ чшо жъ?

Пролозѣ.

Гдѣ ни служиль ,
У мѣлкихъ, у Господъ, у всякаго народа,
При барахъ завсегда я споя шолько жилъ
И думаль, Господа совсѣмъ опмѣнна рода

Л е н т я г и н ъ.

Кпо чеспный человекъ, шопъ равень мнѣ во
всемъ.

П р о л а з ъ.

Давно вершѣлось шо, сударь, въ умѣ моемъ.
Я радъ, что разумъ вашъ съ моимъ сошелся
близко!

Чшобы слуга сидѣлъ, почто для баръ шо низко?
И шакъ, коль чеспному даете право сѣспъ,
Безъ угрызения моя садится чеспъ.

Садится подлѣ Лентягина.

Л е н т я г и н ъ.

Вопъ это я люблю. Проспое обхожденье
И посшупъ дружеска милѣе мнѣ всего.
Какъ въ плашьѣ, шакъ во всемъ на сѣшѣ
принужденье,
А эшого и нѣшпъ несноснѣй ничего.
Приемы вѣжливы, учшпвые изгибы,
Коваршва гнуснаго одинъ лишь только лакъ;
То сѣши грубыя для самой глупой рыбы,
Чему не вѣришпъ, кпо хошъ мало не дуракъ.
Не правда ли, мой другъ, не правдаль?

Пролозѣ протягиваясь на
креслахъ.

Точно шакъ.

Лентягинѣ.

Не правъ ли я, когда со всѣми поступаю
Иначе опъ другихъ? (*надѣваетъ на себя колпакѣ.*)

Надѣнь и ты колпакъ.

Пролозѣ надѣваетъ.

Не лъзя правѣе бышь, я въ эпомъ увѣряю.
То правда, что для всѣхъ покажется смѣшно...
Но что людей смѣшишь, не все вѣдь по грѣшно.
Насмѣшки ихъ, сударь, считаю за пусное.
Пусть всѣ себѣ сшояшь, сидѣшь мы будемъ двое.

.....

Лентягинѣ.

Ты видишь по, мой другъ, всѣ люди каковы;
Для насъ съ шобою—ихъ поступки не примѣры.

Пролозѣ.

Изъ собшвенной все брашь намъ должно головы;
Одни лишь люди мы, другіе лицемѣры,
Мы лучше всѣхъ.

Лентягинѣ.

Еще одинъ лишь договоръ

Хочу, любезный другъ, я заключишь съ тобою:
 Не умножай меня пы говоря со мною,
 Разсудку здравому не говори въ упоръ
Вы вмѣсто ты. О помъ пущь гордоспъ лишь
 хлопочешъ,

Котора въ пышности не споя *одного*
 На свѣпѣ *многими въ однолѣ* казашься хочешъ.
 Всѣ эши *вы и васѣ* не значашъ ничего,
 Когда *одинѣ* ничшо.

Пр о л а з ъ.

Всегда я думалъ шо же . . . . . и пр.

3. *Воздушные Зѣлки; соч. Хмельницкаго.*

А г л а е в а.

. . . . .

. . . . . Мы время здѣсь шеряемъ.
 Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
 И эшо вѣрно насъ съ прѣпносшью займетъ.

А ль н а с к а р о в ъ.

Ахъ, съ радоспью!—но мнѣ позволите напередъ
 Здѣсь моему слугѣ опдашь лишь приказанья.

А г л а е в а.

А я васъ жду.—Теперь прощайте, до свиданья.

(*Вѣ сторону*)

Я влюблена! —

*Явленіе 9.**Альнаскар овѣ одинь.*

И шакъ все случай довершилъ;
 Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
 Вошь, господа, кружишь какъ головы имъ должно.
 Но эшимъ вздоромъ мнѣ прельщаешься не воз-
 можно.

Судя по всѣмъ вещамъ, я швердо убѣжденъ,
 Чшо я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
 Не помню гдѣ... чиналъ я анекдотъ пре-
 красной:

Чшо кшо-шо изъ морскихъ въ часъ бури пре-
 ужасной

Приспалъ къ землѣ, дополь незнаемой никѣмъ.
 Онъ поселился тамъ, и кончилось шѣмъ,
 Чшо вскорѣ жители рѣшили межъ собою
 Республики своей избрать его главою.

*Викторѣ входитъ и подслушиваетъ.
 Альнаскар овѣ продолжаетъ.*

Онъ мудро управлялъ—и въ чесшъ ему пошомъ
 Народа общій гласъ избралъ его Царемъ!
 Чшо если бѣ? — почемужь! на счастье нѣшъ
 закона;

Да чѣмъ же, Боже мой! я хуже Робинзона?

Часть II.

5

И я могу ошкрышь прелесный оспровокъ.
 Тамъ сдѣлавшись Царемъ... поспрою городокъ,
 Займусь прожекшами, народными дѣлами,
 Успрою гавани, наполню ихъ судами —
 И шупъ-шо я до васъ, Алжирцы, доберусь!
 Смиришеса!—не шо... пойду, вооружусь,
 И вы познаеше воипеля десницу!
 Рѣшивши бой—лечу съ шрофеями въ споллицу—
 Я всшрѣченъ въ гавани народною толпой.
 Иду... проходу нѣшь! все ниць передо мной!
 Какой восшоргъ! вездѣ одни лишь слышны

клики :

Да здравшвуешъ нашъ Царь! да здравшвуешъ
 великій!.....

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскароеъ (въ жару мечпанья.)

Чшо хочешъ шы?... надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій Государь! васъ просяшь—кушашъ чай.

и прот.

Явленіе 10.

Викторъ одинъ.

..... Ну—баринъ мой проказишь не пушемъ:
 Онъ хочешъ сдѣлашься—бездѣлица—Царемъ!
 Вошь мѣсто славное для мичмана въ опшпавкѣ!
 Тогда бѣ не грѣхъ Царя..... просишь мнѣ о
 прибавкѣ

Сопняги лишней въ годъ?—но чшо ни говори,
 А вѣрно не прыгнешъ изъ мичмановъ въ Цари.
 Какъ въ голову войдешъ дурачесшво шакое?
 Вошь я шакъ напрімѣръ, оно совсѣмъ другое:
 Я лошерейной взялъ дорогою билешъ,
 И какъ не взяшь, когда увидѣлъ изъ Газешъ,
 Чшо скоро разыграшь хопяшъ часы съ лихими
 Кураншми, ну шакъ, чшо не распалсябъ съ
 ними!

Рискнуль—и за билешъ внесъ кровныхъ пяшь
 рублей.

Въ шпо шысячъ выигрышь? да кшо жѣ себѣ
 злодѣй?

Шпо шысячъ! Боже мой! въ швоей все эшо волѣ:
 Пусшь баринъ мой себѣ храбришся на прешполѣ,
 Да шпо-шо шысячъ шы пошли его слугѣ!
 А подлиннобъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.

*

Что еслибъ мнѣ..... хошь часпъ доспалася
на долю.....

Что сдѣлаю.... шопчасъ я выкуплюсь на волю—
Тушь въ службу, выслужусь и черезъ годъ.
какъ разъ

Вдругъ Викпоръ нашъ махнепъ въ чешырнад-
цапый классъ!

О чесшлюбіе! оспавъ меня въ покоѣ —
Нѣпъ, Викпоръ, нѣпъ, мой другъ, запѣяль
шы пущое.

Изъ службы не всегда вѣдъ выйдешъ съ бары-
шомъ.—

Такъ, лучше.... рѣшено—я дѣлаюсь купцомъ,
Хошь прешей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія плапшь мнѣ въ городскую Думу.
Тушь я благословясь пущусь шопчасъ въ торги...
По лавочкамъ мси всѣ заплачу долги—

Попомъ куплю себѣ я домикъ презапѣйной,
Сперва въ полку, а шамъ пожалуй на Лишейной!
Обзаведусь и самъ женюся наконецъ.....

И Саша мнѣ жена! и Викпоръ ужъ опецъ!
И вопъ вокругъ меня цыпляпочки—малюшки...
Я буду говоришь имъ сказки, прибаушки,
И въ счасъши проживу конечно до спа лѣшь!

Однакожь посмошрѣшь , здоровъ ли мой билепшь? *)

Шаритѣ въ карманахѣ.

Гдѣжь онъ? — кой чоршь! не по все въ руки
попадаетшь—

Билепшь! билепшь! — меня по кожѣ подираепшь!
Ахъ, Боже мой! и проч.

4. Разныя опривки, содержащія порп-
решы и описанія.

Изъ Комедіи К. Шаховскаго *Своя семья*
или *Залужняя невѣста*.

Я знаю эшихъ баръ, у всѣхъ одно и шоже;
Имъ нашего добра чужая грязь дороже.
Мадамамъ да мусьямъ за дрянъ, за всякой
вздоръ,
Родныя денежки бросають пакъ какъ соръ.
Когда же въ городѣ порядкомъ проживулся,
И экономничашь въ деревню уберулся,
То, Боже упаси! какой подымушь шумъ!
У деревеньчины послѣдній выбьюшь умъ.
А года черезъ два, опть барскаго приѣзда,
Сосѣди барскіе изъ цѣлаго уѣзда.

---

*) См. въ спашьѣ *Драма о Моноловѣ*.

Въ Ломбардѣ свидѣшельства и плачущь, да
везущь.

Охъ! наглядѣлась я, какую жизнь ведушь
Воспитанницы ихъ Сіашельсшвъ. Нѣшъ! Богъ
съ нею,

Не будешь модница племянницей моею.....

Д. I. явл. 1.

Ахъ! домъ большихъ господъ — училище пер-
пѣнья!

Вы въ маломъ видѣ шамъ найдете цѣлый
свѣшъ:

Инпригъ и происковъ.... чего въ немъ шоль-
ко нѣшъ!

Въ немъ крадушъ, грабашъ всѣ, крича на
безпорядки;

И даже карлица берешъ съ дворецкихъ взяшки.
— *явлен. 5.*

Покамѣшъ молода, шакъ надо веселишья.

А нынчежь все не шо, чшо было въ спарину;
Хошь, правда, мужъ у насъ держаль въ рукахъ
жену

И часомъ припугнешъ, а были мы счастливы;
Теперь же нѣжашъ женъ, а всѣ онѣ чущь живы:
Точъ въ шочъ усопшя! Богъ знаешъ опъ чего,
А нѣшъ веселаго лица ни одного, —

И шѣмъ , мой свѣшъ , онѣ поскливиѣй , чѣмъ
моложе . . . .

Д. 5. явл. 6.

Тажъ мода и въ Москвѣ—я памъ зимой была
У мужниной родни—съ ума было сошла!
Трехъ дочекъ ужъ невѣспъ нашла я у золовки:
Большія модницы и спрашныя моповки;
Да эшобъ не бѣда—кшо молодъ не бываль?
Ну пусшь бы ѣздили хопъ всякой день на балъ,
И сколько ихъ душѣ угодно, веселились;
Анъ нѣшъ, совсѣмъ не по: онѣ перекреслились
Въ пакія имена, чшо въ святцахъ нѣшъ у насъ:
Перепой, помнишся, Параша назвалась;
Фаншепой Фенюшка; а спаршую, Богъ съ нею,
Такъ назвали, чшо я и вымолвишь не смѣю.
Въ двѣнадцатомъ часу онѣ изволяшъ вспашъ
И шопчасъ за перо, давай къ друзьямъ писашь,
И рассылашъ людей въ шрескучіе морозы:
Имъ эшо весело, а бѣднымъ людямъ слезы...
Эхъ, чшо я, весело? шоска веселье ихъ!
Сберущся въ вечеру, разложашъ кучу книгъ,
Всѣ сядушъ вкругъ шшала: лупъ наши зачи-
шаюшъ;

А госпи бѣдные безъ опдыха вздыхаюшъ
Вплоть до зашрени. Золовушка жъ моя,

Кошорая ничушь неграмотнѣй меня,
 Назавтра всѣмъ кричишь: вчера у насъ чинали,
 И вечеръ такъ прошелъ, что мы и не видали.
 И диво ль, что она увидѣшь не могла?
 Съ начала до конца, подъ чиненье, все спала.
 Нѣшь, машущка, нешакъ мы съ молоду живали:
 Не знали моды мы крушишься безъ печали.
 Въ Москву всегда ѣзжалъ опецъ мой по зимамъ,
 И люди добрые не урѣжали къ намъ;
 А пуще весело мы проводили свяшки:
 Сберушся дѣвушки—шущъ пѣсни и загадки,
 И фаншы и жгушы, поднимемъ пылъ сполбомъ,
 Такая бѣгошня, что задрожитъ весь домъ....

талѣ же.

Изъ Комедіи того же автора *Урокѣ*
Кокеткамѣ, или Липецкія воды.

Графиня Лелева говоришь своимъ
 обожашелямъ;

Я признаюся вамъ, что Липецкъ рай земной!
 Любезностьъ жишелей и прелесни природы
 Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
 Нѣшь! я вообразить безъ груши не могу,
 Что должно въ Пешербургъ мнѣ будеть воз-
 вратиться,
 И важной значности въ блисшашельномъ кругу

О Липецкѣ вздыхашь и скукою помилъсья.
 И чшо найду я памъ? несносной эпикешъ,
 Обѣды званые и праздники нарядны,
 Гдѣ съ скукой по поламъ кружился въ валь-
 сахъ свѣтъ ;

И ахъ! концершы пѣ, гдѣ голоса нескладны
 И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей

Безъ милосердія шерзающъ слухъ гостей ;
 Теашры душныя, въ кошорыхъ, для уморы
 Несчастныхъ зришелей, злодѣи аматеры
 Пищашъ, коверкающъ Французскіе стихи.

А если попадусь я за мои грѣхи
 Въ собранье важныхъ дамъ, на пепушку по-
 хожихъ,

Кошорыя опъ лѣпъ ударясь въ ханжешво,
 Въ разказахъ не щадя ни дружбу, ни родшво,
 Браняшъ безъ милоспи проѣзжихъ и прохо-
 жихъ —

Тогда пропала я!—чшо можешъ бышь скучнѣй
 Злословья, клеветы и сплетней и вѣстей,
 Кошорыхъ никогда такъ много не бывало,
 Какъ нынче? если же и эпаго все мало,
 Чшобъ насъ моришь шоской, полишика сама
 Въ минушпу ивишся съ лганьемъ и новосшями,
 Засядешъ вкругъ спола, и громкими словами

Начнешь вишійспвовашь безъ полку, безъ ума;
И споры шѣмъ рѣшишь, что съ болью головою
Приѣдешь всѣ домой. Вопшь жизнью какою
Мнѣ должно мучишься; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счасію.—Ахъ! я цѣнишь умѣю
Таланшы, вкусъ и умъ!.....

Д. 5. явл. 5.

Слѣдующій опрывокъ заслуживаешь
вниманіе наиболѣе по заключающемуся въ
немъ *Астеизму*. (См. сіе слово).—Графиня
шакъ описываетъ Пронскому двоюродную
сестру свою Олиньку:

— Я вашъ вкусъ
Хвалю и ошдаю охотно справедливость
Прекрасной Олинькѣ, въ копорой и сама
Безъ памяши люблю и скромность и спыдли-
вость,
И сердца шишину, и власъ надъ нимъ ума.
Я даже вамъ скажу, хошя признашься спыдно,
Мнѣ хладнокровіе ея всегда завидно.

С а ш а въ спорону.

Что дальше?

Г р а ф и н я.

Ни къ чему въ ней лишней спраспи нѣшь.

Сколь много, сударь, васъ люблю и почишаю;
 И испинно, никакъ шого не понимаю,
 Какъ справедливоспи вамъ всей не ошдаюпъ,
 И ко Двору до сихъ васъ поръ не позовупъ?
 Не шолько вамъ, сударь, мнѣ, мнѣ за васъ
 обидно,
 Чшо васъ въ большихъ чинахъ досель еще не
 видно.

К р у т о н ъ.

Меня, сударыня?—хотя бъ шого желалъ—
 Чшо я за важныя услуги оказалъ?
 Скажише: сдѣлалъ чшо я важнаго на свѣтѣ,
 Чшобъ отъ Двора имѣшь награды мнѣ въ
 предметъ?

К н л ж н а.

И! и! сударь! не всѣ, которые въ чинахъ,
 Служили съ славою; вѣдь въ нашихъ шо глазахъ,
 Чшо случай надобенъ и сильной благодѣшель!—
 А если же, сударь, нужна и добродѣшель
 Къ шому, чшобъ бышь въ чинахъ и ленты за-
 служипъ,
 Такъ кшо же васъ шого достойнѣй можешъ
 бышь?
 Вашъ умъ, достоинства и знаніе шакое.....

Извольше въ вашемъ лишь желаньи изъяснипсья,
 А дѣломъ повернушь могу, сударь, я льспипсья.
 Имѣю я друзей изъ первыхъ здѣсь господь,
 Кошорые къ Двору пошчась дадушъ вамъ ходъ.

К р ц т о н ъ.

Да что я у Двора, скажише, дѣлашь спану?
 Божусь вамъ! не рожденъ къ придворному я
 сану:

Тамъ все, все не по мнѣ; — бышь можешъ, я
 не правъ,

Но видно небеса пакой мнѣ дали нравъ.

Не только при Дворѣ нельзя мнѣ ждашь успѣха;

Я вѣрнобуду шамъ предметомъ жалкимъ смѣха.

Бышь искреннимъ, вошь даръ одинъ души моей!—

Не масперъ лесью я обманывашъ людей;

А мыслей сокрывашъ кпо не имѣешъ дара,

Топъ долженъ ошь Двора бѣжашъ, какъ ошь
 пожара.

Я знаю: службою придвornoю въ нашъ вѣкъ

И знашенъ, и великъ бышь можешъ человѣкъ;

Но въ скромной долѣ кпо не ищешъ возвышенья,

По крайней мѣрѣ топъ избавленъ униженья.

Играшь роль жалкую:—спѣсь глупую сносишь;

Къ тому, кого не чпишь, съ поклонами ходишь;

Кого любишь не лзя, къ шому скрѣпясь ла-
 скашься,
 Спихами глупыми всѣхъ Графовъ восхищашься,
 Дивисься оспрошѣ совѣмъ неоспрыхъ словъ,
 И слушаешь плоскостии разпудренныхъ головъ.
 и проч.

Дѣйст. 5. Явл. 1.

Крутонѣ.

Все кончено, сударь, рѣшилъ я, довольно.

Людилѣ.

Не спорю, что шерпѣшь все эшо крайне больно;
 Но чшобъ . . . . .

Крутонѣ.

Ты можешь все, что хочешь, говоришь;
 Но дѣло рѣшено: я не могу здѣсь жить. —
 Нашъ вѣкъ развраша вѣкъ! — возможноль въ
 немъ ужишься?
 Нѣшь! съ общеспвомъ людей давно пора про-
 спишься! —
 Соперникъ мой не разъ въ бездѣльспвахъ об-
 личонъ;
 Все прошивъ плуша, все: чесшь, совѣспшь, самъ
 законъ!

Всѣ мнѣ швердяшъ: шы правъ,—онъ ссылки де
достоинъ;

И эшо истина.—Я правъ, шакъ я спокоенъ.—
Чтожь вышло наконецъ? не чудоль изъ чудесь?—
Я по законамъ правъ, и проиграль процессъ!
Подлецъ; о чьихъ дѣлахъ разбоиничьихъ всякъ
слышалъ,

Изъ омуша бездѣльшвъ, и сухъ, и чешень
вышелъ!

Предъ кознями его слабъ истины ушавъ;
Онъ, грабивши меня, умѣлъ ошпаться правъ.
Поклоны низкіе, коварная учшивость
То сдѣлали, чшо въ прахъ законъ и справед-
ливость!—

Но мало эшого:—чшобъ плупни увѣнчашъ,
Безчестно подъ арестъ меня хотѣли взяшъ!—
Прескаредное въ свѣшъ явилось сочиненье,
Предосудительно котораго и чшенье,
И право, шпоишъ бышь публично созжено:—
Плупъ выдумаль, чшо мной написано оно,—
И въ эшомъ всякому безбожно здѣсь божишъ!...
А Знашовъ подержашъ его въ шомъ не спы-
дшъся:

Графъ Знашовъ! при Дворѣ, на степени вель-
можъ,

О разности между Комедіи и Трагедіи.
 Трагедія подражаешь изящному, величественному; Комедія подражаешь смѣшному. Одна возвышаетъ душу и образуешь сердце, другая чиститъ нравы и исправляетъ спранныости. Трагедія смягчаетъ насъ посредствомъ состраданія и удерживаетъ посредствомъ страха; Комедія снимаетъ съ насъ личину и представляетъ намъ зеркало, гдѣ можемъ ясно себя видѣть. Трагедія не позволяетъ смѣяться, ибо оны безразсудныхъ поспушковъ знаменитыхъ людей происходятъ несчастія (*quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi*); Комедія смѣшитъ, пошому что глупости незначущихъ людей не иное что суть, какъ глупости: послѣдствія оныхъ не опасны.

Комедію такъ опредѣляютъ: дѣйствіе *вымышленное*, въ которомъ представляется смѣшное, съ намѣреніемъ оное исправить; въ дѣйствіи прагическомъ заключается по большей части *истина* — по крайней мѣрѣ имена берутся изъ исторіи, но въ Комедіи все вымыслено. Сочинитель полагаетъ основаніемъ что нибудь правдоподобное, и сего доспашочно; пошомъ созидаетъ по своему произволению, шворитъ дѣйствіе, лица, умножаетъ ихъ

по представляющейся надобности, называется какъ хочешь, и никто не можетъ упрекать его . . . . . *Батте*.

Исторія Комедіи.—Изобрѣшеніемъ драматическаго искусства мы обязаны Грекамъ. Въ самомъ младенчествѣ своемъ Комедія и Трагедія смѣшаны были вмѣстѣ: обѣ состояли только изъ хоровъ. *Фесписъ*, рожденный на островѣ Архипелажскомъ Икаріи, и жившій за 536 лѣтъ до Р. Х. первый ввелъ одно говорящее лице. Актеры его, замаранные грязью, ѣздили по селеніямъ на колесницѣ, пѣли похвалу Бахусу, смѣшили и дразнили собиравшійся вокругъ ихъ народъ. По прошествіи немалого времени спали опдѣляяшъ шупочное опъ важнаго: тогда Комедія и Трагедія получили особенныя основанія. Поэты современные *Феспису*, *Хіонидъ*, *Магнесъ*, *Формисъ*, начали вводивъ по нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, подчинили произведенія свои нѣкопорымъ правиламъ и украсили оныя болѣе всего благоприспойноспію. Сочиненія сіи не достигли до нашихъ временъ.

(Горацій упоминаетъ о прехъ комическихъ писателяхъ: о *Евполисѣ*, *Кратиносѣ*, *Аристофанѣ*, и присовокупляетъ, что какъ

*

сіи, такъ и другіе цѣражнявшіеся въ оноиъ родѣ, осмѣивали пороки и даже лица съ грезвѣтайною вольностію. Изъ сего видно, что упоминаемые Гораціемъ авпоры не одни были, и не первые.)

Греческую Комедію раздѣляютъ на древнюю, среднюю и новую.

Древняя, которую Горацій почитаетъ показавшеюся послѣ *Есхила*, ш. е. около 82 Олимпіады, представляла извѣстныя и подъ собственымъ ихъ именемъ лица, съ подражаніемъ ихъ странностямъ и порокамъ. Сія вольность возрасла, наконецъ до такой степени, что полководцы, градоначальники, философы, ораторы, дѣлались предметомъ и жертвою сихъ безжалостныхъ сатиръ; даже самое богослуженіе много опъ нихъ шерпѣло. — По введеніи Аристократическаго правленія законы возспали прошиву сей вольности. *Ламакъ*, Афинскій полководецъ, изданнымъ около 404 года до Р. Х. повелѣніемъ, запретилъ называть на шеапрѣ кого либо собственнымъ именемъ. — Съ сего начинается Комедія средняя. — Однакожь спихопворцы скоро нашли средство избѣгать сего принужденія: исплинныя происшествія, сходство личинъ, одежды, пѣлодвиженій, го-

лоса, означали пакъ хорошо осмѣиваемыхъ людей, что называли ихъ по имени при первомъ взглядѣ.

Александръ, овладѣвъ Греціею около 335 года до Р. Х. совершенно уничтожилъ всѣ сіи соблазнительныя выдумки, запретивъ представлять истинныя происшествія, и тѣмъ изгналъ съ театра всякую личность. Тогда сатиризаторы увидѣли себя принужденными изобрѣсти и предметы для своихъ Комедій и имена дѣйствующихъ лицъ, что очистило и обогатило театръ, ибо Комедія преспала тогда бытъ Мегерою, вооруженною факелами, а сдѣлалась только изображеніемъ человѣческой жизни. Съ сего началась Комедія новая.

Между великимъ числомъ Греческихъ поэтовъ, оплывавшихся въ *старой* или *древней* Комедіи, извѣстенъ почти одинъ Аристофанъ, родившійся на островѣ Родосѣ около 455 года до Р. Х: его только шворенія до насъ доспигли. Онъ упражнялся и въ *средней* Комедіи — также какъ *Евполисъ* и *Кратиносъ*.

Менандръ, родившійся въ Афинахъ около 342 лѣтъ прежде Р. Х. и прозванный *Царемъ новой Комедіи*, извѣстенъ намъ только по ошривкамъ, показывающимъ,

что Плутархъ справедливо предпочишалъ его Комедіи Аристофановымъ. Въ сихъ опривкахъ видны изображенія живыя, почныя и благоприспойныя — Сапира на пороки и спранности всегда шонкая и пріятная.

Кажешся, во всей Греціи одни шолько Афины имѣли насшоющую Комедію. Неизвѣсно, до котораго времени она шамъ продолжалась. Съ прочими искусшвами перешла она въ Римъ въ продолженіи (по словамъ Сульцера) 135 Олимпіады, шо есть около 514 года по основаніи Рима. Ее упошребляли при священныхъ празднешшвахъ и, по свидѣшельству Тита Ливія, почишали средспвомъ къ умилосшвлению боговъ. *Ludi Scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.* Первымъ между Римлянъ комическимъ спшхотворцемъ почишаешся *Ливій Андроникъ*, родомъ Грекъ, начавшій свои комическія предспавленія въ Римѣ около 240 года до Р. Х. — *Наконисъ* и *Енній* были его современники. — Расположеніе ихъ Комедій неизвѣсно. Цицеронъ говоритъ однакожь, что шворенія *Ливія* не могли бышь чшпаны дважды. *Livianae fabulae non satis dignae iterum legantur.* Еннію послѣдовали *Цецилій* и *Плавшъ*

(родившійся въ Сарзинѣ, что въ нынѣшнемъ Урбинскомъ Герцогствѣ около 230 лѣтъ предъ Р. Х. — первый былъ его современникъ), кои также, какъ и бывшій послѣ нихъ Терренцій (род. въ Карфагенѣ, около 193 года нашего лѣтосчисленія, опущеникъ Римскаго. Сенатора Терренція Лукана) брали свои Комедіи изъ Греческаго театра. Первые подражали Аристофану, послѣдній Менандру. Цицеронъ и Квинтиліанъ удивляюшся въ Терренціевыхъ сочиненіяхъ какъ числослѣ Лапинскаго языка, такъ расположенію и характерамъ лицъ. Въ царствованіе Августа прославились Комедіями стихотворецъ Афраній, но до насъ не дошло ни одного изъ его пьесъ; онъ только пѣмъ опличался опъ Терренція, что избиралъ для своихъ Комедій Римскія лица.

У Римлянъ имѣла Комедія разныя названія, смотря по разнымъ обстоятельствомъ, ниже сего показаннымъ:

1.) Комедіи называемыя *motoriae* были пѣ, въ которыхъ все происходило въ дѣйствіи, какъ на примѣръ въ Плавшовомъ Амфипріонѣ.

2.) Комедіи *logatae* назывались опъ того, что представлявшіе въ нихъ актеры

имѣли на себѣ *тоги*. Сіи раздѣлялись еще на *togatae tabernariae* и *atellanae*. Называемыя *togatae* занимали средину между *pretextatae* и *tabernariae*, и были пропивоположны Комедіямъ *palliatas*. Сей родъ Комедіи обязанъ происхожденіемъ Спешанію.

Прим. Тога была одежда Сенаторовъ, происходящихъ отъ рода Папиріевъ. Прешекспою называлась одежда съ широкими рукавами и съ шириною по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣта: ее носили градоначальники.

3.) Комедіи *atellanae* получили названіе отъ города Ателлы. Онѣ отличались вольностію и даже неблагоприспоспійностію; раздѣлялись на акты и заключали въ себѣ музыку, пантомимы и пляску.—Свешоній въ сочиненіи о славныхъ Грамматикахъ говоритъ, что изобрѣшашелемъ сей Комедіи былъ Меліссъ, Меценатовъ библіошкаръ; другіе полагаютъ, что Комедіи *atellanae* предспавляемы были не наспоющими актерами, а молодыми людьми изъ гражданъ, что онѣ сосполяли изъ однѣхъ шушокъ, называемыхъ *Екзодіями*, и что Меліссъ далъ имъ полько лучшее образованіе.

4.) Комедіи *tabernariae* имѣли предметомъ подражаніе нравамъ проспаго народа и назывались такъ поному, что на шеапрѣ предспавляемы были пипейные дома и прочія подобныя мѣспа, (*taberna*). Афраній и Енній опличчались въ семь родѣ.

5.) Комедіи *palliatae* имѣли содержаніе, почерпнутое изъ Греческихъ обычаевъ и назывались такъ опъ того, что актеры въ оныхъ имѣли Греческія маншіи, *pallium*. Сіи сочиненія назывались еще *crepidae* по имени обыкновенной Греческой обуви.

6.) Комедіи *pretextatae* были пѣ, въ коихъ содержаніе и лица заимспвованы были изъ сословія, имѣвшаго право носить *toga pretexta*.

7.) Комедіи *trabeatae*, копорыхъ изобрѣшеніе приписываютъ Каію Мелиссе, предспавляли славныхъ рыцарей. Актеры въ оныхъ были одѣты *in trabeis*.—Трабея была одежда Консульская во время мира, копорую надѣвали также полководцы, шорже-спвующіе послѣ войны одержанныя ими на полѣ брани побѣды.

8.) Комедіи *planipediae* получили названіе или опъ того, что актеры играли въ нихъ съ голыми ногами, или, по мнѣнію другихъ, опъ шеапрровъ, въ копорыхъ

были для зришелей ярусны (*plain-pied*). Сии Комедіи имѣли низкое содержаніе, что видно изъ словъ Тасса, которъй говоря о разныхъ родахъ Комедій, присовокупляетъ *alcune altre per l'umiltà dell'argomento fur dette planipediae*, т. е. нѣкоторыя опть низости содержанія были названы *planipediae*, слѣдовашельно Тассъ не согласуется съ вышепоказанными мнѣніями о корнѣ сего слова.—*Opere di T. Tasso. Vol. 5.*

9.) Комедіи *statariae* заключали много разговоровъ и мало дѣйствія — какова на примѣръ Терренціева Комедія *Несуре*.

10. Комедіи *mixtae*, сложныя, были шѣ, въ которыхъ одна часпъ происходила въ повѣствованіи, а другая въ дѣйствіи. Римляне говорили, что сии Комедіи были часпю *statariae*, и часпю *motoriae*, и приводили въ примѣръ Терренціева *Евнуха*.

11.) Комедіи *rhintonicae* названныя по имени изобрѣшателя ихъ Ринтона, заключали въ себѣ несчастныя какія либо приключенія, и назывались еще *Hilaro-tragedia*, *Latina comedia* и *Comedia italica*.

Такова была Комедія у двухъ знаменитѣйшихъ народовъ.

О началѣ новѣйшей Комедіи ничего неизвѣстно. Можно полько предполагать,

что въ Италіи сохранялось всегда воспоминаніе о Комедіи Римской, и что шамъ она по возрожденіи наукъ начала мало по малу приближаться къ прежнему своему совершенству; впрочемъ, говоритъ Сульцеръ, не споишь пруда искашь ее далѣ XVI вѣка; ибо извѣстно, что и въ семь вѣкѣ, даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, были однѣ полько грубыя фарсы (шутовскія представленія) безъ малѣйшаго вкуса и правильности.

Испанцы прежде другихъ народовъ имѣли Комедію въ надлежащемъ видѣ. Лопецъ де Вега, родившійся въ 1562 году, написалъ Комедію *Лжецѣ*, копорой подражалъ извѣстный Французскій писатель Корнель: сіе подражаніе представлено было въ первой разъ въ Парижѣ въ 1642 году. Мольеръ усовершенствовалъ Французскую комедію. Первая Комедія его *Вертопрахъ* представлена была въ Ліонѣ въ 1653 году. Ренаръ, Депушъ, Пиронъ, наиболѣе описались послѣ Мольера въ комическомъ родѣ. — Въ Англіи извѣснѣйшіе комики суть: Драйденъ, Вичерлей, Ванбрукъ, Конгревъ, Спиль, Цибберъ и пр. — У Нѣмцовъ показались правильныя комическія и вообще драматическія представленія, не прежде

XVII столѣтія; и сіи сочиненія не иное что были, какъ слабые переводы съ Испанскаго и другихъ языковъ. Въ 1619 году за немѣнимъ иныхъ сочиненій представляемъ былъ на шеатрѣ Гвариніевъ *Вѣрный пастухъ* (il pastor fido). Въ прошедшемъ столѣтіи Германія имѣла уже много весьма хорошихъ Комедій: Геллерповы *Богомолка и нѣжныя сестры* заслужили всеобщее уваженіе. Въ 1747 году представлена была въ Лейпцигѣ первая Лессингова Комедія *Молодой цугной*. Шлегель, Браве, Вейссе, и другіе какъ по: Рейхардъ, Гашперъ, Енгель, Баронъ Геблеръ, Бокъ, Везель, также съ успѣхомъ упражнялись въ комическомъ родѣ; но никто столько не писалъ въ ономъ, какъ Августъ фонъ Коцебу, кончившій жизнь свою трагически въ прошедшемъ 1819 году.—Италія, въ отношеніи къ сочиненіямъ комическимъ, не заслуживаетъ даже бытъ упомянута: ея лучшіе драматическіе писатели упражнялись или въ Трагедіяхъ, или въ Операхъ.

Что касается до Комедіи Россійской, то едва ли извѣстно было въ Россіи и названіе *Комедіи* прежде Царя Алексія Михайловича. При немъ Бояринъ Аршемонъ Сергіевичъ Машвѣевъ выпросилъ дозволе-

ніе привѣхавшей въ Россію одной иностранной труппѣ актеровъ представити нѣсколько театральныхъ сочиненій, и въ розрядныхъ запискахъ 1676 года написано о семъ слѣдующими словами: „была Комедія въ Преображенскомъ; пѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна Царица Царю голову отсѣкла (надлежало бы сказаць, какъ Царица Юдифь Царю Олоферну голову опрубила) и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артемона Сергіевича Машвѣева. Тогдажь года другая Комедія шамъ же, какъ Арпаксерксъ велѣлъ повѣсипь Амана, и въ органы играли, и на фіоляхъ и въ спруменшы и панцовали. Въ шрепие шамъ же пѣшили Великаго Государя на заговѣнье Нѣмцы и люди Артемона Сергіевича на органахъ и на фіоляхъ и на спруменшахъ и панцовали и всякими попѣхами разными.—Всѣ сіи представленія были первыя въ Москвѣ, и по не на Русскомъ языкѣ. Уже при Царѣ Феодорѣ Алексіевичѣ появились первыя Славенорускія театральныя сочиненія, представленные въ новозаведенной при немъ же Академіи въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, а попомъ и при дворѣ. Сочинилемъ сихъ Комедій

(похожихъ болѣе на нынѣшнія драмы) былъ Іеромонахъ Симеонъ Полопскій, воспитанникъ Академіи Кіевской и учитель Царя Феодора Алексіевича: онѣ до нынѣ рукописными сохраняются въ Пампріаршей библіотекѣ между сочиненіями Полопскаго, а двѣ первая *о блудномъ сынѣ*, и вторая *о Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ печи*, напечатаны въ VIII часпи древней Россійской Вивліюфики. (Изд. 2. Москва 1789.) При семъ же Государѣ переведена была на Славянскій языкъ первая не изъ числа духовныхъ Комедія Мольера: *Врачъ противу воли* (*medecin malgré lui*) и была играна приватно при Дворѣ Царевною Софьею Алексѣевною съ благородными дѣвицами и мушкетерами. Въ Царствованіе Государя ПЕТРА I. сочинены были законоспаскими учителями многія духовныя и недуховныя Комедіи и представлены при разныхъ торжественныхъ случаяхъ; нѣкоторыя находятся въ IX часпи Древ. Рос. Вивліюфики, а иныя печатаны особо. Сіе послужило поводомъ, что въ *Духовномъ Регламентѣ* 1722 года предписано уже было Семинаріямъ по нѣскольку разъ въ годъ для увеселенія учениковъ заставлятъ ихъ представлятъ Комедіи.—

До сего времени на придворныхъ шеашрахъ играны были по большей части сочиненія иноспранныя; около 1748 года Кадешы въ Сухопушномъ Корпусѣ начали играшь Рускіе Діалоги (разговоры безъ дѣйствія, actio.), представляли иногда въ присутствіи самой Императрицы и могли ей понравиться. Тогда Сумароковъ началъ помышляшь о распространеніи вкуса къ опечесшвеннымъ представленіямъ, и, можно сказать, онъ первый образовалъ нашу Комедию, равно какъ и Трагедию. За нимъ послѣдовали фонъ Визинъ и Княжнинъ, изъ копорыхъ послѣдній шакъ удачно умѣлъ пользоваться авшорами иноспранными, чшо въ самыхъ подражаніяхъ своихъ дѣлался оригиналомъ. Нынѣ шеатръ нашъ обогатился многими весьма хорошими комическими сочиненіями. . . . .

Прим. Въ числѣ сочинителей Духовныхъ представленій почищаются: 1) Св. Димитрій Митрополишь Ростовскій, родившійся въ Кіевѣ въ 1651 году и скончавшійся въ 1709. Онъ написалъ Драны *Рождество Христово, Воскресеніе Христово, Есфирѣ и Агасферѣ*, Аллегорическую Драну *Грѣшникѣ кающійся* и еще двѣ Драны подъ названіемъ *Успенская* и *Димитріевская*. Всѣ

сіи Драмы въ спихахъ съ рифмами сочинены по силлабическому размѣру. Св. Димитрій писалъ оныя еще въ Малороссіи, гдѣ драматическія представленія, въ его время, были въ часпомъ упошребленіи и въ уваженіи какъ у Духовныхъ, шакъ и у свѣпскихъ; а послѣ онѣ играны у него бывали въ Роспоеѣ. Драма *Есфирѣ и Агасферѣ* однажды въ великій постѣ представлена была и на Придворномъ шеапрѣ при Императрицѣ **ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ**. Для представленія Иисуса Хрїста и Богородицы, вмѣсто дѣйсвующихъ лицъ, всегда выспавлялись только иконы. Списки нѣкопторыхъ изъ сихъ Драмъ еспѣ въ Папріаршей библіопекѣ, а иныя въ Росповѣ. — 2.) Феофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, род. 1681, въ Кіевѣ, и сконч. въ С. Пешербургѣ въ 1736 году. Онъ написалъ *Трагедо-Комедію* на Рускомъ языкѣ подъ названіемъ *Владимірѣ всѣхъ Славено-Россійскихъ странѣ Князь и Повелитель*, представленную въ Кіевѣ Академиспами въ 1705 году. Сія Драма писана силлабическими безъ скансіи спихами въ быпносѣ еще его учипелемъ поэзіи, по обыкновенію издавна въ Кіевской Академіи заведенному, чшобы каждый учипель

въ Могилевѣ въ 1795 году. Онъ также въ бытность свою при Академіи Кіевской, по вышеозначенному обыкновенію, написалъ нѣсколько Драмъ или Комедій духовныхъ; но онѣ оспались въ рукописяхъ. — Слѣдующая надгробная надпись, которую сочинилъ онъ себѣ не задолго до смерти своей, чувствуя неминуемое приближеніе оной, можешь показаться довольно любопытною :

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой
учишель ;

А въ шридцать восемь лѣтъ я сдѣлался Свя-
щисель ;

Семнадцать лѣтъ пошомъ боролся я съ вол-
ками ,

И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.
За прешерпѣнные шруды и непогоду
Архіепископомъ и Членомъ спалъ Синоду.

Георгій имя мнѣ; я изъ Конискихъ дому,
И въ жизни былъ коню подобенъ почшовому.
Сея-шо падали зарыль здѣсь грѣшни кости
Седьмь сошь ошь Рождества годъ пятый де-
вяносный.

и 4.) Упомянутый выше Симеонъ Полошскій, родившійся въ Полошскѣ въ 1628,

и скончавшійся въ Москвѣ въ 1680 году.— Тредіаковскій въ *Разсужденіи* своемъ о древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихотвореніи полагаетъ Полопскаго образова- шелемъ средняго Россійскаго стихотворе- нія, по еспь, удалившагося опъ грубости древнихъ нашихъ Польско - Россійскихъ стихосложеній, но не доспигшаго еще до чистоты Россійскаго слога. Къ чести Полопскаго можно здѣсь примолвить, что Ломоносовъ, образовапель послѣдняго рода нашего стихотворенія, первыя свои поня- тія о красотѣ и величествѣ поэзіи заим- ствовалъ изъ его *Псалтири*.—См. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писа- теляхъ духовнаго чина, Грекороссійскія церкви. С. П. Б. 1818.

Примѣч. Слово *Комедія*, по мнѣнію нѣ- копорыхъ лингвистовъ, соспавле- но изъ двухъ Греческихъ: *коми* село и *оди* пѣснь; и потому полагають, что первыя Комическія предспавленія по- явились у Грековъ въ селахъ, а не въ городахъ.

КОМИЧЕСКІЙ. Название сіе придает- ся автору, сочиняющему Комедіи; шап- ральнымъ предспавленіямъ, заключающимъ

*

въ себѣ смѣшное, спрванное—и всему, что относится до Комедіи. Говорятъ: Комическій стихопворецъ, или Комикъ, Комическій характеръ, Комическое дѣйствіе и пр.

Комическое бываетъ двухъ родовъ: Комическое *въ дѣйстви*, (actio) и Комическое *въ мысляхъ*. Первое происходя изъ самаго содержанія Комедіи, заключается въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Второе состоитъ въ острыхъ словахъ, въ шушломъ или замысловапомъ разговорѣ. *Комическое въ дѣйстви* есть, безъ всякаго прошиворѣчія лучшее, ибо оно можетъ увеселяя и поучать; *Комическое въ мысляхъ* также необходимо для украшенія, но не должно слишкомъ къ нему одному прилѣпляться.

Комическое дѣйствіе бываетъ еще *высокое* и *низкое*. Высокое — когда подражаетъ обращенію, разговорамъ, спрванностямъ пѣхъ людей, кои живутъ въ обществвахъ, называемыхъ лучшими; низкое — когда заключается въ себѣ происшествія, разговоры, спрванности, видимыя въ простомъ народѣ. Въ первомъ дѣйствуетъ наиболѣе умъ, и то, что извѣстно подъ именемъ понкоспи вкуса; во второмъ пиз-

волишельны пословицы, игра словъ, и всякія благоприспойныя шупки. Но дабы лучше успѣшь въ обоихъ родахъ, по потребности щашельное изученіе нравовъ и свойствъ каждаго соспоянія, особливо *большаго свѣта*, попому чшо сшранности и пороки знашныхъ людей едва бывають примѣшны, скриваясь подъ личиною учшвства или приличія, словомъ сказашь, Комическій сшхошворецъ долженъ имѣть непремѣнно глубокое познаніе природы и сердца чловѣческаго. — См. примѣры въ сп. *Комедія*.

КРАЕСТИШІЕ, краесшрочіе.—См. Акросшхъ.

КРЕТИКЪ, Creticus, Кришская сшпа, шо же, чшо Амфиврахіи.—См. сіе слово.

КУПЛЕТЪ.—См. Сшрофа.

Л.

ЛАКОНИЗМЪ. Качество слога. Изъясненіе чего либо въ крашкихъ, сильныхъ, разишельныхъ выраженіяхъ.

Сіе дарованіе особливо приписываемо было Лаконыямъ, или Лакедемонянамъ — опть имени коихъ и слогъ Лаконическій получилъ свое названіе.

Россійскій полководецъ *Росславъ* (въ Трагедіи Княжнина сего имени) въ слѣдующихъ опвѣскахъ Христіерну даешъ прекрасный примѣръ *Лаконизма* :

Христіернъ.

Когда бы ты былъ Царь, несчастіемъ ввер-
женъ въ плѣнь,
Твоею бь дерзоспью я не былъ удивленъ,
Царя бы чшилъ въ шебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненіи прошивъ меня дерзая,
И гнѣва моего не спрашашь грозь,
Чшобы не препешать, кто ты шаковъ?

Росславъ.

— *Я Россъ.*

Христіернъ.

Ты плѣнникъ дерзоспный, ты рабъ мой.

Росславъ.

— Топъ свободень,
Кшо смерти не спрашашь, пиранамъ не угодень.

Христієрнѣ.

Внемли; хочу тебя въ послѣдне пощадишь
 И дерзоспи швоей въ послѣдній разъ проспишь,
 Хочу тебя спаспи... зрю, что тебя смущаешь
 И шайны важной мнѣ опкрышь не допускаешь:
 Спрахъ злобу заслужишь опъ Князя швоего,
 Но будь мой подданный, оспавъ, оспавъ его,
 Опъ швоего швой рокъ зависишь произвола;
 Чего желаешь шы? скажи —

*Росславѣ.**Ниже престола.**Христієрнѣ.*

Умри злодѣй! мое шерпѣнье изшребя,
 Надежду на кого възлагаешь?

*Росславѣ.**На себл.**Христієрнѣ.*

Во узахъ и въ моей спѣсненъ всевластной
 волѣ,
 Оспавленный опъ всѣхъ и въ самой жалкой
 долѣ,
 Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣшь,
 Чпо можешь шы?

Р о с с л а в ъ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

Х р и с т і е р н ъ.

Увидь мученія, ужь смерть шебѣ гопова,
Когда велю шерзашь, ошкроешь все.....

Р о с с л а в ъ.

— *Ни слова.*

Въ Трагедіи Озерова подь именемъ
Фингалъ, шакже можно видѣшь *Лаконизмъ*
въ ошвѣщѣ Фингала Спарну:

С т а р н ъ.

Ты въ обласняхъ моихъ.

Ф и н г а л ъ.

И здѣсь не въ первый разъ.

Какая обширная мысль заключается
въ сихъ крашкихъ словахъ! онѣ значашь,
чшо Фингалъ не имѣешь ни малѣйшей при-
чины опасашься Спарна, ибо и прежде бы-
валъ въ его обласняхъ—всегда побѣдише-
лемъ.

ЛАКОНИЧЕСКІЙ. Лаконическій слогъ
ешь шощь, когда не многими, но рази-

пелными словами изображаешься какая либо обширная мысль.—См. *Лаконизмъ*.

Сей шерминъ можно иногда выразишь Русскимъ словомъ *отрывистый*.

ЛЕ, lai, родъ пѣсенки бывшей прежде въ упопребленіи у Французовъ.—См. *Виреле*.

ЛЕГКОСТЬ. Качесство слога: па небрежностъ, или непринужденностъ, копорую чувсвуюшь, когда поэтъ или орапоръ, совершенно предаеца влеченію своихъ чувсвѣй и мыслей, не изыскивая ни обороповъ, ни выражений.—Слѣдующіе опривки изъ разныхъ спихопвореній лучше могутъ объяснишь свойсство *легкости*:

Ошеческіе боги!

Да къ хижинѣ моей

Не сыщешъ ввѣкъ дороги

Богашсство съ суешой;

Съ наемною душой

Разврапные счаспливцы,

Придворные друзья

И блѣдны горделивцы,

Надушые Князья!

Но пы, о мой убогой

Калека и слѣпой,
 Идя пушемъ-дорогой
 Съ смиренною клюкой,
 Ты смѣло посмучися,
 О воинъ, у меня;
 Войди и обсушися
 У яркаго огня.
 О спарець, убѣленный
 Годами и шрудомъ,
 Трикрапы уязвленный
 На присшупѣ шшыкомъ!
 Двуспрунной балалайкой
 Походы прозвени
 Про вишязя съ нагайкой,
 Чпо въ жупель и въ огни
 Лешалъ передъ полками
 Какъ вихоръ на поляхъ,
 И вкругъ его рядами
 Браги ложились въ прахъ и пр.

Батюшковѣ.—Мои Пенашы.

О гласъ Царя! о Chesъ народа! пламень мщенья
 Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
 Все браню вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
 И грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
 Тогда явилось все величіе народа,

Амуры украшали,
 Амуры образъ швой повсюду шамъ казали,
 Амуры наконецъ
 Примыслили къ лицу, на всякой образецъ
 Различные уборы . . . . и пр.

Желаль бы описашъ подробно
 Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палашъ,
 Гдѣ все плѣняло взглядъ
 И было безподобно:
 Но всюду шамъ умомъ
 Я Душеньку встрѣчаю,
 Прельщаюсь, и пошомъ
 Палашы забываю, и пр.

Богдановичъ.

Въ Трагедіи Озерова *Фингалъ*:

Ф и н г а л ъ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
 Моина, повпори пріятноспъ словъ швоихъ;
 Скажи, что моему шы не прошиваясь счастью,
 Не оскорбляешься моею нѣжной спраспью,
 Что шы довольна ей, что милъ шебѣ *Фингалъ*.
 Когда бы знала шы, какъ много я спрадалъ

Со дня, какъ въ первый разъ пвои красы
увидѣль! . . . .

Дополѣ мыслью дикъ, любовь я не навидѣль,
Счипаль ее мечшой и слабосшью умовъ;
Какъ спужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ
суровъ.

Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый!
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувств-
ва новы,

И огонь, палящій огонь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувспвовашъ спраданія любви,
Унынїе, шоску, опчаянње разлуки,
И спрахъ не милымъ бышь, и ревности всѣ
муки . . . . . и пр.

М о и н а .

. . . . .

Любви лишь можешъ бышь одна любовь на-
градой.

Люби меня, Фингалъ, и чувспво шо храня,
Въ родителѣ моемъ спокой, ушѣшь меня . . . .

. . . .

Онъ не учаспвуешъ въ веселїи безвинномъ,
И спонешъ, какъ волна при берегѣ пустыни-
номъ. и пр.

Въ спихахъ Державина *Рѣшемыслу* :

Веселонравная, младая ,
 Нелицемѣрная, просшая ,
 Подруга Флаккова и дочьъ
 Природой даннаго мнѣ смысла!
 Приди ко мнѣ, приди шеперь
 О муза! славись *Рѣшемысла*.

Приди!—иль въ облакѣ спушися ,
 Или хопъ въ санкахъ прикашися ,
 На легкихъ, рѣзвухъ, шесперней,
 Оленяхъ бѣлыхъ, злапорогихъ :
 Какъ ѣздяшъ барыни зимой
 Въ спѣранахъ Сибирскихъ, кладомъ спро-
 гихъ и проч.

Сихъ примѣровъ доспапочно для показанія, въ чемъ состоипшъ *легкость* и какую разноспъ имѣепъ она съ *принужденностю*. (См. с. с.) — Впрочемъ всякой можепъ замѣшпшъ сю прелеспъ поэзіи въ сочиненіяхъ Дмишрѣва, Жуковскаго, Бапюшкова, Богдановича, Крылова, Карамзина и проч.

ЛИПОГРАММАТИЧЕСКІЙ происходипшъ опъ *λεπω*, не *илбю*, не *достаепб*, и

опшъ *урама*, буква, *письмя*, а послѣднее слово опшъ *ураФω*, *пищу*; значить *неимѣющій буквы*. Именемъ симъ называють сочиненія, въ коихъ какая нибудь азбучная буква оставлена безъ употребленія.

О семь предметѣ слѣдующее написано въ *Менаганѣ*, часпъ III, стр. 329. изд. Париж: 1729.

„У Грековъ были сочиненія *Липограмматическія*, по естѣ неимѣющія кошорой нибудь азбучной буквы. Такимъ образомъ *Трифидорѣ* написалъ свою *Одиссею*; въ первой книгѣ не было у него буквы *α*, во второй *β*, и ш. д. *Трифидорѣ*, присовокупляентъ издашель, сочинилъ *Одиссею* въ подражаніе *Липограмматической Иліадѣ Нестора*, Ларандскаго поэта, жившаго во время Императора Севера. *Лазосѣ*, древнѣйшій стихопворецъ, написалъ оду и гимнъ безъ буквы *ς*. *Клеаркъ* въ Афинѣхъ шакже упоминаентъ объ одной одѣ безъ *ς*, сочиненной въ подражаніе *Пиндару*. На Лапинскомъ языкѣ. естѣ одно прозаическое сочиненіе *Фабія-Клавдія-Гордіана-Фулгенція*, кощорое раздѣлено на 23 главы, по числу буквъ, и въ первой главѣ нѣтъ буквы *A*, во второй буквы *B*, въ шрешней буквы *C* и шакъ до конца.

На Русскомъ языкѣ слѣдующія спихо-
пворенія Державина могушь назвашься
Липограмматическими: въ нихъ нѣтъ бук-
вы Р.

Соловей во снѣ.

Я на хѳлмѣ спалъ високомѣ ,
Слычалъ гласъ швой, соловей,
Даже въ самомѣ снѣ глубокомѣ
Вняшенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, шо опдавался ,
То спеналъ, шо уемѣжался
Въ слухѣ издалече онѣ ,
И въ объапіяхъ Калисшы
Пѣсни, вздохи, клики, свиспы
Услаждали сладкой сонѣ.

Если по моей кончинѣ
Въ скучномѣ, безконечномѣ снѣ
Ахъ! не будушь шакъ какъ нынѣ
Эши пѣсни слышны мнѣ ;
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я :
Спанужѣ жизнью наслаждашься ,
Чаще съ милой цѣловашься,
Слушаешь пѣсни соловья.

К у з н е ч и к ъ .

Счасливъ, золошой, кузничикъ,
 Чпо въ лѣсу куешь одинъ!
 На цвѣпочной сѣвъ лужечикъ
 Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
 Всѣмъ любуюся на волѣ,
 Воспѣваешь вѣкъ пы свой;
 Взглянешъ лишъ на чпо пы въ полѣ,
 Всѣмъ доволенъ, все съ шобой.
 Земледѣльцовъ по сосѣдству
 Не обидишь пы ничѣмъ;
 Ни къ чьему не льнешъ наслѣдству,
 Самъ богашъ собою всѣмъ.
 Пѣснопѣвецъ шепла лѣша!
 Аполлона нѣжный сынъ!
 Чеспный обиташель свѣша,
 Всѣми Музами любимъ!
 Вдохновенный гласомъ звонкимъ
 На землѣ пы знаменишь,
 Чшушь живые и попомки:
 Ты Философъ! пы Пиить!
 Чисшь въ душѣ своей, не злобенъ,
 Удивленіе пы намъ:
 О! едва ли не подобенъ —
 Мой кузничикъ — пы богамъ!

Часть II.

Въ сочиненіяхъ Голенищева - Кушужева (часть IV. стр. 50) находящіяся три спурфы, названныя за споромъ дѣло стало, изъ кошорыхъ въ первой нѣтъ буквы А, во второй Б, а въ третьей Р.

Б е з ъ А.

Конечно не удобно, трудно
 Успроишь цѣлый рядъ стиховъ;
 Но шолько было бы и чудно
 Почешь по выше всѣхъ прудовъ,
 Иль мнишь, что это не возможно;
 Но я увѣренъ въ шомъ не ложно,
 Что если Фебомъ кто любимъ,
 Тотъ всяку шрудность одолѣшь,
 Похишишь огонь боговъ посмѣшь
 Ведомый Геніемъ своимъ.

Б е з ъ Б.

Не мыслими пышными, не жаромъ
 Пишь въ шрудахъ своихъ великъ;
 Онъ можешь сдѣлашься Икаромъ
 Занявъ несвойшвенный языкъ.
 За испину принявъ Химеру,
 Онъ заскрышишь не въ шонъ, не въ мѣру

И слухъ и чувства опшрашишь;
 Но Аполлономъ вдохновенной
 Къ одной гармоніи священной
 Душой и разумомъ паришь.

Б е з ъ Р.

Любовь сама мнѣ повелѣла
 Климену милую воспѣшь;
 Любовь, одна любовь умѣла
 Мою холодность одолѣшь.
 Клоняся къ западу годами,
 Сближаясь даже съ сѣдинами,
 Мнѣ ль нѣжности водить съ собой?
 Мнѣ ль съ Музами имѣшь бесѣду,
 Коль осень хладная побѣду
 Уже спяжала надъ весной?

ЛИРИЧЕСКІЙ. Поэзія Лирическая есть самая древнѣйшая. — „Эпо, говоритъ Державинъ, опливъ разгоряченнаго духа, опголосокъ распроганныхъ чувствъ, упоеніе или изліяніе воспорженнаго сердца. Человѣкъ изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести *Лирически* во-

*

скликновениемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и испоргали его гласы. Вопь испинный и начальный испочникъ оды (п. е. поэзіи Лирической); а попому она не еспь, какъ нѣкопорые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и опличаебся опь прочей поэзіи. Она не наука; но огнь, жарь, чувсво.,

Сія поэзія названа *Лирическою* по пому, что у Грековъ упопреляема была съ приигрываніемъ на *лирѣ*; у другихъ народовъ, какъ на примѣрь, у Евреевъ, происходило пѣніе съ Псалпирью, съ гусями *), а у нѣкопорыхъ съ арфою, съ цитрою, и съ прочими *струнными* инструменшами.

Всякой другой родъ поэзіи, пишеть Аббатъ *Батте*, имѣеть главною цѣлю *дѣйствіе*; поэзія Лирическая совершенно посвящена чувсвамъ — и попому, когда въ Епопѣ или Драмѣ дѣйствіе прекращаебся, тогда поэзія изображаебь однѣ ощущенія душевныя, тогда она бываебь *Лирическою*; надлежишь дашь ей полько

---

*) Исповѣдайшеса Господеви въ гуслахъ, въ Псалпиріи десятиструннемъ пойше ему.—Псал. 32. сш. 2.

надлежащую форму, чтобы сдѣлать способною къ пѣнію.

Къ *Лирической* поэзіи принадлежатъ: Имны, Оды, Пеаны, Дифирамвы, Сколи, Каншашы, Орапоріи, Романсы, Баллады, Спансы и проспья пѣсни.—См. сіи слова. Въ спашѣ *Поэзія*, гдѣ говорится вообще о происхожденіи сего изящнѣйшаго искусства, увидишь чашашель происхожденіе и поэзіи *Лирической*.

Отрывокъ изъ Энциклопедіи. „Греки не только пѣли поэму Лирическую, но даже согиняли ее примѣняясь ко звукамъ лиры; чрезъ сіе-то Греческая Лирическая поэма опшличается опъ всего, что имѣетъ названіе поэзіи *Лирической* какъ у Римлянъ, такъ и у насъ, и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ. Римляне, также какъ мы нынѣ дѣлаемъ, писали *пою* и не пѣли; говорили о звукахъ лиры, и лиры никогда у нихъ не было. Но преимущественная выгода Греческихъ Лирическихъ поэшовъ состояла въ важности ихъ званія, и въ дѣйствительной сущности ихъ восшорга: они почитались нѣкоторымъ образомъ за служителей божества, за наспавниковъ въ полишкѣ и нравшвенности.

Греція болѣе всего уважала героевъ

своихъ—и поэтъ умѣвшій лучше другихъ воспѣвашь ихъ подвиги, увѣренъ былъ, что народъ плѣнился его гласомъ. Живые завидовали мершвымъ: Фиміамъ, копорый при нихъ воскурался въ почестъ усопшимъ, не исчезалъ въ воздухъ; спихи прославляющіе героевъ переходили изъ успъ въ успа и во всѣхъ сердцахъ напечатлѣвались. Греческіе Монархи искали дружбы поэшовъ, желая чрезъ нихъ спаспи имя свое опъ забвенія.

Лира, по словамъ Гомера, была лучшимъ украшеніемъ пировъ Царскихъ: пѣвца принимали шамъ какъ друга Музь и любимца Аполлона, и по причинѣ шакого леспнаго одобренія, всѣ опличнѣйшіе въ Греціи дарованіями люди посвящали себя сему божешпвенному искуспву.

Вообще можно сказапъ, что поэма Лирическая или Ода у Римлянъ и у народовъ новѣйшихъ не иное что еспъ, какъ слабое подражаніе Греческой Лирической поэмы. Ни одинъ поэтъ, не выключая даже Горація, не спарался дѣлапъ своихъ одъ способными къ пѣнію, а Горацій, кажешся и совсѣмъ о шомъ не думалъ, пошому что весьма часто при окончаніи спрофы, гдѣ пѣнію надлежало бы преры-

вапсья, онъ оспавляль мысль неоконченною, какъ по видимъ изъ сихъ стиховъ, споль исполненныхъ впрочемъ каршинъ и мыслей:

Distructus ensis cui super impiâ
 Cervice pendet, non Siculae dapes
 Dulcem elaborabunt saporem;
 Non avium citharaeque cantus

Somnum reducent. Somnus agrestium
 Lenis virorum non humiles domos
 Fastidit, umbrosamve ripam,

Non Zephyris agitata Tempe. и пр.

Lib. III. od. I.

(Прим. Клопшпокъ въ одномъ изъ первыхъ изданій Мессіады помѣспилъ разсужденіе свое о подражаніи на Нѣмецкомъ языкѣ Греческимъ размѣрамъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: онъ (Горацій) переноситъ весьма часпо мысль изъ одной спрофы въ другую, пошому что сіе согласно съ Енгузіасмомъ слуха и воображенія; слухъ иногда пребуешъ болѣе, нежели сколько содержишь въ себѣ Поэпическій періодъ, заключающійся въ одной спрофѣ; а воображенію нерѣдко пакже надобно скорѣйшее безоспановочное печеніе мыслей. Горацій не слыхаль, можешъ бышь, при-

соединяешь Клопшпокъ, ни опть современ-
ныхъ пѣвцовъ, ни опть упражняющихся въ
музыкѣ, что для пѣнія періодъ со спрофою
вмѣстѣ долженъ оканчиваться; или же зналъ
это, но захопѣлъ меньшимъ правиломъ по-
жертвовашь бѣльшему. — Опыты Лирич.
Воспокова. Ч. 2.)

Поэзія *Лирическая*, кромѣ Греціи удо-
нихъ развѣ Евреевъ и, можешь бышь, еще
въ сѣверныхъ климапахъ при Друидахъ и
Бардахъ, могла имѣшь настоящій свой ве-
личественный видъ. Въ древнемъ Римѣ
болѣе уважаемо было краснорѣчіе—и сему
народу, долгое время необразованному, за-
нимавшемуся единственно войною, весь-
ма бы смѣшно показалось, когда бы уви-
дѣлъ онъ Марія или Бруша съ лирою въ
рукахъ: ему нужно было шолько краснорѣ-
чіе для объясненія своихъ правъ и мечъ
для защищенія оныхъ — и если бы какой
нибудь Трибунъ или Консулъ, подобно
Тиршею или Епимениду, явился съ пѣсня-
ми возбуждашь къ чему либо или укро-
щашь народъ Римскій, шо бы не слишкомъ
хорошо былъ приняшь.

Къ сожалѣнію большая часть Грече-
скихъ Лирическихъ швореній не достигла
до нашихъ временъ. Намъ извѣсны Си-

монидъ, Спезихоръ, Алкей, Тиршей, почти по одной только похвалѣ, какую воздавалъ имъ Горацій; ибо оставшіеся послѣ нихъ ошривки не заслуживаютъ удивленія. Сію же участь испывала и спрапная Сафо, (родившаяся въ Мипиленѣ на островѣ Лесбосѣ около 600 лѣтъ до Р. X.) копя и заслужила названіе десятой Музы. Словомъ, изъ всѣхъ Греческихъ Лириковъ, исключая Анакреона (см. *Анакреонтическій*) извѣспнѣйшимъ можетъ почесаться Пиндаръ, родившійся въ Фивахъ около 500 л. до Р. X.

У Римлянъ доспойно заслужилъ названіе Лирика одинъ только Горацій Флаккъ, современникъ и другъ Виргилія: онъ соединилъ въ себѣ и Пиндара и Анакреона и Сафу.

Отрывокъ изъ Лагарна. Желаящій доспигнуть до начала Лирическаго стихосворспва, принужденъ бываешь заблуждаться въ обласпи вымысловъ и во мракѣ древности; всякое описаніе болѣе или менѣе погружено въ баснословіи. Кому почно извѣспно, когда положены правила гармоніи, къ копорой человекъ имѣеть опъ самой природы вліянную въ него наклонность? иѣтъ сомнѣнія, что она была

единственнымъ источникомъ поэзіи, и что опъ пѣнія до размѣрнаго шестивія словъ весьма малое находится разсѣяніе. Вѣроятно, что въ самыя древнія времена лирическими пѣншами назывались люди, копорые первые опличились въ семь родѣ поэзіи, или копорые преподавали другимъ первыя наспавленія. Повѣспвуемыя объ нихъ чудеса суть не иное что, какъ ино-сказашельныя изображенія приобрѣшенныхъ ими успѣховъ и власпи надъ умами людей. *Линъ* почипаешя изобрѣшашелемъ размѣра и сладкогласія ш. е. что онъ первый умѣлъ соглашашь мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ: онъ былъ первый любимецъ Музъ. *Виргилій* въ шестпой *Еклогѣ* сказываешь, что сей *Лирикъ* возсѣдипь на *Парнассѣ* вмѣспъ съ *Музами*, имѣя чело украшенное вѣнкомъ. Онъ былъ наспавникомъ *Орфея*, копорый наконецъ славою превзошелъ своего учипеля, ибо силою *Музыки* и *Поэзіи* заставиль учредипь въ *Греціи* духовныя обряды, заимспвованныя имъ опъ *Египтянъ*. Онъ успановиль шаинспва *Вакха* и *Цереры* *Елевзинской*, по примѣру шаинспвъ *Изиды* и *Озириса*, копорыя по имени его названы были *Орфическими*. До насъ дошли шолько нѣкопорые

опрывки сочиненныхъ имъ духовныхъ пѣсней. Онъ особенное вниманіе заслуживающъ попому, что содержатъ самыя возвышенныя и чистѣйшія понятія о единствѣ Бога и о всѣхъ Божіихъ свойствахъ, безъ малѣйшей примѣси многобожія. Здѣсь приведемъ въ примѣръ одну изъ его пѣсней сохраненную *Свидою* : „Единый Богъ сущесшвуемъ самъ собою, а все прочее имѣетъ бытіе свое отъ него. Онъ вездѣсущъ: онъ никому изъ смертныхъ невидимъ, но самъ видишь все. По правдѣ и по суду своему наказуемъ онъ людей, ниспосылая напасты, войну и болѣзни. Ему послушны вѣтры, воздвигающіе воздухъ и волны, его велѣніемъ блещетъ молнія. Возсѣдишь превыше небесъ на знамѣ престола, и земля естъ его подножіе. Десницу свою простираемъ до предѣловъ Океана, и отъ гласа его горы въ основаніяхъ своихъ шрепещущъ. Онъ управляетъ вселенною: онъ начало, середина и конецъ..”

Свида, приведя въ примѣръ сей опрывокъ, заключаемъ, что Орфей чиналъ Моисеевы книги и опшуда извлекъ все ученіе о Богѣ и его свойствахъ. Нѣкоторые покушались опровергнушь сіе мнѣніе, но всякой замѣпипъ, что въ приведенномъ

здѣсь примѣръ видны не только мысли, но даже выраженія Священныхъ книгъ, копорыя за долго до Орфея существовали, и пошому можно почестъ за досповѣрное, что послѣдній выписалъ изъ перваго.—

Знаменипѣйшій изъ учениковъ Орфеевыхъ былъ *Музей*, копорый слѣдовалъ по стопамъ своего наставника, и копораго сдѣлали Афиняне начальникомъ Елевзинскихъ таинствъ. *Виргилій* въ шестой книгѣ *Енеиды* говоритъ, что Орфей въ поляхъ *Елисейскихъ* почиается первымъ изъ нравоучительныхъ (разумѣется языческихъ) стихопворцевъ, коихъ пѣсни достойны были самаго *Аполлона*, и копорые посвятили жизнь свою наукамъ изящнымъ.

Алкей, *Спезихоръ*, *Симонидъ* и многіе другіе оставили намъ только свои имена и нѣсколько опривковъ изъ своихъ сочиненій. Мы имѣемъ не болѣе двѣнадцати стиховъ опъ всѣхъ произведеній знаменитой *Сафы*, о копорой сказалъ *Горацій*:

Огонь ея любви въ стихахъ ея пылаетъ.

Впрочемъ и малое число оставшихся послѣ нее стиховъ, по сильному въ нихъ выраженію любовной спраспи, подтверждаетъ истину всего объ ней повѣспуе-

маго, и заспавляеть сожалѣть о ея сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ.—*См. Личей. часть 2. Изд. Росс. Акад.*

О пѣснопѣннѣ Евреевъ. Какъ всѣ роды Лирической поэзіи, выше въ сей спашѣ упомянушые, объясняюшся въ нашемъ Словарѣ каждый порознь подѣ своимъ именемъ, а Еврейское пѣснопѣніе, коего приняшый всѣми *прозаическій* переводъ, не принадлежишь *по видимому* ни къ копорому изъ нихъ, шо мы почли за самое приличное сказать здѣсь что либо объ ономъ, пользуясь разсужденіями и преложеніями въ списихи, ниже сего означенными:

Пѣснь Моисея

По прехожденіи Израильтянѣ третѣ Черлиное море.

Въ шестпой часпи *Трудовѣ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомѣ Московскомѣ Университетѣ* помѣщенъ разборъ сей пѣсни, въ копоромъ между прочимъ сказано:

„Превосходная пѣснь Моисеева можеть по справедливости почешься краснорѣчивѣйшимъ швореніемъ въ древности. Содержаніе оной величественно, мысли бла-

городны, слогъ высокъ и великолѣпнень, выраженія сильны, обороты въ рѣчахъ смѣлы: все въ ней изобилуетъ такими предметами и мыслями, копорые поражаютъ разумъ и плѣняютъ воображеніе. Сія пѣснь, сочиненная Моисеемъ въ стихахъ Еврейскихъ, превосходитъ все, что свѣтскіе поэты имѣютъ самаго лучшаго въ семъ родѣ. Виргилій и Горацій, хотя и совершенные образцы стихопворческаго вишійства, не представляютъ ничего сему подобнаго. Кажется, что симъ обомъ и другимъ свѣтскимъ поэтамъ благопріятствуетъ мѣра стиховъ, гармонія и красота слога; но Священное писаніе имѣемъ мы только въ переводѣ, а извѣстно, сколько самые лучшіе переводы Цицерона, Виргилія и Горація, отнимаютъ цѣны у сихъ авторовъ. И пакъ надобно, чтобы много заключалось вишійства въ Еврейскомъ подлинникѣ Священнаго писанія, когда и въ буквальныхъ переводахъ съ онаго оспалось еще болѣе для насъ, нежели во всемъ Латинскомъ языкѣ древняго Рима, и во всемъ Греческомъ древнихъ Афинъ. Вишійство Священнаго писанія краско, опривисно и чуждо всѣхъ украшеній постороннихъ, копорыя служили бы

только къ погашенію его огня и живоспи. Избѣгая долгихъ распроспраненій, оно идетъ къ своей цѣли путемъ крапчайшимъ. Оно любитъ въ немногихъ словахъ заключаѣть обиліе мыслей, дабы онѣ проникали въ сердце подобно спрѣламъ, и предметы оныхъ чувствъ опдаленнѣйшіе шворипъ оцупишельными посредствомъ живописныхъ и напуральныхъ карпинъ. Словомъ сказаѣть: випійспво сіе имѣетъ выспренносѣть, силу, выразишельносѣть съ величественною проспшою, и сіи свойства посспавляюѣть его превыше всякаго краснорѣчія свѣшскаго.,,

„Великое чудо, содѣланное Богомъ при переходѣ Израильщянъ чрезъ море Чермное, еспъ причина сей пѣсни. Намѣреніе Пророка соспоипъ въ шомъ, чпобъ предаѣтся воспоргамъ радости и удивленія при споль чудесномъ событіи, воспѣшь хвалу Богу Избавишелью, свидѣшельспвоваѣть Ему всеобщую шоржеспвенную благодарносѣть и внушиѣть народу шакіяжъ высокія чувспвія.,,

Помѣщаемъ шекспъ Славянскій :

Поимъ Господеви, славно бо прослави-ся: коня и всадника вверже въ море. Помощникъ и покровишель быспъ мнѣ во

спасеніе: сей мой Богъ , и прославлю Его :
 Богъ опца моего , и вознесу Его. Господь
 сокрушай брани , Господь имя Ему. Ко-
 лесницы Фараоновы , и силу его вверже въ
 море: избранныя всадники приспапы по-
 попй въ Чермнѣмъ мори. Пучиною покрѣ
 ихъ: погрязоша во глубинѣ яко камень. Де-
 сница швоя, Господи, прославися въ крѣпо-
 спи: десная швоя рука, Господи, сокруши
 враги. И множеспвомъ славы швоея сперль
 еси сопрошивныхъ: послалъ еси гнѣвъ швой,
 пояде я яко стебліе. И духомъ яроспи
 швоея разспуписа вода: огустѣша яко спѣ-
 на вѣды, огустѣша и вѣлны посреде моря.
 Рече врагъ: гнавъ поспйгну , раздѣлю ко-
 рыспь, исполню душу мою , убю мечемъ
 моимъ, господспвоваши будешъ рука моя.
 Послалъ еси духа швоего , покрѣ я море:
 погрязоша яко олово въ водѣ зѣлнѣй. Кшо
 подобенъ шебѣ въ бозѣхъ , Господи , кшо
 подобенъ шебѣ? прославленъ во святыхъ,
 дивенъ во славѣ шворай чудеса! просперль
 еси десницу свою, пожрѣ я земля. Наспа-
 виль еси правдою швоею люди швоя сія ,
 яже избавиль еси: ушѣшилъ еси крѣпо-
 спію швоею во обисель Свяшую Твою.
 Слышаша языцы, и прогнѣвашася , болѣз-
 ни пріяша живущи въ Филиспимѣ. Тогда

попщашася владыки Едомстїи, и Князи Моавитстїи, прїяпъ я прѣпешъ: распаяша вси живушїи въ Ханаанъ. Да нападешъ на ня спрахъ и прѣпешъ: величіемъ мѣщцы швоея да окаменяшся, дондеже пройдушъ людїе Твои, Господи; дондеже пройдушъ людїе Твои сіи яже спяжалъ еси. Введъ насади я въ гóру достоянїя швоего, въ гошовое жилище швое, еже содѣлалъ еси, Господи, свяшыню Господи, юже угошоваспъ руцѣ швои. Господь царшвуяй вѣки, и на вѣкъ, и еще, егда вниде конница Фараонова съ колесницами и всадники въ море, и наведѣ на нихъ Господь воду морскую: сынове же Израилевы пройдоша сушею посредѣ моря.....

Какая величественная и усладительная прѣпеша! съ какою красошою и выразительностїю описано славнѣйшее чудо, оказанное Творцемъ въ Вешхомъ завѣшъ!— Г. Мерзляковъ прѣложилъ сію пѣснь въ Русскїе списхи; мы за нужное почишаемъ оныя здѣсь помѣспить:

Пою Всесильнаго! онъ славою возсіялъ!

Онъ рекъ — и въ бездну водъ и конь и всадникъ палъ!—

Господь, владыка мой предвѣчный,

Часть. II.

9

Господь мнѣ былъ покровъ! —

Богъ сердца моего, прими хвалы сердечны!

Прими мои хвалы, хвала моихъ опцовъ!

Кшо грозный браней сокрушилель?

Кшо сильный сильныхъ усмирилель?

Егова Царь Царей, владыка жизни, свѣшъ;—

Егова рекъ—и злобныхъ нѣшъ!

Гдѣ воинсхва швои, шيرانъ ожеспоченный?

Гдѣ колесницы воскриленны? —

Гдѣ сонмы избранныхъ швоихъ? . . . .

Какъ камень, бурю опорванъ съ горъ крушыхъ,

Погрязли въ безднѣ волнъ сѣдыхъ.

Твоя рука, Твоя шيرانсшво наказала!

Десная, Господи, рука Твоя въ сей часъ

Чудесной крѣпосшью и правдой возсіяла:

Сразилъ враговъ швой гласъ.

Какъ воспаленный вихрь плоды полей цвѣшу-
щихъ,

Твой гнѣвъ пожралъ бѣгущихъ!—

Ты яросшью дохнулъ на море съ облаковъ,

И воды разспунились,

И въ спѣны швавъ скрѣпились,—

Уснуло мершвымъ сномъ бореніе валовъ!—

Врагъ рекъ: пойдѣмъ, посшигнемъ, поженѣмъ,

Корыспи раздѣлимъ!—се жершва намъ обильна!—

Упейся мечъ въ крови прошивника безсильна!—
 Господспвуй, опягчись рука моя на немъ!...
 Врагъ рекъ,—но возшумѣлъ швой духъ;—
 Пучина вздулася, и хлынешъ съ ревомъ вдругъ;
 Какъ олово, погрязь виновникъ нашихъ мукъ!
 Гдѣ боги варваровъ?—гдѣ боги чужеземны?
 Кумиры гордосши, въ своемъ величьи шемны,
 Да спанушь предъ Тобой, Всесильный Богъ
 боговъ!

Тираны мершвые слѣпыхъ своихъ рабовъ
 Да являшя еще предъ нашими очами!—
 Богъ велій — Богъ единый! — кто равный, по-
 стоишь?....

Ты спрашенъ славою, Ты дивенъ чудесами,
 Твое величіе сражаешь и живишь!.....

Ты руку проспираешь —

Земля пожрала злыхъ!

Ты крошко провождаешь

Въ пуши дѣшей своихъ!

Ты шеспвуешь предъ ними

Съ любовью и громами!—

Промчался всюду слухъ о имени Твоемъ,
 Народы сильныя со ужасомъ внимающъ;
 Блѣднѣешь Филиспимъ въ сіяніи своемъ;
 Владыки Моавишь на шронѣ въздыхающъ;

*

Едомлянъ горду спѣсь вдругъ шрепешъ оковаль
И шучей мрачною на Ханаанъ упаль.

Посли на нихъ швой спрахъ,
Проспри десницу разъяренну
На всю спропшивую вселенну,
И ужась насади въ сердцахъ!—

Какъ скалы, къ сердцу горъ опъ вѣка при-
гвожденны,

Безъ силы, безъ движенья, блѣдны,
Да спанушъ злобные вдали! —
Да ноюшъ опъ досады щещной,
Когда спокойно, ненавѣпно
Пойдешъ народъ Твой въ ихъ земли.

Народъ, искупленный Тобою
Веди, покрой своей рукою!

Да возраспешъ,
Да процвѣшешъ

Онъ на горѣ Твоей блаженной!

Да царшвуешъ съ Тобой
Въ обители свяшой,

Твоей десницей сотворенной!

Да царшвуешъ Господь
Для славы нашей въ родъ и родъ.

О Псалмахъ Давида.

Прим: Псалширь еспъ книга Священ-

наго писанія, сочиненная Царспвующимъ Пророкомъ Давидомъ и другими Богодухновенными людьми; собспвенно значилъ орудіе пѣсенное, на которомъ играли въ сонмищѣ Иудейскомъ спихи въ хвалу Бога, а по толкованію иныхъ *Псалтирь* полкуешя *цмб*, *доблесть*, *арфа*. Псал. 80. 3.— Спихи въ Псалшири положенные сочинены по разнымъ случаямъ, и называющяся *Псалмы*, шо еспь *напѣвы* или *пѣсни*, коихъ числомъ 150; раздѣляющяся по церковному усшаву на 20 *Кафисмб*, шо еспь *сѣданій*, между которыми бывающъ чшенія, слушаемыя людьми сѣдящими, дабы нѣкое возымѣли опдохновеніе опъ службы церковной, кою споя слушающъ. — *См. Церковный Словарь.*

Свяшый Геронимъ говоритъ, что Давидъ соединяетъ въ себѣ и Симонида, и Пиндара, и Алкея, и Горація. (David Simonides poster, Pindarus, Alcaeus, Flaccus quoque). И дѣйспвишельно, читая псалмы сего Пророка, находимъ въ нихъ все шо, что Лирическая поэзія можетъ имѣть изящнѣйшаго; вездѣ величіе, сила; вездѣ видимъ человекъ испинно вдохновеннаго Богомъ. — Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ 103

Псаломъ, и воспользуемся разборомъ Абба-ша Башше.

Священный пѣснопѣвецъ выражаетъ въ семь псалмѣ свое удивленіе и благодарность при созерцаніи дѣлъ Божіихъ. И по сему содержаніемъ сего пворенія естъ чувствво удивленія, произведенное премудросію, всемогущесввомъ и благосію Создашеля.

Благослови душе моя Господа.

Такъ начинается Псаломъ. Благословляшь значишь хвалишь, прославляшь, благодаришь благодѣшеля. Давидъ открываетъ чувствво, его одушевляющее, и копорымъ преисполнено все пѣснопѣніе. Но какъ сіе чувствво соединено съ предметами, его порождающими, по онъ предлагаетъ и сіи предметы, чпо видно изъ слѣдующихъ каршинъ, раздѣленныхъ нарочно для шого, чшобы ихъ удобнѣе и яснѣе видѣшь.

1. *Господи Боже мой возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси. Одѣйся свѣтомъ яко ризою.*

Воображеніе долженствуетъ ошановишься предъ сею каршиною, чшобы ощутишь все великолѣпіе оной. Пророкъ видишь Бога во всей славѣ его—окруженна-

го блискающими огнями и лучами. Это одежда, Его покрывающая!

Давидъ, обративши взоры на самаго Бога, и желавъ прежде осмопрѣшь всѣ его шворенія; долженъ былъ начашъ съ неба, гдѣ наиболѣе сіяеть слава Его:—вопъ впо-рая карпина.

2. Простирай небо яко кожу; покрывай водами превыспренняя своя; полагай облаки на восхождение свое; ходяй на крилу вътрению. Творяй Ангелы своя Духи, и слуги своя пламень огненный.

Вселенная для Творца Ея не иное что ешь, какъ шаперъ. Онъ соорудилъ его въ одно мгновение, и споль же скоро можешъ разрушишь. Небесныя воды сославляюшь не измѣримый сводъ — *кристальное покрывало*, его украшающее: это собспвенное значеніе Еврейскаго слова. Подъ симъ-шо великолѣпнымъ сводомъ Богъ лепашъ съ конца вселенныя на другой, и являешъ славу Свою. Облаки служашъ ему колесницею; въпры сущъ кони Его. Слуги Его—бури и всеокрушающій пламень. Нужно ли подьяшь волны, изсушишь моря, напоашъ росю сухія мѣша? въпры стремяшся и волю Его исполняюшь. Нужно ли разру-

шишь развращенные грады, испребишь народы мяшѣжные? огонь нисходишь—и ошмщаешъ за Бога.

И пакъ видѣли небо, воздухъ, облака, и Бога—на прешолѣ его; шеперь посмопримъ на землю, Его подножіе:

3. *Основаяй землю на тверди ея, не преклонитя вѣ вѣкѣ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея; на горахѣ стануѣ воды. Отѣ заперещенія твоего побѣнутѣ, отѣ гласа грома Твоего убоятся: восходятѣ горы, и нисходятѣ поля вѣ мѣсто, еже основалѣ еси илѣ. Предѣлѣ положилѣ еси, его же не прейдутѣ, ниже обратятся покрыти землю.*

Какое величіе въ сей картинѣ! земля въ равновѣсіи посреди воздуха, ушвержденная на самой себѣ! неизмѣримая шягоспъ, держащаяся безъ подпоры—и вѣки не колеблюшъ ее! она окружена моремъ яко ризою. Гомеръ упошребилъ шо же выраженіе: *ποσειδης ἐνωσθηαίος*.

На горахѣ стануѣ воды.... здѣсь будущее время, вмѣшо прошедшаго; сіе производишь красошу въ Еврейскомъ языкѣ, эшо Евреизмъ. Во время сошворенія міра, когда все еще смѣшено было въ хаосѣ, воды покрывали горы. Онѣ ошпановились;

но едва услышали грозный гласъ Творца—убѣгли съ ревомъ. Тогда горы возвысили свои вершины, долины низпустились, шаръ земный принялъ образъ ему предписанный. Какая живопись! воды удалились въ пригошовленное имъ хранилище; онѣ движущаяся, воздымающаяся, но не смѣющъ преступишь предѣла, перспомъ Божиимъ начерпаннаго: *его же не прейдутъ*.

Въ слѣдующемъ изображеніи Пророкъ предсавляешъ себѣ испочники, дожди небесные, плодородіе земли.

4. Посылаяй истогники въ дебрехъ, посредъ горъ пройдутъ воды. Напаяютъ вся звѣри сельныя; ждуть (восприимутъ) онагри *) въ жажду свою. На тыхъ птицы небесныя привитаютъ, отъ среды каменія дадятъ гласъ. Напаяяй зоры отъ превыспреннихъ своихъ, отъ плода дѣл твоихъ насытитъ земля.

Пророкъ воображаешъ по время, когда послѣдовало сошвореніе міра. Онъ видишь пропекшіе испочники, жаждущее живошное ожидающее ихъ печенія. Мысль

---

*) Дивіи ослы, по переводу Амвросія, Архіепископа Московскаго.

прекрасная, показывающая довѣріе самихъ живошныхъ къ Пипающему ихъ!

Напаяя горы отъ превыспреннихъ своихъ.—Долины и равнины орошаюпся рѣками; что же будетъ съ горами? Богъ помѣспилъ на нихъ водохранилища: облака разольюпся въ дожди, напояпъ ихъ. И такимъ образомъ вся земля, образованная Премудроспю и Всемогущеспвомъ Создателя, будетъ повсюду плодородна! что же произведетъ она?—Сіе покажетъ слѣдующая картина:

5. Прозябая траву скотѣмъ, и злакъ на службу теловѣкомъ, известї хлѣбѣ отъ земли. И вино веселитъ сердце теловѣка, цмѣстити лице елеемъ, и хлѣбѣ сердце теловѣка цкрѣпитъ. Насытятся дрѣва польская, кедрѣ Ливанстїи, ихже еси насадилъ. Тамѣ птицы вознѣздятъся, Еродїево *) жилище предводительствуетъ ими. Горы высокія еленемъ, камень прибѣжище зяцелѣмъ.

Можно видѣпъ, съ какимъ жаромъ и съ какою силою изчисляюпся главныя

---

*) Аиспъ—по переводу Амвросїа, Архіепископа Московскаго.

произведенія земли—и въ то же время показывается польза ихъ. Все ясно, опредѣлительно. Кедромъ Ливанскимъ, горамъ, даже ушесамъ каменнымъ, показано особенное назначеніе. Они суть жилища, пригошвленныя для разныхъ шварей, имѣющихъ нужду въ подобныхъ убѣжищахъ.

И шакъ—человѣкъ водворенъ на земли, среди всѣхъ благъ. Онъ наслаждается; но что будетъ въ продолженіи времени? человѣкъ, сошворенный по образу Божію, будетъ ли опличенъ отъ прочихъ животнохъ? не спанетъ ли скишатся вмѣстѣ съ медвѣдями и львами? — нѣтъ. Создатель распредѣлилъ время и всякому назначилъ разные часы.

6. Сотворилъ есть луну во времена, солнце познѣ западѣ свой. Положилъ еси тмѣ, и бысть ноцъ, въ ней же пройдутъ вси звѣриѣ дубравни: скимни рыкающіи восхитити, и взыскати отъ Бога лицу себѣ. Возсія солнце и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ теловѣкъ на дѣло свое, и на дѣланіе свое до вечера. Яко возвеличитію дѣла твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси: исполнися земля твари твоея.

Пророкъ, очарованный симъ прекра-

снимъ порядкомъ, дѣлаешъ восклицаніе.— Солнце *познало* цѣль своего печенія. Оно довольно шѣмъ, чшо знаешъ оную, и въ молчаніи повинуешся, спремьясь беспре-
шанно къ доспиченію оной.—Мракъ услышалъ гласъ Божій: и въ шо время, когда онъ покроешь землю, когда звѣзды покмо слабый свѣшь доставляшь будущъ, погда зефри дикіе *пройдутъ*—и оспавяшь мѣспа, неданныя имъ Богомъ. Чшо скажемъ о сихъ скимнахъ, *рыкающихъ и призывающихъ* Бога и просящихъ у Него пакимъ образомъ про-
пшанія? Богъ внемлетъ ихъ и исполняешъ ихъ моленіе.—Солнце возсіало и всѣ *собрашася*, всѣ вошли въ свои жилища, для шого, чшобы оспавить поле свободнымъ для челоука, коему поручено его обрабошывашъ, и копорый имѣешъ право собирашь съ него плоды.

Доселѣ говорено было о морѣ шолько мимоходомъ и пошому, чшо оно принадле-
житъ къ изображенію земли, копорая служила маперіею шрепшей каршины. Въ слѣдующей оно одно описываешся:

7. *Сіе море великое и пространное, тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая сѣ великими. Тамо корабли преплаваютъ,*

злий сей, его же создалъ еси ругатися ему.

Пророкъ предсавляетъ неизмѣримое пространство, наполненное живошными; нѣкошорыя изъ нихъ имѣють чудовищную величину, презирають волны и бурю. Корабли лешають, и сія стихія, кошорая по видимому сошворена для разлученія народовъ, служишь облегченіемъ шорговли. — И такъ, земля, воздухъ, море, все наполнено живошными, имѣющими ежедневно нужду въ пропитаніи. Одинъ Богъ досавляетъ имъ оное. Онъ шолько опшверзаетъ руку и они насыщаются. Въ эшомъ состоишь осьмая каршина.

8. Вся къ тебѣ гаютъ, дати пицу или во благо время, давицъ тебѣ или, соберутъ, отверзицъ тебѣ руку, всялеская исполняются благости.

Такимъ-шо образомъ рука, пишающая пшеницъ дворовой пшеницы, опшверзается и разсыпаетъ зерна, кои они съ жадноштію собирають. Она гошова для нихъ въ минушу нужды.

9. Отвераицицъ же тебѣ лице, возмьютъся, отбилиши дучъ ихъ, и изгезнутъ, и въ

персть свою возвратятся. И последи духа твоего, и созиждутся, и обновии лице земли.

Какая живоспъ и смѣлоспъ въ описаній!—Опъ одного отъвращенія лица Божія, все превращаеся въ прежнюю персть свою. Не безъ намѣренія упошребилъ здѣсь Пророкъ слово *персть* — *нигтожество*, не было бы шакъ сильно. Но опъ дуновенія Божія все снова оживляеся. . . . .

Всѣ сіи карпины какъ бы слипъ въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ ошущаесть радоспъ, удивленіе, обнаруживающееся особливыми и быспрыми оборошами: иногда говоришь онъ Богу, иногда самому себѣ, а иногда всей природѣ. Его выраженія показывають повсюду изумленное воображеніе, душу восхищенную и вознесенную превыше самой себя.

10. Буди слава Господня во вѣки, возвеселится Господь о дѣлѣхъ своихъ. Призираай на землю, и творяй ю трястися, прикасайся гораиѣ, и дымлятся.

Призираай на землю. . . . . Подъ симъ разумѣются землешрясенія и огнедышущія горы, коихъ слѣды оспались на зем-

номъ шарѣ. Между сими и предыдущими словами находилъ естественная связь. Пѣснопѣвецъ хочеть сказать, чѣобы Господь радовался во вѣки надъ своими швореніями, и просить, чѣобы Онъ не разрушалъ впредь земли сильными землетрясеніями и всеокрушающими попоками огня. Сколь высоко выражены сіи спрашныя явленія природы! Господь взираеть на землю во гнѣвъ: она шрясешся; касаешся горамъ: дымяшся.

Воспою Господеви въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь. Да усладится ему бесѣда моя, азъ же возвеселюся о Господѣ. Да изгезнутъ грѣшницы отъ земли, и беззаконницы, яко же не быти имъ: благослови душе моя Господа.

Вопъ заключеніе! оно соспоишь совершенно въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ, избразивъ споль высокія карпины, дѣлавшія на сердцѣ почти равныя впечатлѣнія, долженъ былъ опкрыть чувства свои особеннымъ, разипельнымъ образомъ.—И сіе окончаніе шакже исполнено огня, порывовъ и необыкновенныхъ обороповъ.

Ни въ одномъ изъ свѣшскихъ сочинителей (говорить Аб. Башпе окончивъ

вышеприведенный разбор) нѣшь такихъ *высокихъ изображеній и мыслей*, какія находятся въ Священныхъ пѣснопѣнїяхъ—отъ того, что свѣпскїе сочинители не имѣли подобнаго основанїя въ своихъ маперїяхъ, ни подобнаго духа, кошорый бы оживошворялъ оныя маперїи. Они воспѣвали ложную религію, геройство, худо понимаемое, сраженїя, имѣвшїя химерическую славу—и не имѣли ни одной искры огня, воспалявшаго Пророковъ. Словомъ, если Горацій и Пиндаръ были внушаемы природою, то Давидъ и Моисей были внушены самимъ Творцемъ природы.....

*

Дабы сдѣлать спашью сію и полезнѣе и прїятнѣе, выписываемъ нѣсколько Псалмевъ, преложенныхъ извѣснѣйшими нашими стихотворцами :

Псаломъ І.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста.....

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходишь,
Не хочешь грѣшнымъ въ слѣдъ спупашь,

И съ шѣмъ, кшо въ пагубу приводишь
Въ единомъ мѣспѣ засѣдашь.

Но мысль и волю подвергаешъ
Закону Божію во всемъ
И сердцемъ оный наблюдаешъ
Во всемъ печеніи своемъ.

Какъ древо онъ распространился,
Чшо близъ текущихъ водъ распешъ,
Плодомъ своимъ обогатишься,
И лиспъ его не опадешъ.

Онъ узришь слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смяпуся грѣшны
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

И шакъ, злодѣи не возпанушь
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянушь
Въ своемъ сборѣ ихъ ошнюдь.

Господь на праведныхъзираешъ,
И ихъ въ пуши своемъ хранишь;
Опъ грѣшныхъ взоръ свой ошвращаешъ
И злобный пушь ихъ погубишь.

Ломоносовъ.

Часть. II.

Псаломъ XVIII.

*Небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же
рукъ Его возвѣщаетъ твердь . . . . .*

О славу Творческой намъ небеса вѣщаютъ,
И дѣло рукъ Его эфирна швердь явишь;
День дни и ночи ночь свой голосъ пресылають:
Премѣна спройна ихъ Опца вѣковъ гласишь.

И нѣшь словесъ и нѣшь языка

Гдѣбъ гласы ихъ, что еси Владыка,

Не возвышались во слышаніе всѣмъ.

Въ предѣлы свѣта опдаленны

Звучашъ ихъ струны напряженны

Несешъ ихъ глаголь по всѣмъ земли концемъ.

Онъ солнцу сѣнь воздвигъ во обласяхъ Эфира:
Оно, какъ младъ женихъ, весельемъ полна грудь,
Оспавя свой черпогъ, грядешъ предъ взоры міра,
Ликуешъ, какъ гошовъ подвижникъ славы въ
пушь.

Воспока край его изводишь,

И западъ съ крошостью исходишь

Ему во срѣшенъе грядущу съ высоты;

Ему поржеспвенно шекущу,

Вездѣ веселый блескъ ліющу—

Что можешъ опъ его сокрышься шеплоты!

Въ законѣ Господа пороку бышь не можно;
 Онъ новую душѣ Собою жизнь даришь,
 Вѣщаніе Творца и вѣрно и неложно:
 Оно и опроковъ премудрыми шворишь.

Велѣнія Господни сладось,

Онъ желанна мыслямъ радось,

И заповѣдь Его очамъ душевнымъ свѣшь.

Господень страхъ пребудеть вѣчно;

Онъ чисшь-зерцало онъ сердечно;

Неправоты и лжи въ судьбахъ Господнихъ нѣшь.

И злата, и всего, что въ свѣшѣ драгоцѣнно,

Онъ любезнѣе изящесствомъ доброшь,

И вожделѣннѣе ихъ сладось несравненно,

Чѣмъ сладось, кою намъ ліешъ и медъ и сошь;

И я, Твой рабъ, въ нихъ поучаюсь;

Благой надеждою пишаюсь,

Что въ исполненнѣи ихъ мнѣ мзды Твоихъ да-

ровъ.....

Но кто избѣгнешъ прешкновеній?

Кто чисшь опъ всѣхъ грѣхопадений?

Мнѣ, Боже! не вмѣни невѣденья грѣховъ.

И равно волею содѣянный мною

Мнѣ беззаконія проси и пощади;

Да рабъ не буду имъ, но да владѣшь собою,

Ты помощью меня, о Боже! ушвѣрди.

*

Тогда, невиненъ и свободенъ,
 Во всемъ Тебѣ благоугоденъ,
 Обращу истинно достоинство души.
 Спасишель мой, Творецъ, Владыка!
 Вѣщанья успѣ моихъ, языка,
 И сердца помыслы Ты благоспѣю внуши.
Костровъ.

Псаломъ XLV.

*Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ
 скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зло.....*

Богъ намъ прибѣжище и сила,
 Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
 Хоша бѣ вселенная грозила,
 И горы, двигшись съ береговъ,
 Въ сердца морскія прелагались;
 Не убоюсь—защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремишь, бурюющъ бури
 И до небесъ восходишь поншь,
 Сверкающъ молны по лазури
 И рѣвешъ черный горизонтъ;
 Но рѣкъ кипящихъ усуремленье
 Увеселишь лишь Божій градъ.

Богъ среди — священны стѣны
 Не двигнуся Его никѣмъ—.
 Со упромъ придушь перемѣны :
 Смянуся вражески пшмы шемъ ;
 Уклоняся пресполы, Царства,
 Дасъ Вышній гласъ—вздогнетъ земля.
 Господь помощникъ мой, Спасишель —
 Придише¹, зрише чудеса!
 Засупникъ, жезль и покровишель,
 Моя и слава и краса.
 Онъ хоцешъ — и враждебны сонмы
 Оцѣпенѣюшь вокругъ меня.
 Съ концевъ земныхъ сохнешъ Онъ брани ,
 Лукъ сокрушишь и копіе;
 Блаженныхъ, мирныхъ пожеланій
 Исполнишь наше жиніе;
 Щипы желѣзны переплавишь
 Въ плуги, серпы и косы Онъ.
 И упразднишь злоба ада ,
 И разумѣешь человекъ ,
 Чшо небо шѣмъ покровъ, ограда ,
 Кпо въ правдѣ свой проводишь вѣкъ.
 Такъ, Богъ, Господь мой мнѣ засупникъ
 И на Него надѣюсь я.

Державинъ.

Псаломъ XLIX.

Богъ Боговъ Господь глагола, и призва землю отъ востокъ солнца до западѣ. . . .

Кто въ блескахъ молніи нисходишь,
 Колеблешь гласомъ горь сердца,
 И взоромъ въ шрепешъ все приводишь?
 Природы ль вижу я Творца?
 Онъ, онъ.—Се мечь въ десной сверкаешь,
 А въ шуйцѣ вѣчные вѣсы;
 Се къ вамъ, народы, онъ вѣщаетъ—
 О грозны, спрашные часы!

„Не мни—гласишь—о родѣ спропшивый!
 Загладишь жертвами свой грѣхъ,
 Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
 Приду изрѣчь на смертныхъ всѣхъ.
 Чшо мнѣ до вашихъ всесозженій,
 До вашихъ жертвъ и шучныхъ спадъ;
 Богъ пьешь ли кровь своихъ швореній?
 Безсмертный чувствуешь ли гладъ?„

„Я всю вселенную объемлю —
 И въ длани жизнь ея ношу;
 Я вздоху насѣкомыхъ внемлю,
 Хочу—и солнце погашу.

Пожри же Миѣ своей душою ,
 Очисти совѣсшь опъ грѣховъ ,
 И непорочныхъ успъ хвалою
 Да будешь славимъ Богъ Боговъ,,

„Но да прильнешь языкъ къ гортани
 Твоей, о грѣшный чело'вѣкъ!
 Спрашисъ ко мнѣ просперши длани
 И не блажи меня во вѣкъ;
 Тебѣ ли Бога пѣснословишь,
 Коль духомъ не живешь о Немъ,
 Коль адъ спѣшишь себѣ гошовишь
 Въ порочномъ жишии швоемъ?,,

„Изъ успъ швоихъ печешъ ядъ леспи
 И злоба ухищренныхъ змѣй;
 Ты брапу ковь швориль изъ меспи,
 Корыспи раздѣляль шашей.
 О лицемѣры! вѣчноль спану
 Я громъ удерживашъ въ рукахъ?
 Воспрепещише! гряну, гряну —
 И уничшожу яко прахъ !,,

Дмитріевъ.

Псаломъ LXXXI.

*Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги
разсудитѣ. Доколѣ судите неправду и лица
грѣшниковѣ приимете. . . . .*

Возспаль Всевышній Богъ, да судишь
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ :

Доколѣ, рекъ, доколѣ вамъ будещъ
Щадипѣ неправедныхъ и злыхъ ?

Вашъ долгъ естѣ сохраняшь законы,
На лица сильныхъ не взирашь,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиропѣ и вдовѣ не осшавляшь.

Вашъ долгъ спасши опѣ бѣдѣ невинныхъ,
Несчастливымъ подашь покровъ ;
Опѣ сильныхъ защишишь безсильныхъ,
Испоргнушь нищихъ изъ оковъ.

Не внемлющъ !—видящъ и не знающъ ,
Покрышы мздою очеса :
Злодѣйсшва землю попрясающъ ,
Неправда зыблещъ небеса.

Цари!—я мнилъ—вы Боги власшны,
Никшо надъ вами не судья ;

Но вы, какъ я, подобно спраспны ,
И также смершны, какъ и я.

И вы подобно такъ падеше ,
Какъ съ дровъ увядшій листь падешъ ,
И вы подобно такъ умреше ,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умрешъ.

Воскресни Боже! Боже правыхъ!

И ихъ моленію внимли ;

Приди, суди, карай лукавыхъ

И будь единъ Царемъ земли.

Державинъ.

Окончимъ спашью сію двумя псалмами знаменишаго Геромонаха Симеона Полоцкаго. Сіе покажетъ какъ спепень спихошворспва нашего въ его время, такъ и шо, какія образцы послужили къ развитію Пипическаго Генія Ломоносова. — О Полоцкомъ можно видѣшь въ сп. *Комедія* при описаніи духовныхъ Драмапическиххъ сочинишелей.

Псаломъ СХІІ.

Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне . . . . .

Отроцы, пѣсньми Господа хвалише ,

И дѣвы, имя Его вознесише.

Благословенно всегда имя буди
 Господне, вѣчно да славяшъ Е люди.
 Опъ воспокъ солнца, и гдѣ западъ знаешъ,
 Всехвально имя Его да бываетъ.

Высокъ надъ всѣми Господь нашъ языки,
 И выше небесъ славимъ ешь во вѣки.
 Кто равенъ тому, иже обихаетъ
 Въ небѣ, а низу очи низпускаешъ;
 Опъ земли мужа ница воздвизая,
 Въ чесъ высокоу дивнѣ възвышая;
 Онъ же ешь силенъ опъ гноища взяпи,
 Со Князи людей въ славѣ насаждапи:
 И неплодную въ домѣ веселиши
 Машерь, о чадѣхъ веселу твориши.

Псаломъ СXXX.

Господи не вознесся сердце мое.....

Господи, сердце мое
 Не бяше высокое;
 Ни очи вознесенни
 Бяху ми, но смиренни.
 Не шцахся великъ быши,
 И дивенъ ся явиши,
 Аще же не смиряхся
 Духомъ, но возносахся.

Да буду опдоенну

Подобенъ, ослезенну :

Еже плачь изливаєшь ,

Къ машери възгледаешъ.

На мнѣ месць сія буди.

Божіи въ бозѣ люди,

Выну да уповають :

Дондеже пребывають.

ЛИТТЕРАТУРА, или словесность, есть познаніе правилъ и лучшихъ образцевъ въ поэзи и краснорѣчіи. Человѣкъ, имѣющій сіи познанія, или при знаніи правилъ и образцевъ, упражняющійся въ сочиненіяхъ, называется *Литтераторѣ* ш. е. любитель словесности, любословъ и пр. — Мармонтель дѣлаешъ различіе между Лишперашоромъ и человѣкомъ ученымъ. *Упражняющійся въ Словесности*, говоритъ онъ, пользуется шрудами человѣка ученаго, и ежели, посредствомъ послѣдняго, пріобрѣлъ онъ познанія лучшихъ образцевъ въ поэзи, въ краснорѣчіи, въ исторіи, въ Философіи, въ полишикѣ — то бываешъ совершеннымъ *Литтераторомъ*. Онъ можетъ не знашь, что Комменташпоры говорили о Гомерѣ, но онъ знаешъ, что говорилъ Го-

мерь; онъ не сличалъ произведеній Ювенала съ Аристофановыми, но чипалъ и Ювенала и Аристофана.....

ЛОГОГРИФЪ. Слово Логогрифъ соспавлено изъ двухъ Греческихъ: λόγος, verbum, слово и γρίπος или γρίφος, rete, сѣпи—слово-сѣтѣ, сѣтословѣ, сѣпѣ поспавленная для слова. Grīphus, γρίφος, значипъ шакже загадка. И шакъ—

Логогрифѣ естѣ загадка, сокрывающая не вещь, а слово. Когда чрезъ опдѣленіе нѣкошорыхъ буквъ опъ слова, или черезъ переспавленіе слоговъ и буквъ, выходяшъ другія слова, ясный смыслъ заключающія, и каждое изъ сихъ вновь опкрытыхъ словъ, шакже какъ и шо, изъ коего произошли онѣ, описывающа въ видѣ загадки — (см. сіе слово) — шо сіе соспавленіе, сіе цѣлое называется *логогрифомѣ*. Цѣлому слову Французы даюшъ имя *тѣла corps*, а часпи онаго, шо естѣ слова произведенныя, называютъ *гленами, membres*.

Способнѣйшія для *логогрифовѣ* слова сушъ шѣ, въ кошорыхъ болѣе заключаешся малыхъ словъ или *гленовѣ*. — Выбравъ шакія слова сочинипель имѣетъ полную волю начашъ объясненіемъ ихъ въ шакомъ

порядкѣ, какой приняшь вздумаешь; однакоже лучше сдѣлаешь, когда *однородныя* слова, какъ по имена людей, названія животныхъ, распѣній и пр. будетъ помѣщать вмѣстѣ; опъ него же зависишь начашь свое сочиненіе *приступомъ* или безъ онаго. Легкость и шупливость придають большую пріятность *логогрифу*.—На Русскомъ языкѣ логогрифъ можешь бышь писанъ стихами всякаго размѣра, но Ямбическіе, и припомъ вольные, предпочитаются.

Дабы лучше объяснишь какъ составляются логогрифы, возьмемъ какое нибудь слово, напримѣръ *кипарисъ*; раздробляя оное, по естѣ опдѣляя и переспавляя буквы и слоги, находимъ слѣдующія рѣченія: *парисъ, пассъ, парикъ, пика, парки, киръ, аписъ, паръ, кипа*.—Теперь слѣдуетъ приступишь къ описанію сихъ рѣченій или *гленовъ*. Стихошворецъ начинаешь сіе крашкимъ приступомъ:

Послушайте, друзья! вы въ прехъ слогахъ моихъ

Найдете въ мигъ

На поприщѣ любви извѣснаго героя,

Которымъ ввергнуша была въ погибель Троя (1);

Словцо печальное босшонныхъ игроковъ (2);

Прикрасу головы (3), оружье козаковъ (4);
 Трехъ сеспръ, могущихъ во мгновенье
 Разрушишь радосшь и мученье (5);
 Персидскаго Царя (6), Египтянь божесшво (7);
 То вещесшво,
 Копорое изъ водъ всечасно вылешаешъ (8);
 Чпо съ кучею почши одно же означаешъ (9);
 Попомъ описываешся цѣлое, называемое
тѣлолѣ :

А цѣлое мое, скажу шеперь я вамъ,
 Склоняешъ къ горесшнымъ мечшамъ
 И аромашы лешъ по ѳкресшнымъ мѣшамъ:
 Сей логогрифъ вообще можешь послужишь
 надлежащимъ образцемъ въ сочиненіи сего
 рода загадокъ.— Онъ написанъ Г. *Покров-*
скилѣ.

Слѣдующій логогрифъ, означающій сло-
 во *мѣха*, сосшавлечъ чрезъ опдѣленіе опъ
цѣлаго по одной буквѣ :

Всегда изъ чепырехъ часпиць я сосшавляюсь
 И кровію людей, какъ хищный звѣрь, пишаюсь.

Вопъ опредѣленіе *цѣлаго*.—Надлежишь за-
 мѣшишь, чпо для удобнѣйшей опшгадки, въ
 логогрифахъ при опредѣленіи *цѣлаго* поч-
 ши. всегда означаюшь число сосшавляю-

щихъ оное слоговъ, называя ихъ *частями*.
— Впрочемъ сіе не почищается необходи-
мымъ правиломъ, только бы непременно
было *опредѣленіе*. — Части или члены сего
логогрифа шакъ описаны :

Когда же голову опишешь опъ меня,
Увидишь, иногда пишу я и шебя,

То ешь *ѹха*, извѣстное кушанье.

Когда же по поламъ меня ты раздѣляешь,
То въ смѣхъ вшорую часть мою упопреляешь.

Сіе значишь *ха*.

Когда же только хвостъ одинъ тымой возьмешь,
То въ азбукахъ его и даже здѣсь найдешь

То ешь букву *А*.

Сей логогрифъ написанъ въ подража-
ніе Лапшинскимъ; каковы слѣдующіе :

1. Nil erimus, totas si vis existere partes ;

Omnia (scinde caput) Lector amice, sumus.

S—omnia

Si caput est, currit, nec non cum ventre volavit.

Adde pedes, comedes; et sine ventre bibes.

Mus-ca-tum.

2. Primum tolle pedem, tibi fient omnia fausta;
Inversum, quid sim dicere *nemo* potest.

N—omen.

Сей шѣмъ еще любопытнѣе, что заключаешъ и обратное значеніе слова; но слѣдующій долженъ обратитъ бѣльшее вниманіе :

3. Cortice sub gelido reserant mea viscera flammam.
A capite ad calcem resecare ex ordine membra
Si fibeat, varias assumam ex ordine formas :
Spissa viatori jam nunc protenditur umbra ;
Nunc defendo bonos et amo terrere nocentes;
Мох intrare veto; sum denus denique et unus.
Unica si deficit mihi cauda, silere jubebo.

Silex, ilex, lex, ex, x, sile.

Послѣдній логогрифъ написанъ Г. Ла Кондаминоу, шѣмъ самымъ, кошорый извѣстенъ своими Астрономическими и Физическими наблюденіями.

Вошъ еще одинъ Лапинскій логогрифъ, соспавленный чрезъ преложеніе слоговъ, и пошому принадлежащій равномѣрно и къ *Анаграммѣ* :

4. Quem mea praeteritis habuerunt maenia saeculis
Vatem, si veritas, hoc modo habent.

Maro—Roma

На Русскомъ языкѣ появились логогрифы, также какъ и шарады (см. сіе слово) въ началѣ пекущаго сполѣшія. Для удовольствія читателей нашихъ выпишемъ нѣсколько логогрифовъ изъ разныхъ Периодическихъ изданій:

I.

Пишите *Логогрифъ*, сказалъ мнѣ журналистъ—

Съ охотою. — И такъ подайте

Чернильницу, перо, бумаги листъ. —

Смотрите жъ, отгадайте!

Прошу лишь только не бранишь,

Когда пріятнаго здѣсь не найдете слога:

Вѣдь логогрифъ не шулка сочинишь!

Хоша черезъ него къ безсмертью не дорога,

Хоша писателей такихъ стиховъ

Пускаютъ на Парнасъ—не далѣ порога;

Однакожъ . . . . *логогрифъ* готовъ.

Послушайте: въ немъ при лишь слога,

А больше дюжины различныхъ словъ!

Вы въ немъ могильное найдете украшенье (1);

Писанье Гошфскихъ мудрецовъ (2);

Вещь славную, кошорой лишь рѣченье

Оспалось для пѣвцовъ (3);

И по, чѣмъ молодцовъ

Часть II.

11

Никшо не называешъ (4);

И шакже даръ, копорый опличаешъ

Поэша отъ писцовъ (5).

Вамъ скучно? нѣтъ, не шоропишесь,

А на себя лучше оглянишесь:

Вы землю роеше и шо сыскашъ шрудитесь,

Чего премножештво у васъ въ рукахъ (6);

Чшо носяшъ многіе изъ насъ на головахъ

И часшо слышимъ мы на каршочныхъ играхъ

(7)....

Вошъ нашихъ воиновъ любимый крикъ раз-

дался (8)!

Врагъ человѣчества, свободы (9) побѣжденъ!

Какъ вихремъ деревца часпица (10) воздымался

И въ положеніе безродныхъ (11) приведенъ!

Смошрише, вошъ мадамъ здѣсь кспіаши пока-

залась,

Кошорая своимъ писаньемъ опличалась (12)....

Теперь словъ парочка еще ошпалась,

И вы ошъ берега недалеки!

Узнавъ спаринное названіе рѣки,

Кошорая въ Россіи пропекаешъ (13),

И чшо зимой бѣлью опмѣнно помогаешъ (14),

Доспигли наконецъ.—Пора и ошгадашъ!

Еще для ясности намѣрень вамъ сказашъ,

Учу ихъ иногда и прогоняю скуку,
 А болѣе всего имъ доспавляю муку;
 Скажу, чшобы скорѣй меня шы опгададь,
 Ты вѣрно безъ меня сего бы не чишаль.

3.

Такова роспу я бываю,
 Какова хочешъ мой ошець.
 Ему я прибыль доспавляю
 И даже иногда безсмершя вѣнецъ
 Черезъ меня онъ получаешъ,
 А онъ меня за шо въ оковы заключаешъ,
 То къ дереву, шо къ камню прикуешъ
 И воли не даешъ.
 Возможно ли съ дѣшми шакъ обходишься
 спрого?
 Скажу вамъ, чшо во мнѣ дошпоинспвь очень
 много,
 И множешво вещей могу предспавишь вамъ:
 Веревку шолспую, и съ ней огонь пошѣшный,
 И шо, чшо по гнилымъ находишся водамъ;
 И шо, куда никакъ попасшь не можешь грѣ-
 шный.
 Взглянише на меня, и вашимъ въ мигъ гла-
 замъ

Предспавишся чудовище морское
 Прешолсное и пребольное,
 И шупъ же маленькая шварь
 Впередъ и взадъ ходячая поволъ;
 Когдажъ разсмоприше поболъ,
 Вамъ явишся Персидской Царь
 Несчастный въ бранномъ полъ;

И наконецъ

Съ брапоубійцею предспанешъ
 Нѣмецкой шупъ мудрецъ. —

Но кшо разсмашривашъ пакъ долго спанешъ!

Скажу еще: во мнѣ увидише вещь шу,

Кшорая приводитъ въ нищепу;

Другую на войнѣ не рѣдко получаюшъ. . . .

Но вѣрно, ужъ шеперь чшашели скучаюшъ

И просяшъ переспашъ —

Съ охошою!—извольте опгадашъ.

Значашъ сіи Логогрифы: 1) *Журна-*
листъ—шупъ находяшся слова *црна, рѹна,*
лира, старѣ, жарѣ, жила, тѹрѣ, цра, тиранѣ,
листѣ, сирѣ, Жанлисѣ, Ра, настѣ.—2) *Стихо-*
творство. Въ семь словѣ: *вистѣ, ростѣ, ротѣ,*
сорѣ, ворѣ, ровѣ, хитрость, сохи, хорѣ.—3) *Картина*—здѣсь *канатѣ, ракита, тина, рай,*
китѣ, ракъ, Кирѣ, Каинѣ, Кантѣ, карта, рана.

М.

МАДРИГАЛЪ. Небольшое сочиненіе въ стихахъ: нѣкопорый родъ Епиграмы; шѣмъ шолько опличаея опъ нее, что Епиграма бываешъ колка и язвительна, или лучше сказашъ, упопреляешъ къ осмѣянію какой либо спранности, а *Мадригалъ* обрацаешъ наиболѣе къ похвалѣ, и что въ немъ оспрая мысль, обыкновенно при концѣ выражаемая, должна непременно раждашъ опъ нѣжности и чувствительности. — Разность сію удачно показалъ Г. Дмипріевъ въ стихахъ на одного стихотворца:

Поэтъ Оргонъ хваля жену свою не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ—
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ *Мадригалъ*
И *Епиграму* на Венеру.

Неизвѣстно опъ чего произошло названіе *Мадригала*: нѣкопорые производяшъ оное опъ Испанскаго городка сего имени, такъ какъ слово *Водевиль* опъ Вирской долины (*Val-de-vire* или *Vaux-de vire*); но шакое словопроизведеніе не можешъ показашъся удолешворительнымъ. Древніе не

знали слова *Мадригалъ*, сказалъ одинъ Липператоръ , но многія мѣлкія сочиненія Анакреона , Сафы , Овидія , Тибулла и Капулла, по пріятности своей, могли бы почесься прекраснѣйшими *Мадригалами*; новѣйшимъ писателямъ принадлежишь честь изобрѣшенія сего слова: за то какъ мало мы видимъ теперь хорошихъ *Мадригаловъ*!

Мадригалъ на Рускомъ языкѣ пишется по большей части вольными Ямбическими стихами , однакожь всякая мѣра употреблена бышь можешь; заключаешся иногда въ двухъ стихахъ , иногда въ четырёхъ , шести и ш. д. но не долженъ имѣшь болѣе двѣнадцати. Слога требуетъ легкаго и пріятнаго—и можно ли употребить другой слогъ въ шакомъ сочиненіи, копорое, по словамъ Буало, дышетъ пріятностію, нѣжностію и любовію.

Мы имѣемъ нѣсколько весьма хорошихъ примѣровъ для *Мадригала* :

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась—не весною,
Чшобъ сѣшующій міръ ушѣшенъ былъ тобою.

Карамзинъ.

Когдабъ всесильнымъ бышь природа мнѣ судила,

Я бь одариль шебя любезностью, умоми ,
 Душъ нѣжныхъ свойспвами , плѣнипельнымъ
 лицомъ—

Но, мудрая, она меня предупредила.

Милоновъ.

Любуясь на дняхъ собою
 Амурь предъ зеркаломъ спояль
 И съ реду онъ своей красою
 Еще довольнѣй не бывальъ ;
 Но хваспунишка ошибался ,
 Онъ былъ передъ проспымъ спекломъ
 И Софыи красошой плѣнялся,
 Къ спеклу подкравшейся шайкомъ.

Кн. Вяземскій.

По чесши, опъ шебя не можно глазъ опвесить;
 Но что къ шебѣ влечешъ?—загадка не понятна!
 Ты не красавица, я вижу . . . а пріятна!
 Тыбъ лучше бышь могла, но лучше шакъ какъ
 ешь.

Дмитриевъ.

На подаренную цѣпожку.

Какъ прелесшью своей красы,
 Равно искусшвомъ шы плѣняешъ :

Цѣпочку—вяжешь на часы,
А цѣпь—на сердце налагаешь.

Г. Салтыковѣ.

Ты хочешь, другъ мой, знашь:
Любовь моя къ тебѣ надолголь продолжишся?

Спращусь тебѣ сказашь!....

Но должно мнѣ во всемъ опкрышся:
Та спрасшь, которая пылала въ насъ,
Во мнѣ, бышь можешь, прекрашися
Черезъ день, или черезъ два—кто знаетъ смер-
щи часъ!

N. N.

Прелесша!—я сказалъ, что пы не хороша;
Что одѣвашся пы со вкусомъ не умѣешь;
Сказалъ, что пы ума ни капли не имѣешь,
Что сверхъ того еще дурна пвоя душа;
Сказалъ—а для чего?—я не запрусъ и въ эпомъ:
Хощѣлъ, для рѣдкости, поспоришь съ цѣлымъ
свѣпомъ.

II. Сулароковѣ.

Темира шумный свѣпъ плѣняепъ красою,
Лариза гордая искусшвомъ въ одѣяни,
Блещащая умомъ Клодина—оспротой,
И Лиза ловкостью чудесной въ шанцованьи—

А шы? имъ скрышый пушь—пы пушь къ серд-
цамъ нашла:

Мила въ поспупкахъ, въ разговорѣ,
Мила въ проспомъ уборѣ,
Въ небрежности мила!

Я шоржеспвующей Темирой восхищаюсь,
Ларизѣ убранной невольно удивляюсь,
Клодины умъ съ воспоргомъ я хвалю,
Любуюсь Лизою: шебя—шебя люблю.

N. N.

Къ * * *

Которая хотѣла испортить часы.

Ахъ, Лиза! мнѣль за то сердисься,
Что хочешь ты часы испортишь, изломашь?
Тѣмъ лучше: я не буду знашь,
Когда съ тобою разлучишься.

Дмитріевъ.

Нѣкоторыя Русскіе стихошворцы, какъ
по Тредіаковскій, Сумароковъ (А. П.), Ни-
колевъ, писали *Мадригалы* на разные шор-
жеспвенные случаи, на примѣръ, находимъ
Мадригалы на взяшіе Бендеръ, на побѣду
при Кагуль, а Тредіаковскій написалъ даже
Мадригалъ въ похвалу Аудіенцъ-залѣ, или

Безъ сомнѣнія, Буало, прочишавъ сей
Мадригаль, не сказалъ бы

Il respire la douceur, la tendresse et l'amour.

МАКАРОНИЧЕСКІЙ. Родъ шуточной
поэзіи, состоящій въ смѣшеніи разноязыч-
ныхъ словъ съ просонародными.

Иные полагають, что сіе названіе про-
изошло отъ Испаліанскаго слова *macarone*.
значущаго грубой, проспой челоувѣкъ; а
другіе производяшъ оное отъ макаронъ
(à macaronibus), почишаемыхъ просполуди-
нами за превосходное кушанье, и кошорые
приготовляясь съ разными приправами,
образуюшъ нѣкошорую *смѣсь*.

Въ примѣръ макароническаго слога
приводяшъ слѣдующіе стихи, написанные
отъ лица хваспливаго воина:

Enfilavi omnes scadrone et regimentos.

или сіи:

Archeros pistoliferos furiamque manantum

Et grandem esmeuvtam quae inopinum facta Ruellae
est,

Toxinumque alto troublantem corda clochero.

Слѣдующіе Испаліано-Лапинскіе стихи
также принадлежашъ къ сему роду стихо-
творства. Они сочинены Ганимедомъ Са-

вериномъ. Лапинскіе взяты изъ *Виргилія*:

Gli honor non canto del rapito Ideo,
 Ne laude ad Imeneo di nozze vago,
 Legiferae Cereri, Phaebo, patrique Lyeo,—*Екл. 4.*
 Qui Ninfa non è già di fiume, o lago,
 Di selva, campo, prato, o di piagge erte,
 Saturnusque senex, Janique bifrontis imago.—*Екл. 7.*

Изобрѣшеніе сего спихопворенія приписываютъ Бенедикшинскому монаху *Феофилу Фоленгію*, жившему въ Маншупѣ около 1520 года.

На Русскомъ языкѣ нѣтъ спиховъ *Макароническихъ*; развѣ почесъ оными слѣдующіе, написанные для шушки Княземъ *И. М. Долгорукимъ*:

De l'inconstance adieu приманки!
 Femme je prends, полно дуришь;
 Jolis tendrons, сердца пиранки!
 Plus n'est permis мнѣ васъ любишь и пр.

И сии его же:

Dès ce moment j'arrive опъ дяди.
 A sa campagne обѣдалъ я;
 De me revoir, ахъ! вы не ради;
 Votre froideur крушишь меня;

Mais si vous dites останься съ нами ,
 Quel bonheur будешъ для шого,
 Qui veut à tout moment бышь съ вами,
 Pour qui vous êtes милѣй всего.

МЕЖДУДѢЙСТВІЕ или *Антрактъ*.
 Симъ именемъ называющся въ театральномъ предспавленіи промежутки между актами или опдѣленіями, коимъ дано у насъ названіе *дѣйствій*.

У Грековъ театральный промежутокъ никогда почти не былъ; междудѣйствія наполнялись хорами.

Должно замѣтить, что въ *антрактахъ* прерываешся только вниманіе зрителя, но не самое дѣйствіе (actio): предполагается, что лица тогда дѣйствуютъ; и между актѣми, какъ актеръ опдыхаетъ за кулисами, надобно считать его дѣйствующимъ. Поэтъ долженъ распредѣлить происшествія въ своемъ сочиненіи такимъ образомъ, чтобы онѣ не прерывались между однимъ актомъ и другимъ, и чтобы зрители знали, или по крайней мѣрѣ догадывались о томъ, что происходитъ во время *антракта*.

Театральное дѣйствіе часто имѣетъ неизбѣжную обширность, пустыя и скуч-

ныя подробности, а зришель ничего пакъ не опасается, какъ непріятнаго шакого позорища: для сего авпоръ предлагаешъ ему однѣ только происшествія привлекательныя, скрывая въ *антрактахъ* все то, что можетъ дославить скуку.—Съ *Антрактами* сопряжена еще сія выгода, что происшествіямъ предполагаемымъ въ оныхъ, даюшъ болѣе времени, нежели пѣмъ, кои глазамъ предспавлены бываюшъ.—См. *Драма*.

МЕЛО - ДРАМА есть Драмашическое сочиненіе, въ копоромъ музыка выражаешъ пѣ же самыя душевныя движенія, кои были предъ пѣмъ выражены словами. По сему она имѣетъ свою увершюру, какъ Опера, и въ промежуткахъ разговора дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и послѣ каждаго опдохновенія въ Монологъ, музыка играешъ речиславивъ, соопвѣспвующій смыслу того, что было сказано. Не рѣдко речиславивъ замѣняешся одними только аккордами, приличными словамъ Монолога. Слово Мелодрама есть Греческое и сославлено изъ *мѣлосъ*, *голосъ*, *пѣніе*, и *дѣяніе*, *дѣйствіе*. Содержаніе сихъ Мелодрамъ по большой часши берешся или изъ ужасныхъ и

рыцарскихъ романовъ, или изъ испинныхъ, но чудесныхъ и необыкновенныхъ произшесшвій; часпо даже изъ волшебныхъ сказокъ. Лучшими писателями въ семь родъ почишающся Жильберъ-Пикзерекуръ (Gilbers Pixégécours) и Викшоръ, сочишитель, Мелодрамы: *Каласъ*. Нравспвенная цъль большей часпи сихъ Мелодрамъ, прекрасныя декораціи, довольно хорошіе балепы, музыка и неръдко пѣніе, дѣлающъ сей родъ драматическихъ предспавленій пріяпнымъ. Мы имѣемъ многіе переводы Мелодрамъ, по большей часпи передѣланныхъ или въ драмы, или въ оперы. Таковы на пр: *Сюрока Воровка, Обрѣва Собака, Убійца и Сирота* и ш. п. Сюда можно шакже причислишь недавно данное на Пешербургскомъ театрѣ Романшическое предспавленіе: *Иваной*.

Къ роду Мелодрамъ должно опнеспи и *Миллодралу*, въ копорой дѣйспвіе сосшопишь опчаспи въ разговорахъ, опчаспи же въ Мимическихъ движеніяхъ по музыкѣ. Изобрѣшатели сего новаго рода драмы Гг: Франкони, кои ввели въ число дѣйспвующихъ лицъ, живыхъ лошадей, дѣлающихъ эволюціи, падающихъ и умирающихъ на сценѣ. Музыка, балепы, военныя эволюціи,

сраженія, пѣніе и декораціи, служащъ равнобнно украшеніемъ сихъ піесъ и приманкою для просполоудимовъ вопъ названія нѣкоторыхъ Мимодрамы: *Солдатъ земледѣлецъ, смерть Клебера; смерть Понятовскаго, Золотые тасы и пр.*

МЕТАЛИПСИСЪ. Въ Риморикѣ, пропь рѣченій. Слово сіе взято изъ Греческаго языка и происходишь опь предлога *μετά*, черезъ, означающаго въ словосочиненіи *περὶ μένου*, и опь *λαμβάνω*, понимаю, разумѣю. Изъ сего выходипь, что *Металипсисъ* даешъ понимаешъ другое, нежели что предсшавляешъ собсшвенный смыслъ рѣченія; но какъ эшо ешь свойсшво всякаго пропа, то *Металипсисъ* опредѣляюшъ шакимъ образомъ, что онъ ешь перенесеніе слова чрезъ одно, два, или при знаменованія опь своего собсшвеннаго, кошорья одно изъ другаго слѣдуюшъ, и по оному разумѣюшся. На пр:

Какъ десяшь жашвъ прошло, взяпа просшранна
на Троя.

Здѣсь черезъ жашву разумѣешся лѣшо, а черезъ лѣшо цѣлой годъ.—Или: *полнить союзъ, вмѣспо хранишь; знать Бога вм.*

Часть II.

12

бояться.—*Я не узнаю тебя*, вм. шы перемѣнился.

МЕТАМОРФОЗИСЪ см. *Превращеніе*.

МЕТАПЛАСМЪ. Слово Греческое : *μεταπλάσμος*, *transformatio*, преобразование; опъ глагола *μεταπλάσσω*, *transformo*, преобразую; сосшавлено изъ предлога *μετα*, *trans*, пре, чрезъ, и просшаго глагола *πλάσσω*, *formo*, образую:—Общее названіе всѣхъ перемѣнъ, бывающихъ въ словахъ по какой нибудь причинѣ, какъ шо для избѣжанія спеченія многихъ, гласныхъ или согласныхъ, для уменьшенія или умноженія слоговъ, сосшавляющихъ сполы и пр. По сему *Метапласмъ* бываетъ шрехъ родовъ: 1) по прибавленію, 2) по убавленію, и 3) по пересшавкѣ. Мешапласмъ по прибавленію дѣлаешся въ началѣ, въ срединѣ, или на концѣ слова, и сосшавляешъ при фигуры: *Просфезу*, *Епенфезу* и *Парагогъ*. См. сіи слова. — Мешапласмъ по убавленію производитъ шакже при фигуры: *Афerezисъ*, *Синкопе* и *Апокопе*. См. сіи слова. — Наконецъ Мешапласмъ по пересшавкѣ или по перемѣнѣ бываетъ, когда изъ одной двоегласной дѣлаюшся два слога, или когда

соединяюща два слога въ одинъ, или когда буквы бывающъ переспавляемы; изъ сего происходящъ чешыре фигуры: *Диерезисъ*, *Метафезисъ*, *Сокращеніе* (*contractio*) и *перемѣна* (*commutatio*). См. сіи слова. — Всѣ различныя свойства Метаспласма объяснены въ слѣдующихъ стихахъ:

Prosthesis arponit capiti, sed *Aphaeresis* aufert;

Syncope de medio tollit, sed *Epenthesis* addit;

Abstrahit *Apocope* fini, sed dat *Paragoge*:

Ut valet in binas difflare *Diaeresis* unam,

Haud aliter binas *contractio* cogit in unam;

Littera si legitur transposta, *Metaphesis* exstat;

Si mutata fuit, tunc *Commulatio* vera est.

Сюда же принадлежишь дѣлаемый иногда въ Латинскихъ стихахъ *выпускъ*, *Elysiu*, *Simaloerpe*, состоящій въ томъ, когда выпускается гласная лифера и наиболѣе е для уменьшенія числа стопъ, или для приведенія словъ въ извѣстный размѣръ.

МЕТАФЕЗИСЪ, *metathesis*, *transpositio*, родъ Метаспласма; слово сіе происходитъ отъ *мета*, *trans*, чрезъ, и *τίθημι*, ропо, кладу, полагаю: преложеніе, переспавленіе, переспавка. Состоитъ въ томъ, когда буквы въ словѣ долагающа не въ первопроизвод-

*

номъ порядкѣ. Такъ *Виргилій* (*Аен. X. 394*) сказалъ :

Nam tibi, Tymbre, caput Evandrius abstulit ensis.

Вмѣсто *Tymbre*, какъ написано премя спихами выше, и эпо, по примѣчанію *Сервія*, сдѣлано для мѣры спиха, *metri causâ*. Такъ же употребляется *Teucra* вм. *Teucer*, *corcodilus* вм. *crocodilus* и пр.—См. *Метаплазмъ*.

МЕТАФОРА, въ *Риморикѣ*, пропѣ реченій.—*Метафора* естъ переносъ реченія опѣ собсѣвеннаго знаменованія къ другому, для изъясненія нѣкопорого между ними подобія; что бываетъ : 1) когда реченіе приличное бездушнѣй вещи придаеѣтся живѣшному, на пр. *каменное сердце, твердой чѣловѣкъ, мысли колеблются*. 2) Когда реченіе, надлежащее къ одушевленнѣй вещи придаеѣтся бездушнѣй, на пр: *црюмое море, лице земли, луга смѣются*. 3) Когда слово опѣ бездушнѣй вещи къ бездушнѣй же переносиѣтся, на пр: *въ волнахъ кипящій песокъ, небо звѣздами разцвѣтаетъ*, и 4) когда реченія переносиѣтся опѣ одушевленнѣхъ къ одушевленнѣмъ вещамъ, на пр: *парящее воображеніе, алчный взоръ, лающій Зоилъ*.—*Чрезъ сіе идеи пред-*

спавляюшя великолѣпнѣе и живѣе, нежели просто. При чемъ наблюдать должно: 1) чшобы Метяфоръ не упошреблять чрезмѣру часпо, но шокмо въ приспособныхъ мѣсшпахъ, ибо излишне спѣсенныя въ рѣчь переносныя слова больше оную зашмѣвающъ, нежели возвышающъ. 2) Къ вещамъ высокимъ и важнымъ не приспособно переносить реченій опъ вещей низкихъ и подлыхъ, на пр. *небо плюетъ* не хорошо сказаъ въм. *дождь идетъ*; но ежели вещи, опъ копорыхъ слово переносится, не очень низки, то могутъ бытъ еще возвышены именами прилагательными: такъ ежели *громъ* назваъ *трубою*, то будеть Метяфора низка, однако съ прилагательнымъ *труба небесная* упошреблена бытъ можешъ. 3) къ низкимъ и подлымъ вещамъ также не приспособно переносить реченія опъ высокихъ и важныхъ, на пр. *громогласный комаръ*. 4) Чшобы Метяфоры сообразовались съ натурою, а принужденность, неясность, сушь погрѣшности неспершимыя въ ономъ пропѣ, на пр. если бы кто сказаъ *у него Везувій въ гряди* для означенія челоука снѣдаемаго любовію, то бы погрѣшилъ прошивъ правилъ сего шропа, также бы какъ и въ

сихъ реченіяхъ *омою руки мои въ волнахъ власовъ твоихъ* вм. выдеру шебя за волосы. 5) Когда бываешъ нѣсколько Метяфоръ вмѣспѣ, по надобно спарашься, чшобъ не было въ нихъ шакихъ идей, кои соединены бышъ не могушъ, на пр. если бы кто говоря объ орапорѣ сказалъ *онѣ подобенѣ гасѣ отѣ гасц болѣе воспаляющецмцся истогнику*, по Метяфора была бы несправедлива, ибо *пламя и вода* не могушъ бышъ совокупны. Прошивъ сегоже погрѣшилъ авшоръ, кошорый въ одѣ къ герою написалъ:

Въ десницу взявъ перунъ пы шеспвуй лву подобно.

Надлежалобы лучше сказать *подобно Юпитеру*, ибо поняшіе о лвъ нимало не согласуешъ съ поняшіемъ о вооруженіи его перуномъ или громомъ. 6) Надлежитъ избѣгашъ Метяфоръ иноспранныхъ, несвойспвенныхъ языку нашему, какъ на пр. на Лапшинскомъ языкѣ можно сказать *ad radicem montis*, но на Россійскомъ *при корнѣ горы* не говорившя, а упошребляешъ *при подошвѣ*; или Французскую Метяфору *le coup d'oeil* спранно было бы видѣшъ переведенною *ударѣ ока* вм. *взглядѣ*, также

faire les doux yeux, дѣлашь сладкіе глаза, в.м. умильно взглядывашь, и пр.—

Метафору можно смягчашь сими словами: такъ сказать, ежели можно или позволено такъ сказать, выразить, объяснить! ся, на пр: искусство должно бышь, ежели позволено шакъ сказашь, *привито къ натурѣ*: напура поддерживаешь искусство и служишь ему основаніемъ, а искусство украшаешь и дѣлаешь напуру совершеннѣе.

Слово *Метафора* ешь Греческое, происходитъ ошь *μετά*, что значить *черезъ* и ошь *φόρα* ношу, и шакъ *μεταφορά*, собственно означаешь *переносъ*.

МЕТОНИМИЯ. Въ Риморикѣ прошь реченій. Соспоишь въ шомъ, когда вещей, имѣющихъ между собою нѣкошорое соотношеніе, имена взаимно переносятся, или, какъ другіе опредѣляють, *Метонимія* ешь прошь, въ кошоромъ слово, вмѣсто понятія, заключающагося въ собственномъ его значеніи, выражаешь другое, имѣющее съ первымъ нѣкошорое соотношеніе. — Что бываешь: 1) когда принимаешся причина за самое дѣйствіе, на пр: *жить своею работою* ш. е. покупашь что либо на деньги, получаемыя за работу; *ц него прекра-*

сная рука вм. онъ прекрасно пишеть (рукою). Язычники думали, что Церера научила людей сѣять хлѣбъ, а Бахусъ научилъ дѣлать вино, по сему хлѣбъ называли они иногда Церерою, а вино Бахусомъ. *Виргилій* сказалъ: *Implentur veteris bacchi*, спарой Бахусъ, вм. спараго вина, или *Терренцій* говоритъ *Sine Cerere et Libero friget Venus*, (*Eup. IV. 5*), безъ Цереры и безъ Бахуса скучаетъ Венера, а сіе значить: о любви тогда не думаютъ, какъ не чѣмъ жить.—По Метониміи же называется *Иаковомъ*, *Израилемъ*, *Иудею* народъ *Иудейскій*; сюдаже принадлежатъ и сіи выраженія *Имѣете Моисея и Пророковъ*; *цитируетъ Гомера*, *Виргилія* вм. ихъ пвореній.—2) Когда принимается дѣйствіе за причину, на пр: *Овидій* говоритъ, что *гора Пеліонъ тѣни не имѣетъ* *nes habet Pelion umbras*, то сіе значить, что тамъ нѣтъ деревъ, составляющихъ причину тѣни, и тѣнь, кошорая есть дѣйствіе деревъ, взяша здѣсь за самыя деревья.—Поэты говорятъ *блѣдная смерть* ошь того, что смерть дѣлаетъ блѣднымъ. 3) Содержащее за содержимое.—*Ломоносовъ* сказалъ

Восшокъ и льдисный Океанъ

Свои колѣна преклоняющъ.

ш. е. люди живущіе на воспокъ и при Ледовипомъ Океанѣ.—Говоряшь *гнѣздо птиць* вм. самыхъ пшиць въ гнѣздѣ находящихъ, и въ проспорѣчи: *онѣ любитѣ гарогку*, ш. е. любятъ вино, наливаемое въ чарку. 4) Имя мѣспа, гдѣ вещь дѣлаешся, берешся за самую вещь. — Фаянсъ еспь городъ въ Ипаліи; шамъ нашли особенный родъ глины для дѣланія различной посуды, копорую называють фаянсовою; шеперь говоряшь, что прекрасной *фаянсѣ* дѣлаешся въ Голландіи, въ Руэнѣ, въ Кіевѣ. — Сюда же принадлежишь названіе винъ, на пр. медокъ, шапо-лафипъ и пр. 5) Признакъ вмѣспо самой вещи. На пр. Орель вм. Россійской Имперіи, Луна вм. Турціи, сѣдина вм. спаросіи.

О Россъ! швоя лишь добродѣшель
 Такихъ великихъ дѣлъ содѣшель,
 Лишь швой *Орелѣ* луну зашмилъ . . . .

6) Когда дѣйствіе или свойство приняпо будешъ вмѣспо дѣйствующаго, на пр. *убійство* доспойно смершной казни вм. убійца доспойнѣ. . . . опъ *злости* погибаю, вм. опъ злыхъ людей. 7) Когда вмѣспо вещи полагаешся шопъ, кшо ею владѣель:—На пр: у Виргилія *Jam proximus ardet Ucalegon* (Aen.

II. 32), горипшь Укалегонъ, вм. домъ Укалегона.

Слово Метпонимія сосшавлено изъ *мета*, чрезъ, пере... и опъ *ѳома* имя: перемѣна имени.

МЕТРЪ. Въ поэзіи называешся симъ именемъ всякая сшопа или мѣра, входящая въ стихосложеніе. Арисшидъ опредѣляешъ мепръ *системою стопѳ*, сосшавленныхъ изъ разныхъ слоговъ извѣснаго числа. Въ семь смыслѣ *метрѳ* значипшь поже, что *родѳ стиховѳ*, *genus carminis*. Наука о мепрахъ называлась у Римлянъ *Ars metrica*. Слово сіе значипшь на Греческомъ языкѣ *мѣра*.

МЕТРИЧЕСКІЙ. Такъ называешся стихъ, заключающій извѣстное число сшопъ, сосшоящихъ изъ долгихъ и крапкихъ слоговъ, или *имѣющій стопы*, каковы на примѣръ, стихи Греческіе, Латинскіе и нынѣшніе Русскіе; но прежніе наши стихи, каковы Каншемировы и его современниковъ, шакже какъ Польскіе, Французскіе и пр. называющся *Силлабическими*, ибо не сшопы, но число слоговъ, въ себѣ заключающъ.—См. *Стихосложеніе*.

МИКТЕРИЗМЪ. Родъ Ироніи. — *См. сіе слово.*—Упошребляешся тогда, когда о комъ либо говорится съ большимъ пренебреженіемъ: имѣешь большое сходство съ *Сарказмомъ*.—С. с. сл.—*Μικτηρισμός*, пишешь *Воссій* (partit. orat. IV. X. 6.) *fit quum naso suspenso quempiam subsannamus: quod et nomen indicat; nam μικτός, nasus.*—Сія слова *naso suspenso* очень хорошо описываютъ положеніе гордеца, поднимающаго носъ, дабы сморъвъ съ пренебреженіемъ на шѣхъ людей, копорыхъ хочеть онъ унизишь передъ собою.

МИМИЗИСЪ, родъ Ироніи, копорою повшоряють совершенно все то; что другой сказалъ, съ подражаніемъ шѣлдвиженію и голосу, дабы сказанное обратишь чрезъ то въ посмѣяніе.

Мимизисъ ешь имя Греческое: *Μιμῆσις* значить *подражаніе*, но подражаніе Ироническое, насмѣшливое.—Сія фигура часшо упошребляешся нынѣ въ *Комедіяхъ*, какъ прежде сосшавляла главнѣйшее свойство *мимъ*, что показываешь и самое ея названіе.

МИМИЯМБЪ. Родъ стиховъ *Ямбическихъ*, упошребляемыхъ въ *Мимахъ*.

МИМИЧЕСКІЙ. Принадлежащій къ Мимамъ.

МИМОДРАМА.—См. *Мелодрама*.

МИМЫ. У древнихъ Мимами назывались шушочныя шеапральныя представленія, въ копорыхъ съ дерзосшію подражали дѣніямъ, рѣчамъ, голосу и даже шѣлдвиженіямъ какой либо извѣспной особы. Онѣ упошреблялись обыкновенно между акшамми.—Греческое слово *μῖμος*, значущее *подражатель*, подало поводъ къ сему названію.

Плушархъ (Simp. Lib. VII. probl. 8.) раздѣляетъ представленія Мимическія на два рода. Однѣ именовались *ὑποφρεσις*, были благоприспойны и приближались къ Комедіи; другія назывались *καβυρία* и заключали въ себѣ шалосши и дерзкія шушки.

Изобрѣшашелемъ благоприспойныхъ и нравспвенносшію исполненныхъ *Милѣ* почиташошъ Сиракузца Софронія, жившаго во времена Ксеркса. Увѣряюшъ, что Платонъ съ удовольспвіемъ читашъ *Милы* сего писашеля.

Милы нравились шакже и Римлянамъ: онѣ упошреблялись даже при похоронахъ. Взавшій на себя шакое представленіе

шель передъ гробомъ, изображая шѣлодвиженіями дѣянія и нравъ покойника.

МНОГОСОЮЗІЕ, polysyndeton. Въ Риторикѣ фигура реченій. Соспоишь въ шомъ, когда многія реченія или часши періода союзомъ и соединяюшся. На прим: и малые, и великіе, и старые, и младые, и богашые, и убогіе, хваляшь добродѣшель, но не всѣ послѣдуюшь ей.

У Жуковскаго въ сочиненіи *пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ* :

Внимайше! въ полѣ шумъ глухой!

Смоприше, спань воспрянуль,

И кони ржущъ, грызя бразды,

И спрой сомкнулся съ спроемъ,

И вождь лешишь передъ ряды,

И пынешъ рашникъ боемъ.

Или въ Трагедіи Озерова *Фингалъ* :

Со мною говоряшь и вѣшровъ спрашный ревъ,

И моря грозный шумъ, и помный скрышь
деревъ.

Сей фигурѣ пропивополагаешся *Безсоюзіе*.

—См. сіе слово.

МОЛЕНІЕ, прошеніе, или умоленіе.

Deprecatio, obsecratio.—Въ Рижорикѣ фигура предложеній: естъ представленіе сильнаго хопѣнія съ уклонношю предъ шѣмъ лицемъ, къ которому оное ошносится, на пр. въ переведенной Восшоковымъ Канша-тѣ, *Цирцея* говоришь :

Виновникъ моего мученья!

Ахъ, возвратись въ спрану сію!

Не о любви шебя молю;

Приди хопя изъ сожалѣнья

Кончину ускоришь мою.

И у Державина въ одѣ на *Счастіе* :

Слеши ко мнѣ, мое драгое,

Серебряное, золошое,

Сокровище и божество!

Слеши, причши къ швоимъ любимцамъ.....

Искусство сей фигуры соспоишь въ шомъ, чшобы представлять предметы самыя удобнѣйшіе къ умилосшивленію или къ приведенію въ жалосшь.

МОЛОССЪ или *Триакрб*. Симъ именемъ называешся въ Греческой и Латинской поэзіи спопа, соспоющая изъ шрехъ долгихъ слоговъ; на примѣръ: cantabant, vir-

tutem, *σώτησθαι*; шель, спаль, паль. Знакъ ея: — — —.

Слово сіе произошло или отъ *Молосовѣ*, Епирскаго народа, или отъ того, что въ храмѣ Юпишера *Молосскаго* пѣшны были *илны*, въ коихъ сія спюпа наиболѣе употреблялась, или отъ спиховъ дѣланныхъ въ честь *Молоссу*, сыну Пирра и Андромахи. Иные производяшъ сіе названіе отъ того, что *Молоссы* отправляясь на сраженіе пѣли воинскую пѣснь, въ которой всѣ почти спихи составлены были изъ слоговъ долгихъ. Древніе называли еще спюпу сію *volumnius*, *extempipes*, *hippius* и *chanius*. (Denis. III. 475). — Спюпа, противоположная *Молоссу*; состоящая изъ трехъ крапкихъ слоговъ (о о о) называется *Тривражіей*. См. еіе слово.

МОНОЛОГЪ. Когда дѣйствующее лице бываетъ на сценѣ одно и говоритъ, то сія рѣчь называется *Монологомъ*. — См. *Драма*. — Отъ *μόνος* одинъ, и *λόγος* слово.

МОНОМЕТРЪ. Спихъ, заключающій одинъ метръ, п. е. одну какую либо мѣру или спюпу. Спихъ *одноимѣрный*. Отъ *μόνος* одинъ и *μετρον* мѣра.

МОНОРИФМЪ. Монорифмомъ, или по произношенію Французовъ *Моноримолѣ* (monorime) называется сочиненіе, написанное на одну рифму.—*Монорифмѣ* сочиняется по большей части для шутки и правила особеннаго не имѣетъ. Слово сіе происходитъ отъ слова *рифма* и отъ *μῦθος* одинъ.—Примѣромъ можешь слѣдующій, написанный на заданныя рифмы:

Р а з с у ж д е н і е

О жизни, смерти и любви.

Чѣмъ я начну шеперь? я вижу, что *баранѣ*
 Нейдешь шупъ ни къ чему, гдѣ рифма *барабанѣ*;
 Вы лучше дайте мнѣ зальць-вассеру *стаканѣ*
 Для подкрѣпленья силъ; вранье не *алкоранѣ*!
 Извѣсно вамъ, друзья, что галка не *фазанѣ*
 И что въ поэсахъ я козакъ, а не *Генманѣ*;
 Но васъ душой люблю и это не *обманѣ*.
 Разсмѣйшесь, я счастливъ. Послушайте! —
Арманѣ.

Былъ доброй человѣкъ. Что наша жизнь? *ро-*
манѣ!
 Онъ часто говорилъ. Что наша смерть! *пу-*
манѣ.

А лучше что всего? *бифспексъ и лабарданѣ.*

А еслижъ я умру, пусть шрупъ мой хищный
сранб,

Какъ хочешъ, шакъ и ѳшъ; смерть, грозный
великанб,

Уносишь все съ собой. И дубъ и *маяранб*,
 И червь и человѣкъ въ рукахъ ея—*воланб*,
 Поймаетъ въ мигъ она и спрячетъ въ свой
карманб;

Ошпуда неуйдешъ ни въ Лондонъ, ни въ *Ми-*
ланб.

Арманъ мой справедливъ; смерть люшый
звѣрь, кабанб,

Гиенна, Леопардъ; могила не *диванб*;

Когда подумаю, что лѣзшь мнѣ въ *телоданб*,
 Что шамъ исчезнешъ все, и голова и *станб*,
 Поморщусь и вздрогну. Я въ *Музулипатанб*
 Согласенъ хопъ сей часъ; пройду *Меридіанб*,
 Но пусть я буду живъ! пусть жизни караванб
 Въ дорогѣ будешъ вѣкъ. Французъ и *Мол-*
даванб

Твердяшь, что смерти пушь и шрудень и
пещанб;

А въ жизни мило все, крапива и *тюльпанб*.
 Живу, люблю, горю. Амуровъ мнѣ *капканб*
 Не спрашенъ никогда; уродливый *Вулканб*

И Марсъ и Аполлонъ, Добрыня и *Полжанъ*
 Амура чпили всѣ; сшамедъ и *тарлатанъ*,
 Прекрасно все на шой, кошорой онъ *колтанъ*
 И стрѣлы даль свои. Амуръ—*Левіафанъ!*
 Въ романахъ говоришь извѣспный *де Грессанъ*;
 Амуръ, богъ радосшей, гласишь намъ *Унцель-*
манъ. *)

Прекрасной вѣрю я. И Грекъ и *Музульманъ*
 Гоповы въ рощѣ бышь, Эропъ гдѣ *Капитанъ*;
 Захочешъ сильный богъ, красавецъ и *губанъ!*
 Пойду съ Темирой я въ огонь и въ *Океанъ.*

В. Пушкинъ.

Бывающъ еще *Монорифмы сложные*:
 въ нихъ сочешавающся двѣ рифмы. — Въ
 сочиненіяхъ Голенищева — Кушпузова нахо-
 димъ цѣлую Еписполу, написанную та-
 кимъ образомъ, что каждая спроста, соспоя
 изъ 16 спшиховъ, имѣешъ 8 одинакихъ
 рифмъ :

С т р о ф а 1.

Ты мнѣ велишь, любезный другъ!
 Чшобъ я къ тебѣ писалъ спсихами;
 Чишай же вздоръ, когда досугъ,

*) Акшриса въ Германіи.

Когда не заняшь пы дѣлами.
 Хоть спалъ я смысломъ очень пугъ,
 Чтобъ знался съ чиспыми сеспрами ;
 Онѣ въ число пріемлющъ слугъ
 Головки съ бѣглыми умами ;
 Какъ камень спалъ мой мозгъ упругъ
 Томясь надъ рифмами, спопами ;
 Ни неба сводъ, ни лѣсъ, ни лугъ,
 Не грѣющъ лиры со струнами ;
 Но развѣ дружесшво огнями
 Разширишь мой спѣсенный кругъ ;
 Обильна дружба чудесами !
 Она шворишь Пипша вдругъ.

С т р о ф а 3.

Прошло шо время дорогое,
 Какъ я въ цвѣшущей былъ веснѣ,
 Какъ, сидя въ сладосшномъ покоѣ
 Съ природою наединѣ,
 Смошря на поле золошое
 Терялся мыслей въ глубинѣ,
 Трава, иль деревцо какое,
 Казалось, все внушало мнѣ
 Сшихосложеніе просшое
 Въ чесшъ дружбѣ, славѣ, пишинѣ,

*

Хореи, ямбы въ сладкомъ спроѣ
 Являлись мнѣ и въ самомъ снѣ ;
 Но нынѣ ужъ совсѣмъ другое!
 Къ осенней ближусь я спранѣ,
 Прогнавъ мечшаніе слѣпое,
 Чшо льспило, вижу шо во снѣ.

С т р о ф а 4.

Приближась еѣка къ серединѣ,
 Какой-шо гласъ швердишь всегда :
 Мой другъ! о будущей судьбинѣ
 Размыслишь должно иногда ;
 На чшо, и по какой причинѣ
 Пришелъ пы спранспивовать сюда ?
 На шоль, чшобъ бышь въ великомъ чинѣ
 Безъ дарованій, безъ шруда ?
 Или бродишь въ лѣсу, въ долинѣ,
 Не знавъ чшо скука и бѣда ?
 Или при знашномъ господинѣ
 Терешься, ползашъ завсегда ?
 Сласпей валяшься въ гнусной шинѣ
 Себѣ и ближнимъ для вреда,
 И даже о своей кончинѣ
 Въ чаду не мыслишь никогда? и др.

Монорифмы, или однорифменные стихи, съ успѣхомъ употреблены бышь могутъ между другими и въ большихъ поэмахъ, сочиняемыхъ вольными стихами, и заключающихъ машерію веселую, либо шуточную. — Въ поэмѣ Богдановича *Душенька* нерѣдко встрѣчаются такіе стихи. На пр:

Но всѣ, при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новый страхъ :

Ужасныя пещеры,
И къ верху крупизны,
И въ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ дѣры ;

Инымъ являлись шамъ *Месеры*,
Инымъ лешучи *Дромадеры*,
Инымъ Драконы и *Церберы* ,

Кощоры ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мушили духъ . . . . .

Пѣснь 1.

Амуры, кои шупъ Царевну окружали,
И усшь улыбками и радостьми *огесѣ* ,
Ошвсюду шѣ слова согласно подшверждали.
Не въ долгомъ времени, Зефиръ ее *вознесѣ*

Къ незнаемому ей селенію небесѣ,
 Поставилъ средь двора, и вдругъ опшоль
изтезѣ.

Какая Душенькѣ явилась пѣма *тудесѣ!*
 Сквозь рощу миршовыхъ и пальмовыхъ *древесѣ*
 Великолѣпные представились чершогѣ.....

II. 2.

Венера здѣсь *тайкомѣ!*

Бѣжишь опъ всякой *чеспи!*

Венера за *столбомѣ!*

Венера подѣ *платкомѣ!*

Венера въ сарафанѣ!

Пришла сюда *пѣшкомѣ!*

Во храмъ вошла *тишкомѣ!*

Конечно съ *пастушкомѣ*.....

II. 3.

См. *Баллада и Буриме.*

МУЖЕСКІЙ. Мужеская рифма. — См. *Рифма.*

МѢЛКІЯ или *мѣлогныя* стихопворенія.
 —Симъ именемъ называющіяся разныя не-
 большія сочиненія въ стихахъ, какъ що:
 Пѣсенки, Эпиграмы, Мадригалы, Сонеты
 и пр.

МЪРА. То же самое что *Метрб.* — См. сіе слово.

МЫСЛЬ. Мысль есть предсавленіе чего либо въ умѣ; выраженіе есть предсавленіе мысли словами:

Мысли бывають различныхъ видовъ:

1. *Общія, обыкновенныя*—кошорыя свойственны всякому здравомыслящему человеку, кошорыя раждаются опъ самаго предмета безъ всякаго усилія, и служатъ, шакъ сказать, основною нитью всякаго прозаическаго или стихотворнаго сочиненія. Ихъ можно уподобить пѣмъ обыкновеннымъ и однообразнымъ мѣспамъ, кои не предсавляютъ путешественнику ничего достойнаго вниманія, и не производятъ въ немъ ни опвращенія, ни удовольствія.

2. *Рѣзкія или быстрыя*—изображающія предметъ въ немногихъ словахъ. Онѣ поражаютъ умъ слушающаго послѣшно, съ быспрошою, или шакимъ же образомъ уничтожаютъ предсавляемая прошивъ нихъ возраженія. Такова мысль въ опвѣстѣ Фингала на слова Спарна: шы въ обласняхъ моихъ—*Я здѣсь не въ первый разъ. Сія мысли называются иногда сильными.*

3. *Высокія*.—Сіи мысли имѣють одинаковое свойство съ вышепоказанными, по еспь, рѣзкими или быспрыми: онѣ шакже не перпяшь распроспраненія, а опличающся единспвенно важностію своего предмета, ибо по большей часпи изображаютъ всемогущество Божіе, доблести героевъ, поржесство добродѣтели и пр.—См. *Высокое*.

4. *Богатыя*—изображаютъ не шолько самый предметъ, но шакже образъ его сущеспвованія, и другіе предметы, имѣющіе съ нимъ какую либо связь. Опъ рѣзкихъ или быспрыхъ мыслей по имѣють опличіе, что не пребують въ выраженіи большой крашкоспи. Примѣромъ можетъ служишь стихъ Озерова въ Трагедіи *Едилъ въ Афинахъ*.

Есть громаы.... но въ сей часъ на небѣ шишина.

Здѣсь Аншигона описываетъ не одну еспеспвенную шишину, но и медленность, оказываемую въ шо время богами въ наказаніи несправедливыхъ враговъ опца ея.

5. *Смѣлыя*—копорыя, выходя изъ границь обыкновеннаго порядка вещей, поражаютъ своею чрезвычайностію. Такъ у

К. Долгорукаго сказано, что подь спаросшь нашу Природа

Перешептавшись съ небесами
Въ ашкеку выучишь ходишь.

Впрочемъ сіи мысли шребують опть сочи-нишеля величайшей оспорожности: невѣрное уподобленіе, преувеличенная Ипербола, и другія подобныя погрѣшности, весьма легко могушь сдѣлать ихъ *слабыми*, или, лучше сказашь, доспойными осмѣянія.

6. *Острыя*.—Такъ называющся шѣ мысли, копорыхъ изъ предшеспвовавшихъ предложеній никакъ не можно было ожидашь: сія нечаянность соспавляетъ главнѣйшее ихъ свойсшво. Острымъ мыслямъ весьма много способсшвуетъ *увѣдленіе*, копорое, возраждая въ чшпашелѣ неперѣніе, дѣлаетъ чрезъ шо самую мысль разишельнѣе.—Мысли сіи могушь бышь и *нѣжными*, и *пріятными*, и *язвительными*. Примѣры можно видѣшь въ Мадригалахъ, Епиграммахъ и другихъ мѣлкихъ сшихошвореніяхъ.

7, *Новыя* — копорыя предспавляютъ или совершенно неизвѣспныя понятія, или уже извѣспныя, но въ новомъ видѣ, въ новыхъ оборобахъ. Примѣры шакихъ

мыслей предославляемъ находить самимъ чашапельямъ, убѣждая ихъ при помъ не забывать, что и мысли и обороты *новые*, по естественному порядку вещей, также дѣлающа *старыми*.

8. *Простыя*, или опъ просподушія происходящія.—Сии пребующъ опъ сочинителя величайшаго искусства, наиболѣе пошому, что онъ обязанъ сокрыть въ нихъ искусство. Съ какимъ просподушіемъ признаешь у Крылова *любопытный*, что онъ, разсмапривая въ Кунсткамерѣ и букашекъ и козявокъ, *не замѣтилъ слона!*—Басни Хемницера также изобилующъ сими мыслями.

9. *Шуточные*—иногда предсавляющъ самые величественные предметы въ выраженіяхъ обыкновенныхъ и даже просподнародныхъ:

Юнона только лишь узнала,
 Что съль на корабли Еней,
 Какъ бѣшенная заплясала.....

Иногда упопреляется въ нихъ сравненіе, или уподобленіе вещей, не имѣющихъ, по видимому, никакого между собою соотношенія:

Раздувшись мѣсяць, какъ волынка,
Свѣшилъ намъ выпуча глаза. . . . .

Осиповъ.

Иногда дѣлаешъ ихъ шаковыми несо-
образность съ правдоподобіемъ:

Уснуль—и мнѣ земля предспавилась споломъ,
Всѣ горы сдѣлались кувшинами съ виномъ,
И небо въ окорокъ Вестфальской преврапи-
лось. . . . .

И даже слишкомъ замѣльная почность или
исшина :

Моя опчизна въ шой спранѣ ,
Въ кошорой я на свѣшъ родился ;
Когдабъ опецъ мой не женился ,
Не бышь бы, говоряшъ, и мнѣ. . . . .

Лишь шолько я опспалъ опъ мамы,
Въ любви успѣхи я нашель :
За мной всегда ходили дамы,
Когда я передъ ними шель. . . . . и пр.

Не смопря на сіи различные виды,
каждая мысль пребуешъ еспеспивѣнности
и правдоподобія. Сочинишель наиболѣ обя-
занъ удерживашъ сіи качесшва при уно-

пребленіи Метафоръ, Иперболъ, сравненій —и никогда не уклоняшься ошъ правила, предписывающего соразмѣрять свойства Физическія съ нравственными: однѣ только *шутогныя* мысли могутъ бытъ изключены изъ сего правила, однакожь и сіи чѣмъ болѣе заключають въ себѣ естественности и правдоподобія, тѣмъ болѣе нравяшся.

Н.

НАДГРОБИЕ, надгробная надпись.—См. *Эпитафія*.

НАДПИСЬ. Надпись есть краткое чего либо замѣчательнаго описаніе, какъ по вещи, дѣянія, особы; иногда же заключаешся въ ней одно только выраженіе чувствій сочинителя.

Надлежитъ наблюдать, чтобы въ *надписи* помѣщены были такія описуемаго предмета принадлежности, коими онъ наиболѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, и коими отличаетъ ошъ всѣхъ прочихъ предметовъ.

Надписью сіе сочиненіе называешся пошому, чшо оно дѣйспвишельно бываешъ, *надписано* на своемъ предметѣ, или на изображеніи онаго, или покрайней мѣрѣ пишешся въ шакомъ видѣ, какой бы имѣло оно, если бы надписано было на предметѣ.

Испочниками для изобрѣшенія *надписи* бываюшъ свойспва и дѣйсвія вещи или особы.—Ясноспъ, крапкоспъ и многозначительность супъ главнѣйшія доспоинспва *надписи*.

Какъ *надпись* дѣлаешся съ шѣмъ предположеніемъ, чшо всякой будешъ чашашъ ее *мимоходомъ*, шо по сему и должно бышъ ей крапкою и ясною. Бываюшъ *надписи* въ двухъ или прехъ словахъ соспоющія, но заключающія въ себѣ смыслъ обширный — какова на примѣрѣ слѣдующая на монументѣ:

ПЕТРУ I. ЕКАТЕРИНА II.

Чшо касаешся до правдоподобія, шо сочинишель до невѣрояпности возвысившій или унизившій свой предметъ, лишаешся у чашапеля довѣрія, и слѣдспвенно не производишъ въ немъ желаемаго своею *надписью* дѣйсвія.

Надпись пребуешъ также еспспвенности слога, ибо она должна казашся не-

произведеніемъ размышленія и пруда, но внезапнымъ изліяніемъ рожденныхъ въ сочинитель чувствованій. Впрочемъ, въ такомъ крашкѣ сочиненіи никакая вообще погрѣшность не проспишельна.

Слѣдующія надписи могутъ служишь образцами :

Къ портрету ПЕТРА Великаго.

Россія шьмой была покрыша много лѣшь ;
 Богъ рекъ : да будешь ПЕТРЪ ! и бышь въ
 Россіи свѣшь.
Херасковъ.

— *Суворова.*

Се Россъ, Авгарянь бичъ, Сармашовъ покори-
 шель ,
 Защишникъ Австріи, Ишаліи спасишель.
Дмитріевъ.

— *ЕКАТЕРИНЫ Второй.*

Вселенну слава пролешая
 Велишь рѣшишь вопросъ вѣкамъ :
 По имени она *Вторая*
 Но кто же *первый* по дѣламъ ?
Державинъ.

— *Кн. Я. Ѳ. Долгорукаго.*

Коварство, хищра лещь его спрашились взора;
Любя опечество, онъ правду богомъ чпиль;
Безспрашно какъ герой въ совѣнахъ говорилъ;
Царю былъ вѣрный другъ, народу былъ подпора.

N. N.

— *Феофана Прокоповича *)*.

Россійской церкви сполтъ, совѣпа мудрый
мужъ,

Философъ, Богословъ, Испорикъ, Пасшырь
душъ;

Вишійствомъ словъ его до днесъ Россія блещетъ:

ПЕТРОВЫМЪ похваламъ вселенна совосплещетъ.

Державинъ.

— *М. М. Хераскова.*

Пускай опъ зависпи сердца въ Зоилахъ ноюшь;
Хераскову они вреда не принесушь :

Владимірь, Иоаннь, щипомъ его покроюшь,

И въ храмъ безсмертья проведушь.

Дмитріевъ.

---

*) См. ему же надпись въ сш. *Комедіа*, въ примѣчаніи.

— Г. Р. Державина.

Державинъ въ сихъ чершахъ блискаетъ!
 Пошребно ли здѣсь больше словъ
 Для шѣхъ, кошорыхъ восхищаетъ
 Чеснь, правда и языкъ боговъ?

Дмитріевъ.

— Къ монументу ПЕТРА I.

Колосъ Родосскій, днесъ смири свой гордый
 видъ!

И Нильски зданія высокихъ пирамидъ
 Прешанше болѣ счишашься чудесами!
 Вы смертныхъ бранными содѣланы руками.
 Нерукошворная здѣсь Росская гора,
 Внявъ гласу Божію изъ устъ ЕКАТЕРИНЫ,
 Прешла во градъ Пешровъ чрезъ Невскія пу-
 чины

И пала подъ снопы Великаго ПЕТРА.

Рубанъ.

Однакожь не одно удивленіе или ува-
 женіе къ знаменитымъ подвигамъ и ли-
 цамъ должно бысть испочникомъ надписи:
 дружба и любовь шакже бывають причи-
 ною сихъ произведеній. — У Дмитріева
 находящяся сему примѣры:

1.

Чшо мнѣ объ ней сказаць?
 Къ другимъ и я бывало
 Легко могъ надписи писаць;
 Но милую хвалишь, какъ ни хвали, все мало.

2.

Вошь милый всѣмъ шворецъ! иль сердцемъ,
 иль умомъ
 Грозить тебѣ онъ плѣномъ:
 Въ Аркадіибъ онъ былъ счастливымъ паспуш-
 комъ,
 Въ Афинахъ Демосфеномъ.

Надписи Карамзина къ спашуѣ Купи-
 дона опличаюцца пріяпносцію и оспро-
 шою. Вошь нѣкопорыя изъ нихъ:

На голову.

Гдѣ шрудилца голова,
 Тамъ шруда для сердца мало,
 Тамъ любви и не бывало,
 Тамъ любовь однѣ слова.

На глазную повязку.

Любовь слѣпа для свѣща
 И кромѣ своего

Безцѣннаго предмеша
Не видишь ничего.

На сердце.

Любовь Анапомисшъ: гдѣ сердце у шебя,
Узнаешь полюбя.

На палецѣ, которыймѣ грозитѣ Купидонѣ.

Награда скромности гопова:
Будь счастливь—но ни слова!

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
дерзка.

На крыло.

Амуръ лешаетъ для шого,
Чшобъ милую найши для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ—
Уже ему въ нихъ нужды нѣшъ—
Лешашъ позабываетъ
И съ милою живешъ.

На стрѣлу, которюю Амурѣ беретѣ въ руку

Спрашишесь: проспрѣлю!
Но вы опъ раны не умрете;

Лишь только взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю.

На ногу.

Когда любовь безъ ногъ? какъ надобно идиши
Опъ друга милаго, сказавъ ему: проспши!

На спинцу.

Спою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

Сюда же принадлежишь и сія, написанная
Дмишріевымъ къ Амуру:

Кшобъ ни былъ пы, пади предъ нимъ!
Былъ, ешь, иль долженъ бышь владыкой онъ
швоимъ.

Иногда надписи пишущся для шушки
или въ насмѣшку и въ пакомъ случаѣ при-
нимающъ видъ наспоющей Епиграмы. Та-
ковы слѣдующія Дмишріева:

1.

Глядише: вопъ Ефремъ! домовый нашъ маляръ.
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисъ его всегда надъ смершными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

*

2.

И эшо человекъ?
О времена! о вѣкъ!

3.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажепся, лишь скажешъ слово:
Законы, шронъ, все пасшь гошово—
Не бойшесь! онъ на дождь сердипшь.

И сія:

*Кѣ изображенію добродѣтельной Римлянки,
питающей въ темницѣ старца собствен-
ными своимъ молокомъ.*

Какъ глупы въ спарину бывали передъ нами!
У насъ и машери дѣшей не кормяшь сами.

А. Измайловъ.

Кѣ портрету добраго поэта.

Онъ учасшь горькую несчастныхъ облегчалъ:
Прочша его стихи, спрадалецъ засыпалъ.

Ивановъ.

Древніе художники сочиняли надписи
къ своимъ произведеніямъ, иногда не очень
скромныя. Вотъ двѣ, находящіяся въ Афи-

неѣ (кн. XII. стр. 548), написанныя на Греческомъ языкѣ спихами :

1., Паразій писалъ сію каршину. Онъ любилъ веселость и добродѣпель. Опечесивомъ его былъ Ефесь, опцемъ Евеноръ. Испинный сынъ Греціи, всѣхъ превосходилъ онъ въ своемъ искусствѣ.,

2., Не всѣ повѣряютъ мнѣ, однакожь я не боюсь говоришь. Хвала кисти моей! искусство доведено до послѣдней степени совершенства. Никто не перейдетъ чрезъ попь рубежь, на копоромъ я оспановилъ. Ахъ! когда произведеіе рукъ человеческихъ бывало превыше всякой крипки!.,

Надобно при семъ замѣшшь, что Греки и Римляне во многихъ случаяхъ совсѣмъ не заботились о ясности *надписей*—особенно послѣдніе. Упопреляемые ими сокращенія шребуютъ великихъ усилій для уразумѣнія смысла *надписи*. Сія сокращенія сосполяли или въ вѣнзеляхъ, чрезъ превращеніе многихъ буквъ въ одну фигуру, или въ процяженіи гласной на концѣ, дабы одною черпою означить двѣ разныя гласныя, или наконецъ въ опущеніи нѣсколькихъ буквъ въ срединѣ слова. Такъ какъ Римскія надписи вспрѣчаются чаще, нежели Греческія, то не бесполезно ка-

жешся привеспи здѣсь нѣсколько паковыхъ для примѣра съ показаніемъ значенія.—А. AN. Aulus, Annus. Aedilis.—В. D. D. bonis Deabus. — С. V. P. V. D. D. communi voluntate Publice votum dedicarunt.—Н. S. E. Hic situs est. — О. H. S. S. Ossa hic sita sunt. и проч. См. Ручн. кн. Кошанскаго.

Прим. у древнихъ всѣ роды надписей, кромѣ надгробныхъ, называемыхъ Епишафіями, заключались подъ однимъ наименованіемъ *Епиграмб.*—См. *Епиграма*, *Епитафія*.

НАКЛОНЕНІЕ, Polyptoton, Traductio. Въ Ришорикѣ фигура реченій; состоиптъ въ томъ, когда одно слово въ разныхъ временахъ или падежахъ нѣсколько разъ повторається. На пр. *люблю* правду всею сердцемъ, какъ всегда *любилъ* и *любить* буду до смерти; или: не навизу *его*, гнушаюся *имъ*, онъ взору моему несносенъ, *ему* предъ лицомъ моимъ бытъ недостоино.

НАПРЯЖЕНІЕ. Incrementum. Въ Ришорикѣ фигура предложеній; состоиптъ въ томъ, когда нѣсколько важныхъ мыслей принадлежащихъ къ машеріи, въ одномъ періодѣ помѣщающся. На пр: республику,

Римляне, и жизнь вашу, движимое и недвижимое имѣніе, жень и дѣшей вашихъ, и сію преславную Имперію столицу, преблагополучный градъ и прекрасный, безсмертныхъ боговъ высочайшею къ вамъ любовію, прудами, совѣсами и бѣдами моими изъ пламени и оружія и почпи изъ самыхъ челюстей конечныхъ пагубы нынѣ изхищенный и вамъ сохраненный и возвращенный видише.—Изъ 3. Циц. сл. прошивъ Капилины.—Или:

Въ сей день блаженная Россія,
 Любезна небесамъ спрана,
 Въ сей день опъ высопы свяшья
 ЕЛИСАВЕТЪ шебѣ дана,
 Воздвигнуши ПЕТРА по смерти,
 Гордыню сопосташовъ сперши
 И въ ужась оныхъ привеспи,
 Опъ грозныхъ бѣдъ шебя избавишь,
 Судьей надъ царспвами поставишь
 И выше облакъ вознеспи.

Ломоносовъ.

НАТУРА, или Природа *изящная*.—Изящная натура естъ натура украшенная, усовершенствованная искусствомъ.

Люди, наскучивъ единообразностію предметовъ, видимыхъ ими въ натурѣ простой, прибѣгли къ изобрѣтенію, къ творчеству, дабы чрезъ то доспавили себѣ новыя понятія и новыя ощущенія, могущія способствовать къ возвышенію ума или къ услажденію вкуса. Для сего спали они выбиратьъ лучшія частни натуры и спсавляли цѣлое по собственному своему желанію—цѣлое, совершеннѣйшее нежели сама натура, но при томъ не спсавляющее бытъ натуральнымъ. Вопъ основаніе искусствъ, называемыхъ *изящными*! вопъ цѣль, копорую знаменитые во всѣхъ вѣкахъ художники себѣ предполагали! избравъ какой либо предметъ, они спсавляли его во всемъ возможномъ совершенствѣ; они подражали натурѣ не въ дѣйствительномъ ея видѣ, но въ шакомъ, въ какомъ бытъ она можетъ, по еспъ какою можно ее спсавили себѣ въ воображеніи.—См. спсавлю *Поэзія*.

Въ опношеніи къ искусствамъ можно раздѣлить *натуру* на двѣ частни: одною наслаждающаюся спсавомъ глазъ, другою спсавомъ слуха; прочія чувства наши не могутъ плѣняться изящными искусствами. Къ первой частни опносятся живо-

пись, ваяніе, и шѣлодвиженіе, сосставляющее опрасль двухъ преждеозначенныхъ искусствъ, и опшличающеея опъ нихъ одною *живостію*, ибо какъ полно живописца, шакъ и мраморъ ваятеля, изобразивъ одно избранное мгновеніе, остаюліся навсегда неизмѣнными, но шѣлодвиженія, видимыя нами въ характерныхъ пляскахъ, въ балешахъ, бываюшъ шакъ сказашь одушевлены и могушъ принимашъ разные виды.

Ко второю часпи принадлежатъ *музыка*, соединенное съ нею *пѣніе*, и наконецъ *поэзія*, упошребляющая слова, расположенныя по извѣстному размѣру.—

Можно опшвердительно сказашь, что подражаніе *изящной* природѣ воспріяло начало свое въ Греціи. Всѣ прежнія произведенія искусствъ у прочихъ народовъ заслуживаюшъ вниманіе единшвенно или по чрезмѣрной величинѣ, или по шрудности, какой пребовали онѣ для совершенія: разборчивой вкусу не находилъ въ нихъ ни малѣйшей пріяшности. Эшо были произведенія Типановъ. Греки первые почувствовали, что гораздо лучше плѣншатъ нежели удивляшъ: опъ шого во всѣхъ родахъ изящныхъ искусствъ они оставили намъ образцы превосходнѣйшіе.

Римъ сдѣлался ученикомъ Греціи. Удивленный чудесными ея произведеніями, захопѣлъ подражать ей — и сіе подражаніе неменѣе прославило его, какъ и успѣхи оружія.

Послѣдующія происшествія извѣстны. Варвары опустошили Европу, искусства исчезли, и не были видны въ ней до того времени, какъ по изгнаніи изъ Конспанпинополя возвратились опянь въ Италію. Тогда одушевились кости Горація, Виргилія, Цицерона; тогда увидѣли древность со всѣми прелестями юности. Новые художники спали подражать древнимъ, общее одобреніе произвело соревнованіе, а сіе умножило таланты: изящныя искусства снова показались во всемъ своемъ блескѣ . . . . и повсюду распроспранились.

НАТУРАЛЬНЫЙ. Естественный, сходный съ натурою (съ природою, естествомъ).—*Натуральныиѣ* въ словесности называется все то, гдѣ не видно нималѣйшей принужденности ни въ расположеніи сочиненія, ни въ описаніи характеровъ, ни въ выборѣ словъ,—гдѣ не выказываешся искусство, или излишнее желанье нравиться. — *Magna ars est non apparere artem.*

Великое искусство соспоишь въ сокрытии искусства.

НЕНІА. См. *Епикедіонъ*.

ПРАВСТВЕННОСТЬ, или нравоученіе. — Всякое сочиненіе и въ прозѣ и въ стихахъ, должно имѣть цѣлю или удовольствіе, или пользу для ума, или наконецъ нравоученіе, то есть, пользу для сердца; особливо въ швореніяхъ важныхъ послѣднее должно быть соблюдаемо непремѣнно. Иногда нравоученіе представляется прямо, иногда же сочинитель заспавляетъ самихъ читателей извлекавъ оное, какъ на примѣръ въ басняхъ и въ другихъ сочиненіяхъ Аллегорическихъ, но дѣйствіе нравоученія и въ семъ случаѣ бываетъ не менѣе.

Державинъ въ своемъ *Разсужденіи о Лирической поэзіи* такъ говоритъ о нравоученіи :

„По той ли причинѣ, что поэзія языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодапелы, какъ то, Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридь, Зороаспръ, Брамго, Солонъ, Оденъ,

наконецъ Магомешъ и многіе другіе были поэмы, и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и по нынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣщаютъ они въ Словесности всякаго рода проповѣдовавъ благочестіе, или науку нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною Лирическую поэзію, вразсужденіи ея краткости и союза съ музыкою; чѣмъ удобнѣе она зашверживается въ памяти, и забавляя, такъ сказавъ, просвѣщаетъ царства. Кипайцы и нѣкоторыя другіе народы начинаютъ шѣмъ воспеваніе дѣшей, что заспаваютъ ихъ зашверживавъ наизустъ стихотворныя опривки, или краткія наставительныя пѣсни. Индейцы, Браминской секлы, до того довели сіе упопребленіе, что знашнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ папѣвають набожныя или нравоучительныя стихи, увѣряя, что яко бы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, наполются благочестіемъ посредствомъ душъ маперинскихъ. Подлинно ли это такъ, не ушверждаю; но вижу и въ *Сколіяхъ* древнихъ Грековъ, что и при

самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ притрещвахъ насшавленія изъ виду выпускаемы не были. Первобышныя славныя Лирики, до насъ дошедшіе, по свидѣпельствуюшъ. Дикіе даже, бѣдность и угнѣшеніе перпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладашелямъ разишельныя, но полезныя испины. Ихъ иногда гнали, пошому ли, что правды міръ не шерпишъ, или что непріятель пророкъ въ опечешствѣ. Едуардъ I. Король Англійскій даже испреблялъ ихъ! но напрошивъ шого, добрые Государи, Опцы опечешства, любившіе доблестъ и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинство къ мужеспвеннымъ подвигамъ, и къ презрѣнію смерти. Словомъ: древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ изшупленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ опечешству и вѣрности своему Государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни мешался онъ между ужасами и опасностями, проповѣдуя добродѣтель. Полуденный Бардъ былъ шже; Псалпирь наполнена благочестіемъ.

Самыи первый Псаломъ не иное что, какъ нравоученіе. Пророкъ вдохновенный (vates) или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ Герольдъ неба, органъ испины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходящъ, но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываешь и пребудешь во вѣки! по сему-то думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація; что въ первомъ блещуть искры богопочпенія и наставленія Царямъ; а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Вразсужденіи чего, нравоученіе крашко, ксшапи и хорошо сказанное, не только не поршишь высокихъ Лирическихъ пѣсней, но даже ихъ украшаешь. Вотъ примѣры:

Изъ Пиндара.

Такъ милостью боговъ единыхъ
 И въ добродѣтеляхъ своихъ
 Всѣ процвѣшаютъ человѣки!
 Блаженство лишь они дождашь:
 Черезъ нихъ премудрые-премудрость.
 Краснорѣчивы—сладость успѣ,
 Могущіе—ихъ силу спяжущъ!
 И всѣ дары шекушь опъ нихъ.

Межь шѣмь раждашь пріятнѣй зависть,
 Чѣмь сожалѣнье намъ.—И пы
 Не преспавай иди въ слѣдъ славы,
 Рулемъ довѣрья правь народъ ;
 Судъ искушай въ горнилѣ правды,
 Малѣйшу искру опъ Царя
 Свѣшъ за большой пожаръ считаешь :
 Тьмы вокругъ свидѣшелей шебя.
 Ревнуешь ли попомсшва къ чесши ?
 Будь швердымъ въ подвигахъ благихъ,
 И щедрымъ бышь не опрекайся ;
 Но паче вѣшромъ парусъ швой
 Вдувай подобно мореходцамъ :
 Лишь никогда, любезный мой,
 Не обольщайся царедворцевъ
 Лукавой сладоспью словесъ—.,

Изъ Ломоносова.

Услышьше, судіи земные
 И всѣ державныя главы :
 Законы нарушашъ свяшые
 Опъ буйности блюдишесь вы ;
 И подданныхъ не презирайше,
 Но ихъ пороки испребляйше
 Ученьемъ, милоспью, шрудомъ.

Вмѣспише съ правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу,
 То Богъ благословишь вашъ домъ.

или

О коль Монархъ благополучень,
 Кпо знаешь Россами владѣшь!
 Онъ будешь въ свѣпѣ славой звучень
 И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣшь.

Изъ Хераскова.

О смерпные! не испребляйте
 Своей надежды на Творца;
 И гордостью не оправляйте
 Во благоденшвіи сердца.
 Хоша земные сущъ владыки
 Предъ смерпными у насъ велики;
 Но Богъ и надъ Царями Царь!
 Какъ хочешь, всѣми управляешь,
 Прешолы рушишь, восспавляешь,
 Однимъ всю движешь перспомъ шварь.

Изъ Петрова.

Ты общесшву своимъ примѣромъ показалъ,
 Чшо истинный герой безъ зависши родишся
 И качесшвомъ своимъ во другѣ веселишся.—,

Разсмапривая сіе разсужденіе знаменишаго Державина, ничего, кажешся, не оспаешся прибавишь къ оному, кромѣ собственннхъ его нравоучительныхъ мыслей, разсѣянныхъ повсюду въ безсмертныхъ его пвореніяхъ—и по сему предлагающся здѣсь нѣкопорыя:

Пусть полько умъ ЕКАТЕРИНЫ,
 Какъ Архимедъ, создасть машины,
 А Россъ вселенной потрясешъ. —
 Чего не можешъ родъ сей славный,
 Любя Царей своихъ, свершишь?
 Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
 Его безцѣнну кровь щадить.
 Умѣйте дасть ему вы льготу,
 Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
 И правойой сердца плѣнитъ.
 Вы можеше его рукою
 Всегда войной и не войною
 Весь міръ себя заспавишь чпшитъ.

.....

Премудрость царства управляетъ;
 Крѣпитъ ихъ: вѣра, правый судъ;
 Ихъ прудъ и миръ обогащаетъ,
 Любовію они цвѣтуютъ.

На взят. Измаила.

. . . . . Почто пишашь уславы
 Колю ихъ въ Диванахъ не храняшь ?
 Развратныя вельможей нравы
 Народа цѣлаго развращь.
 Вашъ долгъ Монарху, Богу, царству
 Служишь и кляшвой не играешь ;
 Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
 Пуши повсюду пресѣкаешь ;
 Приспращенный судъ разбоя злѣя—
 Судьи враги, гдѣ спишь законъ—
 Предъ ними гражданина шея
 Протянуша безъ оборонъ.

Изобр. Фелицы.

О пы, который власью, саномъ
 Себя желаешь опличить,
 И изъ Пигмея великаномъ
 Безсмертно въ лѣшописяхъ живишь !
 Хотя дѣла швои днесь громки :
 Но если поздныя попомки
 Пушей въ нихъ правыхъ не найдушь,
 Не будешь помѣщенъ пы въ боги ;—
 Несправедливыя дороги
 Въ храмъ вѣчной славы не введуть.

На коварство.

На шронѣ Филарешъ, въ шемницѣ,
 Какъ праведникъ, всегда почтенъ ;
 Въ пыли Ошрепьевъ, въ багрянницѣ,
 Какъ извергъ завсегда презрѣнъ.
 Не шронъ, не подвиги чьи громки
 Чшупъ безприсраспные попомки —
 Лишь добродѣтель: ей священный
 Повѣренъ ключъ весъ чести въ храмъ.

На паних. Людовика.

Злодѣй, кошорый самолюбою
 И пайной гордоспи своей
 Всѣмъ жершвуешь; его оружью
 Преграды нѣшь, ачбѣ цѣпей ;
 Внутри совѣспью своей размучень ,
 Внѣ съ радосью губишь другихъ ;
 Пусъ дерзоспью, удачей звучень ,
 Но не великъ въ глазахъ моихъ.
 Хопя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
 Бышь не хочу ему подобнымъ.

Мой истуканъ.

О.

ОАРИСТЪ. Терминъ Греческой поэзіи, означающій разговоръ мужа съ женою, каковъ на примѣръ въ шестой книгѣ Иліады, Гектора съ Андромахою.

Скалигеръ замѣчаетъ, что *Оаристъ* (*oaristus*) не есть особенная поэма, или особенное сочиненіе, но часть поэмы—и присовокупляетъ, что означенное въ Иліадѣ мѣсто есть единственнѣйшій *оаристъ* въ древнихъ Греческихъ поэмахъ.

ОБРАЩЕНІЕ, апоспрофъ, *conversio*, *ἀποστροφή*. Въ Риторикѣ, фигура предложений; состоитъ въ томъ, когда сочинитель вдругъ прерываетъ свою рѣчь, и обращаетъ ее къ какому либо подлинному или вымышленному, къ присутствующему или отсутствующему, къ живому или мертвому лицу, или къ вещи неодушевленной.

Сею фигурою, говоритъ Ломоносовъ, можно совѣщивать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, упрекать, желать, прощаться, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прошенія просить, оплакивать, жаловаться, просить,

сказывашь, шолковашь, поздравляшь и пр.
на пр:

Вельможу должны соспавляшь
Умъ здравый, сердце просвѣщенно ;
Собой примѣръ онъ долженъ дашь ,
Чшо званіе его священно ;
Чшо онъ орудье власши ешь ,
Всѣхъ царспвенныхъ подпора зданій ,
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній ,
Должны бышь—польза, слава, чесшь.

А ты, впорый Сарданапаль !

Къ чему спремишь всѣхъ мыслей бѣги? и пр.

Державинъ.

. . . . . Какъ въ полѣ бился съ сопоспашомъ,
Какъ во спѣнахъ его караль,
Какъ кончилъ жизнь—шупъ бѣлымъ плашомъ
Текущи слезы опираль.

Слеза безцѣнная, священна !

Изъ сердца чиспа извлеченна !

О Витій! чшо твоя хвала ?

Не сею ль жершвою одною

Воздашь, *Россія*, днесь герою

Копорымъ славима была ?

Дмитріевъ. Смершь Пошемкина.

Фигуру сію не должно упопрелять весьма часпо, попому что слушашелю или чишашелю не могло бы понрависься, когда бы очежъ часпо шеряли его изъ виду, и какъ будшо бы забывали его обращаясь къ другимъ предметамъ.

Обращеніемъ или *призываніемъ* называется еще па часпъ поэмы, гдѣ авпоръ призываетъ Божество или какое нибудь другое лице, и проситъ вспомошествованія или наспавленія. — См. *Эпическій*.

Обращеніе или *посылка* бываетъ также въ Балладѣ. — См. *Баллада*.

ОДА. Слово Греческое: *ωδὴ* значить *пѣснь* или *пѣніе*.

Сама природа вселила въ челоѵка склонность къ пѣнію — вопиъ происхожденіе оды, или пѣсни Лирической. — См. *Лирический*.

Человѣкъ поешъ или въ воспоргѣ, происходящемъ опъ удивленія, или опъ чрезмѣрной радости, или въ сладоспномъ упоеніи любви; иногда и при психихъ какихъ либо чувспвованіяхъ; наконецъ онъ поешъ въ скукѣ, въ гореспяхъ, и хопя кажешся, что въ такомъ положеніи болѣе должно имѣшь опвращенія опъ пѣнія, нежели

къ оному наклонности; но это составляешь для него облегчение, даруемое природою. — Мудрость и самая добродѣтель (см. нравственность) также не презирали пособія лиры: онѣ подвергали поученія свои правиламъ спошь и размѣровъ, и пользовались искусствомъ пѣнія или для лучшаго впечатлѣнія своихъ наставленій въ душахъ нашихъ, или для укрощенія снротоспи оныхъ чрезъ сладкогласіе звуковъ. Таково качество и шаковы границы *оды*.

Изъ всего сказаннаго видно, что *ода* требуетъ способности чувствовашь; и ежели піишь не чувствуешь того, что выражаешь желаетъ, то пѣснь его, или *ода*, будетъ холодна, безъ души.

Ода есть, безъ всякаго прошиворчія, одно изъ лучшихъ, изящнѣйшихъ произведеній поэзіи, хотя не заключаетъ въ себѣ большой обширности. Весьма немногія спихотворенія пребують шакого высокаго дарованія; ибо *ода* тогда только можетъ быть хороша, когда въ ней соединены бывають избранныя выраженія съ величественностію мыслей, пламенное воображеніе съ основательнымъ разсудкомъ, красота и разнообразность предметовъ

съ искусствомъ въ изображеніи, и даже наконецъ правильность стиховъ съ плавно-спію и пріятностію звуковъ.

Въ одной только *одѣ* совершенно исполняетъ *поэтѣ* свое званіе, а въ другихъ поэмахъ онъ обязанъ скрывать лице свое, чего самое искусство отъ него потребуешь. Въ Апологѣ, на примѣръ, говорятъ живошныя, такъ какъ бы говорили они, если бы одарены были пониманіемъ и словомъ. Въ Паспоральной поэзии паспухи разсуждаютъ между собою о любовныхъ приключеніяхъ или о какихъ либо дѣлахъ сельскихъ. Въ Саширахъ и Посланіяхъ нравоучительныхъ виденъ важный или шупливый философъ, возстающій противъ пороковъ и спранныхъ. Въ Елегіи описываетъ скорбь свою и жалуется на жестокость судьбы челоука огорченный. Въ поэмѣ драматической дѣйствуютъ и говорятъ Граждане, Герои, Монархи—и поэтъ нигдѣ не показывается. Въ одной только *одѣ* мы видимъ его самаго, видимъ челоука, вдохновеннаго музами, и говорящаго языкомъ величественнымъ, божественнымъ. Хотя въ Епопее также предполагаютъ поэта вдохновеннымъ, но имя его вдохновеніе, такъ сказать, ограждено спо-

койспвіемъ : Муза разсказываетъ , а онъ пишетъ , вмѣсто того , что въ *одѣ* онъ исполняется воспоргомъ и даже духомъ пророческимъ ; кажется , сами Музы , или Богъ , внушающій ему пѣснопѣніе , говорятъ его ушами.—По сему-то для успѣха въ описываемомъ здѣсь родѣ поэзіи ему необходимо нужно имѣть всѣ пѣ рѣдкія и драгоцѣнныя качества , копорые , по словамъ Горація (sat. IV.—L. 1.) сославляютъ истиннаго поэта: умъ пворческой , дарованія почти Божественныя , выраженія всегда благородныя и высокія .

Въ спашѣ , объясняющей слово *Лирический* , также можно видѣть свойство *оды* ; здѣсь скажемъ только о раздѣленіи и формѣ сей поэзіи , объ украшеніяхъ , какихъ она пребуетъ , и объяснимъ принятыя правила лучшими примѣрами .

Оды , по мнѣнію большей части писателей , раздѣляются 1) на *Пиндарическія* или *торжественныя* , 2) на *философическія* или *нравоучительныя* , и 3) на *Анакреонтическія* или *страстныя* , къ копорымъ принадлежатъ и пѣсни.—(Что касается до *одѣ* , называемыхъ иногда *духовными* , то онныя можно отнести къ *имналь* , свойство ко-

порыхъ объяснено въ спашьѣ подь симъ именемъ).

Первыя получили названіе опть Пиндара, Греческаго спихопворца, кошорый, безъ сомнѣнія, вѣчно будеть служить образцемъ для сего рода сочиненій. Въ такихъ *одахъ* воспѣваются знаменитыя происшествія и славныя подвиги: возвышенность предметовъ и мыслей, восторгъ піиша и всѣ красоты Лирической поэзіи составляютъ главнѣйшее свойство сихъ одъ.

Пиндаръ, упражнявшійся наиболѣе въ сочиненіи шаковыхъ *одъ*, былъ родомъ Фивянинъ (см. Лирической) и современникъ Эсхила, Анакреона и Еврипида. Когда Александръ раззорялъ Фивы, шо приказалъ пощадить домъ, въ кошоромъ жилъ сей пѣснопѣвецъ. Изъ всѣхъ произведеній сего поэта дошла до насъ одна только книга *одъ*, коими воспѣвалъ онъ побѣдипелей на всенародныхъ Греческихъ играхъ.—Гравина шакъ описываетъ Пиндара вразсужденіи его швореній: Пиндаръ смѣло предаеть корабль свой разъяренному морю; онъ выпускаеть всѣ паруса, презираеть бурю и ушесы. Волны поднимаюцца и уже гошovy поглопишь его; уже онъ изчезъ опть

взоровъ зришеля, но вдругъ испоргаешя изъ бездны и счасливо доспигаешъ приспани.

Философическія оды имвють предметомъ нравспвенность, изкорененіе народныхъ предразсудковъ, или описаніе величеспвенной природы, слѣдовательнo въ нихъ болѣе дѣйствуюеть умъ, нежели воображеніе. Однако все шо, что можешъ дѣлать доказательспва разишельнѣе и описанія пріятнѣе, съ усцѣхомъ въ нихъ упопреляешя.

Анакреонтическая ода получила названіе опъ Анакреона (см. Анакреонпическій.). Нѣжность и легкость сущь ея свойспва; любовь и веселость служащъ ей предметами. Въ сихъ *одахъ* примѣленъ малѣйшій недоспапокъ: общая мысль, надушность, неприличное выраженіе, грубойспихъ, могущъ испоршпть цѣлое сочиненіе, кошорое обыкновенно бываешъ крашко.

Нѣмецкій Еспелпкъ Бушпервекъ раздѣляешъ оды на *Пиндарическія*, о коихъ мы говорили, на *Гораціанскія*, названныя здѣсь философическими, пошому что Горацій наиболѣе писалъ оды нравспвенныя, и на *Клопштокскія*, соединяющія въ себѣ свойспва двухъ первыхъ родовъ. — Мы смѣло

можемъ раздѣлить наши оды на Ломоносовскія и Державинскія, причисляя къ первымъ оды торжественныя, а ко вторымъ шѣ, въ которыхъ прославленіе знаменитыхъ происшествій или разсужденіе о какихъ либо другихъ предметахъ исполнено бываетъ мыслей нравоучительныхъ, философическихъ—иногда оспурныхъ и даже Сатирическихъ. Таковы, на примѣръ, оды его: Фелица, изображеніе Фелицы, видѣніе Мурзы, на счастье и проч.

Во всякой одѣ, говоритъ Бапше, должно находиться единство чувства, равно какъ въ Епопее и въ Драмѣ единство дѣйствій. Можно и даже должно перемѣнять изображенія, мысли, обороты; но такимъ образомъ, чтобы они были всегда сходны съ господствующею сраспью. Сія сраспь можетъ умягчаться, возрастать; но не должна перемѣнять своего свойства и уступать своего мѣста другой сраспи. Если на примѣръ, радость заславилъ стихотворца принялъ за лиру, то она можетъ только переходить въ разныя постепенности, но не должна никогда превращаться въ печаль; если же начинается чувствомъ ненависти, то неприлично оканчиваетъ любовію, или лю-

бовь должна погда обращатьсь къ шакой вещи, копорая прошивоположна главному его ощущенію, и въ шакомъ случаѣ оно все еще оспаешся, но полько скрышое.

Наружный видѣ или форма оды. Ода имѣешъ различныя формы. Греки наблюдали въ ней три часпи: *Спрофу*, *Аншиспрофу* и *Еподѣ* (Еподось). Спрофа и Аншиспрофа содержали по равному числу спиховъ и могли бытъ пѣшты на одинъ голось; Еподъ имѣлъ спихи другой мѣры, заключалъ болѣе или менѣе спиховъ и по сему пребывовалъ другаго голоса. — Спрофа дѣлала начало, Аншиспрофа слѣдовала за нею, пошомъ находилса Еподъ, а послѣ шѣмъ же порядкомъ начиналось. Пѣніе спиховъ сопровождалось пляскою; шанцовщики оборачивались на одну спорону во время спрофы: (*στρέφειν*, значить *оборачиватьсь*). Во время Аншиспрофы они оборачивались въ прошивную спорону, возвращаясь пошомъ въ прежнее свое положеніе. Во время пѣнія *Епода*, копорый былъ всегда короче, шанцовщики дѣлали движенія не оборачиваясь ни на шу, ни на другую спорону. Такимъ-шо образомъ сочинены оды Пиндаровы и большая часшь Драмашическихъ хоровъ.

Алкей, Сафо и другіе Лирическіе пѣсно-пѣвцы изобрѣли прежде Пиндара другіе образы или формы, въ коихъ они вмѣшивали различнаго рода спихи, съ соразмѣрностію гораздо чаще возвращающеюся. Горацій избралъ сіи формы: ихъ можно видѣть въ его Лирическихъ спихопвореніяхъ.

Новѣйшія оды состоятъ изъ спрофъ или спансовъ, въ копорыхъ число спиховъ и расположеніе ихъ зависятъ совершенно отъ воли автора; но какъ скоро сдѣлано расположеніе первой спрофы, то сіе служишь уже неизмѣннымъ образцемъ для всѣхъ спрофъ послѣдующихъ — что видно изъ примѣровъ, въ сей спашѣ приведенныхъ.

На Русскомъ языкѣ въ одахъ наиболѣе употребляющіяся Хореическіе, либо Ямбическіе чешыреспонные спихи: послѣдніе несравненно чаще первыхъ.

Свойства оды. Въ поржеспвенныхъ и даже философическихъ одахъ примѣчашь надлежишь: присшупъ, безпорядокъ, крашкось, опспупленія и конецъ.

1. *Приступъ* бываетъ двоякій: спремипельный и пшихій. Въ первомъ случаѣ поэтъ принимаешя за лиру, будучи уже

въ воспоргѣ, а въ послѣднемъ онъ начинаешъ играшъ или пѣшъ хладнокровно и мало по малу воспламеняешся.

Прилѣры тихаго пристуна.

Сіанье радужныхъ небесъ,
 Души чистѣйшее спокойство,
 Блескъ шихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
 О крошосшь! ангельское свойство!
 Опшивъ опъ Бога самаго!
 Тебѣ, шобою восхищенный,
 Наспроиваю вдохновенный
 Я струны сердца моего.

Державинъ.

Заря багряною рукою
 Опъ упреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводишь съ солнцемъ за собою
 Твоей державы новый годъ.
 Благословенное начало
 Тебѣ, богиня, возсіало —
 И нашихъ искренность сердець
 Предъ трономъ вышняго пылаешъ,
 Да счастиемъ швоимъ вѣнчаешъ
 Его средину и конецъ.

Ломоносовъ.

Примише, древнія дубравы,
 Подъ тѣнь свою пишомца Музь!
 Не шумны пѣшь хочу забавы,
 Не сладосни Цишерскихъ узъ,
 Но да возрю съ полей широкихъ
 На красну, гордую Москву,
 Съдящу на холмахъ высокихъ
 И спящи вѣки воззову.

Дмитріевъ.

Пр. стремительнаго пристапа.

Прочь буйна чернь, непросвѣщенна
 И презираемая мной!
 Простирись вокругъ пишина священна!
 Плѣнилъ меня воспоргъ свяшой!
 Высоку пѣснь и дерзновенну,
 Неслыханну и невнушенну
 Я слабымъ смершнымъ днесь пою —
 Всякъ преклони главу свою.

Державинъ.

Ударь во серебряный, священный,
 Далеко-звонкій, Валка, щипъ!
 Да громъ швой, эхомъ повшоренный,
 Въ жилищѣ Бардовъ восшумипъ . . . . .

Есо же.

Гдѣ буйны, гордые Тишаны,
 Смутившіе Аспреи дни?
 Спремглавъ низверженны, поправны
 Въ прахъ, въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?

и пр.

Дмитріевъ.

2. *Безпорядокъ* Лирической состоишь въ томъ, когда пишешь показываешь, что не успеваешь располагать мыслей своихъ по порядку, или когда не соблюдаешь поспешенности въ своихъ изображеніяхъ и шакъ сказать ошъ однѣхъ къ другимъ перелешаешь. Однакожъ шаквая спремшельность его непременно должна бышь, ежели неуправляема, покрайней мѣрѣ сопровождается разсудкомъ, а безъ шого *безпорядокъ* не будетъ дѣйствіемъ искусства и никому не понравится. Сему-шо правилу послѣдуя сказалъ Буало объ одѣ: *Chez elle un beau desordre est un effet de l'art*, въ ней прелесный *безпорядокъ* есть дѣйствіе искусства.

Собранныя въ слѣдующей строфѣ мысли не имѣють, кажется, никакой между собою связи, но всѣ клоняшя къ одной цѣли и заключаютъ много прекрасныхъ изображеній:

Часть. II.

Восшоргъ внезапный умъ плѣвилъ,
 Ведешь на верхъ горы высокой,
 Гдѣ вѣспрь въ лѣсахъ шумѣшь забыль,
 Въ долину пишина глубокой.
 Внимая нѣчто ключъ молчишь,
 Кошорый завсегда журчишь
 И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремилъ,
 Лавровы выюшя шамъ вѣнцы,
 Тамъ слухъ спѣшишь во всѣ концы,
 Далече дымъ въ поляхъ куришя.
Ломоносовъ.

Безпорядокъ *постепенностей*, или какъ нѣкоторые писатели называютъ, *перескокъ*, также много дѣлаешь красоты въ Лирическомъ стихотвореніи; но въ такомъ безпорядкѣ должна быть сокрыта самая строгая правильность, подобно какъ въ *Баснѣ* подъ видомъ простоты скрывающія высочайшія Философскія истины.

Горацийъ разсываясь съ Виргилиемъ (Lib. I. од. 3.) *молитъ боговъ, покровителей мореходцевъ, сохранить его друга. Попомъ воображаетъ уже его на морѣ, окруженнаго опасностями, и наконецъ къ чему переходитъ? удивляется дерзости того, кто первый ввѣрилъ себя сей бурной и непостоянной*

стихи и пр. какой безпорядокъ и какое искусство !

Примѣръ сему равномерно находимъ и у Державина въ одѣ на побѣды въ Италии, 1799.—Вошь начало, выше сего показанное:

Ударь во серебряный, священный,
 Далеко-звонкій, Валка, щипъ !
 Да громъ швой, эхомъ повпоренный,
 Въ жилищѣ Бардовъ восшумишь.

И вдругъ Шипъ видипъ уже самихъ Бардовъ и шакъ продолжаешъ :

Вспаюшь.—Спо арфъ звучашъ спрунами,
 Предъ ними спо дубовъ горяшъ,
 Опъ чаши круговой зарями,
 Сѣдя чела въ шьмѣ блестяшъ.

Помомъ предспавляешся его воображенію Рюрикъ, пошрясшій нѣкогда спѣны Парижскія :

Но кшо шамъ бѣлыхъ волнь шуманомъ
 Покрышъ по персямъ, по плечамъ,
 Въ спальномъ dospѣхѣ свѣшишь рдяномъ,
 Подобно синя моря льдамъ и пр.

Желательно, чшобы авторы наши чаще подражали шакому безпорядку.

3. *Краткость* составляет не малое достоинство Лирических творений. — Поелику ода не иное что есть, какъ изліяніе живѣйшихъ ощущеній, то и неестественно, чтобъ она была очень длинна, ибо сильныя ощущенія не могутъ быть слишкомъ продолжительны. Въ большихъ одахъ предполагается, что Писатель не одинъ разъ приходитъ въ восторгъ; но оканчивая свое сочиненіе, при какой нибудь нечаянно всплывшейся мысли, паки воспламеняется и оное продолжаетъ; чаще однакожь случается, что тогда онъ начинаетъ говорить о другомъ предметѣ, и уже въ послѣдствіи соединяетъ его съ шѣмъ, который былъ причиною начальнаго вѣсновнія. Примеромъ можетъ служить ода Ломоносова на прибытіе Императрицы **ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ** изъ *Москвы въ С. Петербургъ въ 1742 году*. Кажется, стихотворецъ хотѣлъ кончить свое сочиненіе осьмою строфою, но вдругъ вспоминаетъ о побѣдахъ своей Государыни, и обращается къ спранамъ Гошфскимъ:

Но что спраны вечерни пмятся

И дождь кровавыхъ капель льюшь?

Что Финскихъ рѣкъ спруи дымятся
И долы съ влагой пламень пьюшь? и пр.

Попомъ описавъ бѣдспвія, Шведамъ угрожающія и силу войскъ нашихъ, обращается на прежній свой предметъ :

Но холмы и древа скачише,
Ликуйше множество озеръ!
Руками рѣки восплецише,
Петрополь буди вамъ примѣръ;
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходишь... и пр.

Наконецъ, какъ бы упомляясь, преспаешъ воспѣвавъ ЕЛИСАВЕТУ, но вдругъ получаете -новыя силы, и паки приходишь въ изсупленіе :

Еще горитъ во мнѣ охоша
Торжественный возвысись понь.....

Послѣ сего видимъ вторичное обращеніе къ Петрополю, восхищенному прибытіемъ Императрицы :

Цѣлуй, Петрополь, шу десницу,
Кошорой долго пы желалъ.....

Сии примѣры доказываютъ, что ода не иначе можешь и должна бышь продол-

жипельна, какъ опть повтореннаго восторга; при однократномъ же восторгѣ надобно имѣть большое дарованіе, чгобы обширнаго *Лирическаго* сочиненія не сдѣлать холоднымъ. Сіе, кажется, даже не возможно.

Еще надлежитъ замѣтитъ, что пѣ оды копорыя имѣють *тихой* приспупъ, бывають гораздо продолжипельнѣе имѣющихъ приспупъ *стремительный*; причина тому очевидна: въ первомъ случаѣ поэтъ долженъ что нибудь написатъ (или по существу оды, пропѣть) до пришествія въ восторгъ, а въ послѣднемъ случаѣ онъ уже начинаеть съ сего мѣста.

Впрочемъ *краткость* и въ поэмѣ еще соспоитъ, чгобы въ сочиненіи *Лирическомъ* немногими словами сказано было много и не было бы ничего излишняго.

4) *Отступленіе* или *уклоненіе* соспоитъ въ поэмѣ, когда Піитъ прерываетъ начашую имъ маперію и говоритъ о другой, служащей для первой объясненіемъ или подшверженіемъ, и попомъ уже возвращаетъ къ прежней. *Отступленія* шакже дѣлають *Лирическое* сочиненіе продолжипельнѣе, но опть повтореннаво восторга по имѣють опличіе, что въ нихъ спихопворецъ болѣе занимается разсужденіемъ или

повѣспованіемъ , и пошому не могошь онѣ имѣшь равной силы съ *нагаломб* оды. Такъ Державинъ въ одѣ своей *Вельможа* послѣ словъ

Злодѣй! увы! и грянуль громъ! . . . .

показывающихъ его негодование на безсовѣснаго и безбожнаго Сибарипа, вдругъ начинаешь говоришь :

Блаженъ народъ, который полнь

Благочестивой вѣры къ Богу . . . . .

или у него же въ одѣ *на взятіе Измаила* находится прекрасное опспупленіе, начинающееся стихами:

Я вижу спрашную годину ;

Его три вѣка держишь сонъ . . . . .

Въ первомъ опспупленіи мы видимъ *разсужденіе*, а во второмъ *повѣствование*.

5) *Конецъ* или *окончаніе* оды шребуешь разипельныхъ, неожиданыхъ мыслей. Всякая ода много перяешь своего достоинства, когда оканчиваея какимъ нибудь холоднымъ разсужденіемъ. Лирической поэшъ при концѣ оды, какъ лѣбедь при концѣ жизни, напрягаешь оспающіяся силы и стараешься наиболѣе плѣнишь своимъ пѣніемъ.

Слѣдующіе примѣры послужашь объясненіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ правилъ и раздѣленій. Мы начнемъ съ древнихъ образцовъ и воспользуемся лучшими переводами и подражаніями.

*Первая Пиндарова Олимпійская ода Гіерону
Сиракузскому,*

Одержавшему побѣду на ристалищѣ.

(Переводъ Мерзлякова).

Пиндаръ воспѣлъ сію оду въ честь Гіерона, Царя Сиракузскаго, брата Геленова, который первый установилъ образъ правленія самодержавнаго въ Сиракузахъ. — Гіеронъ, желая привлечь къ себѣ Грековъ, нелюбившихъ его какъ пиранна, старался покровительствовать наукамъ и художествамъ. — При дворѣ его жили славнѣйшіе того времени спихосворцы, какъ то: Пиндаръ, Симонидъ, Вакхилидъ, Эпихармъ, которые много способствовали къ умягченію и образованію его характера, отъ природы жестокаго и недовѣрчиваго. Кришики не соглашались во времени, къ которому должно относить сію оду, потому болѣе, что самое начало царствованія Гіеронова недовольно точно опредѣле-

но.—Покрайней мѣрѣ вѣроятно, что она сочинена вскорѣ послѣ восшествія его на престоль.

Еліанъ повѣствуетъ, что Геронъ въ началѣ своего царствованія, въ продолженіи 73 Олімпіады, явился въ Пизѣ съ великолѣпною свитою. Фемисноль, предсѣдательствующій на играхъ, какъ Амфипріонъ Афинскій, воспретилъ ему участвовашъ въ оныхъ за то, что онъ не помогаль Грекамъ въ войнѣ Персидской, окончанной славнымъ сраженіемъ при Саламинахъ. Съ того времени Царь Сиракузскій и другіе Государи никогда не опважились лично оспаривашъ первенство на играхъ Олімпійскихъ, Пифійскихъ, Немейскихъ и Исхмійскихъ. Они посылали шуда обыкновенно своихъ вассаловъ и коней. Такимъ образомъ Пиндаръ, прославляя Героново правосудіе, его привязанность къ наукамъ и искусствамъ, прославляль вмѣстѣ и его коня, называемаго въ одѣ *побѣдоносцемъ*.

И шакъ ода сія содержишь: 1) похвалу Герона, 2) похвалу коня, доставившаго ему побѣду на играхъ Олімпійскихъ, 3) исторію Таншала и Пелопса, которыхъ Геронъ былъ попомокъ. — Ода кончипся

обѣтами пѣснопѣвца, посвятившаго звучную лиру славы своего героя.

У Пиндара нѣтъ почти ни одной *оды*, въ которой бы не встрѣчались опсупленія, подобныя приведенной здѣсь исторіи о Пелопсѣ. Сія *Эпизоды* часто бывають споль проспранны, что зашемняютъ главный предметъ оды, и дѣлають ее для насъ непонятною. Но мы не имѣемъ права осуждать Пиндара въ этомъ случаѣ, не зная основательно ни языка его, ни обстоятельствъ, ни обычаевъ того времени, въ которое онъ писалъ. Намъ оспалось только вѣрить нѣжному и просвѣщенному вкусу Грековъ, которые всегда липали къ нему величайшее уваженіе. Всякой побѣдипель почипалъ за особенную честь имѣть его своимъ пѣвцомъ, и шоль пріумфъ казался несовершеннымъ, который не былъ украшенъ его стихами. Нѣкоторые изъ крипиковъ полагають, что ода сія имѣетъ двойкой предметъ.— Пиндаръ, прославляя Герона, хотѣлъ между пѣмъ дать ему почувствовать, что величіе, слава и неограниченная власшь, ослѣвляя сердце Государя, бывають часто причиною величайшихъ несчастій. Но онъ не могъ сказать прямо сего наставленія,

не оскорбивъ Царскаго самолюбія. Для того по онъ приводитъ исторію Танпала и Пелопса, его предковъ, копорыхъ боги осыпали всѣми возможными благами и копорые были даже удоспоены участивованія въ небесныхъ радоспяхъ: — все ищевно! . . . . гордосп ихъ погубила и несчасные были наказаны! — вопъ зеркало, въ копоромъ Геронъ долженъ былъ чипапъ свои правила и свое осужденіе, когда бы онъ онважился пренебречь ихъ. — Если ипакое изъясненіе удовлешворипельно : по мы должны признапъся, что планы Пиндаровы попому полько намъ не поняпны, что мы не Греки, что мы не знаемъ всѣхъ обспояшельспвѣ, копорыя могли дѣиспвопавъ на авшора и на его пворенія.

I. С т р о ф а.

Вода въ спихіяхъ . . . . перва власпъ 1).

Въ сіяніи сокровищъ гордыхъ ,

Какъ звѣзды въ ноцъ самогоряци 2)

---

1) Древніе почитали воду началомъ всѣхъ вещей.—Пиндаръ начинаешъ свою пѣснь прославленіемъ игръ Олимпійскихъ. Онъ говоритъ : вода превосходиве спихи ; зпашо блиспашельнѣе всѣхъ сокровищъ ; солнце великолѣнѣе другихъ свѣшилъ небесныхъ ; игры Олимпійскія превосходиве другихъ игръ , въ Греціи совершашыхъ.

2) То еспъ : звѣзды, сами собою блиспашюція.

Пылаешь злата блескъ.—

Что краше, юный день ведущаго свѣшила,

Когда попокомъ яркихъ сирѣль

Пронзаешь, гонишь пѣни блѣдны

Пустыни Эфирныхъ за предѣль? —

Что велельниче, Еллада, ты являешь

Блещащихъ Олимпійскихъ игръ?—

Здѣсь родясь, далеко-слышный,

Сынъ вѣчнаго пѣвца,

Гимнь Эольскій всходишь пышный 3)

Въ Лоно Кронія опца.—

Здѣсь родясь, грядешь, нельсшивый,

Герона онъ въ черпогъ.....

Геронъ—мой полубогъ,

Храбрый, доблестный, правдивый!.....

Г-я. Антистрофа.

Онъ мощнымъ скипшромъ осѣнилъ

Поля Тринакрии 4) злапыя,-

Спадообильныя, благія; —

3) Пиндаръ представляеть Гимнь свой, такъ какъ Гомеръ представляеть Мошны—въ человѣческомъ видѣ. Онъ шечешъ въ объятія Зевеса; онъ прославляешъ сего бога, которому Геркулесь, учредилель игръ Олимпійскихъ, посвяшилъ алтарь на мѣстѣ подвиговъ; — Послѣ Зевеса, Гимнь обращается къ Герону побѣдителю.

4) Сицилія.

Великій духъ его, полнъ силъ,
 Пьешъ сладось, нектаръ пьешъ всѣхъ доб-
 лесей вѣчныхъ.

Ему цвѣшы молодыхъ харишь,
 Ему цвѣшы ошъ Музъ избранныхъ,
 Когда его священный храмъ
 Госпепрїимные пиры свои опкроешъ
 Воспорга полнымъ мудрецамъ!....

Гдѣ моя злая лира?—
 Духъ мой, Муза, окрыли!
 Ты, пѣвица славы, мира!....
 Вознесемъ ошъ земли!....
 Вихремъ въ слѣдъ коню побѣды!—
 Се, онъ пламенный лепишь!
 Берегъ радостный дрожишь,
 И незримы ловишь слѣды!....

1-й Е н о д ъ.

Лепишь — и пышный храмъ побѣды опвер-
 заешъ
 Владыкѣ Сиракузъ, великому въ Царяхъ;
 Его, его хвала высокая блиспаешъ
 На славныхъ именемъ Пелопса берегахъ 5).

---

5) То есть въ Элидѣ. — Пелопсъ, вступивъ на престоль послѣ опца своего Таншала, и взявъ за себя дочь Иномея, оспавилъ опечешвенную землю и основалъ ко-

Сынъ Таншала! отсель чеспей швоихъ на-
чало!

Преданія гласящъ: здѣсь чудо возсіяло,
Когда—позорная трапеза для боговъ 6)—
Ты ожилъ, воспріавъ слоновой рамо коспи....
Се гласъ молвы пуспой, се вымысль черной
злоспи!

Воображенье.... льспець умовъ!

Зракъ испины оно во облакъ скрываетъ;
Оно прошивъ боговъ въ неисповсхвѣ дерзаетъ!

II. С т р о ф а.

Такъ!—сильны прелѣспи словесъ,
Ума запѣйливы спремленья,

ловлю въ Элидѣ; со временемъ овладѣлъ онъ всѣмъ полуостровомъ, который онъ его имени спалъ называшся Пелопонесомъ.

- 6) Баснословие говоришь, что Таншаль, будучи приглашенъ богами на великолѣпное пиршество, рѣшилъ возблагодарить ихъ подобнымъ образомъ.—Желая посвятить имъ въ пищу самое драгоцѣнное, онъ поставилъ на споль изгопвленное шѣло своего сына. Боги опвергнули сію пищу съ ужасомъ и негодованіемъ. Одна Церера по неосторожности съѣла плечо молодого Пелопса. Безсмертные соединяющъ разсѣченные члены и оживляютъ ихъ.—Плечо, неосторожно скушанное Церерою, замѣняеши плечомъ изъ слововой коспи, которое принесла Клошо, одна изъ Паркъ. После шого, Пелопсъ пользовался особенною благосклонностію Непшуна. Пивдаръ хочешъ сказашъ, сколь сильно дѣйствуешъ на насъ чудесное. Самыя нелѣпыя басни, пришно рассказанныя, получаютъ право истинны. Пѣснопѣвецъ учишь насъ говорить о богахъ, прилично ихъ величію, и рассказываешъ другую исторію Таншала и Пелопса.

И невозможному возможность
 Даруюшь, какъ глаголь небесь!—
 Но время сстрогое рвешъ мрежи паушины....
 Нѣшь мѣста смертнаго мечшамъ
 Къ великимъ шаинспвамъ судьбины:
 Она непоспижима намъ!
 Непосвященный, прочь! — пророкъ, во срамъ
 невѣждамъ,

Я, Пѣлопсъ, о шебѣ реку:
 Олимпійскіе зашворы
 На злапыхъ гремяпъ пяпахъ;
 Силь небесныхъ свѣшлы хоры
 Ниспускаются въ заряхъ;
 Таншаль пиръ имъ устрояешъ,
 Ты былъ пиршешва красой!....
 Богъ плѣняется тобой,
 Богъ любовь къ шебѣ пишашъ.

II. Антистрофа.

И се! послоезъ крылапыхъ сонмъ,
 Сплешся легкой вереницей,
 Тебя въ цвѣшахъ и багряницѣ
 Возносишь быспро въ Зевсовъ домъ!—
 Наслѣдникъ и любви, и славы Ганимеда,
 Ты воспріялъ его чреду!.....

Ахъ! щещно взоръ пвой боязливой
 Искаль родительскихъ полей,
 Гдѣ нѣжился, таясь, вѣкъ дѣпствва шоропливой!
 Ахъ! щещно матерней поски
 Рабы услужливы,—спремились
 Тебя опдашь ея слезамъ!.....

И несется вѣспь ужасна
 Въ спыдъ Таншалу, въ спыдъ богамъ,
 Чпо рукой опца несчастна
 Ты разперзанъ по часшамъ;
 Что тебя въ водѣ кипучей
 Споль прапезный воспріаль;....
 Сонмъ боговъ облекся шучей,
 И Олимпъ гремя шональ! —

II. Е п о д ъ.

Не потерпи, Зевесь, споль спрашнаго хуленья!
 Я чистъ опъ клеветы, послушенъ я богамъ.
 Пелопса прадѣды небесъ благотворенья
 Вкушали изкони! — и Таншаль, Таншаль самъ,
 Причасшникъ радостей Олимпа ненавѣпныхъ!
 Но смерпный малъ и слѣбъ для радостей без-
 смерпныхъ 7)!

---

7) Таншаль у древнихъ вообще значиль скупаго, кошо-
 рый собираешъ сокровища и не наслаждается ими.
 Боги, желая оказаль ему свое благоволеніе, посѣщили

Скала великая, Зевесовой рукою
 Надъ вѣроломною нависла вдругъ главою,
 И пррепеща надъ ней—грозишь.
 Корысть услады ждешь; пишаешься лишь пра-
 хомъ.
 Опъ черныя души покой бѣжишь со спрахомъ!—

III. С т р о ф а.

Дряхлѣюшь въ мукахъ злаго дни!
 Чешверша жершва горней кары 8),
 Онъ въ пррепещь шаршаръ вводишь ярый....
 И шѣни смошряпъ издали,
 Не смѣвъ приближись, какъ синій дымъ
 шума
 Чшо спелешся среди полей,
 Окреспъ горящаго Вулкана! — —
 О, алчность!—онъ похишишь смѣль
 Небесь сокровище высоко,
 Сей Некшаръ, сей безсмершя залогъ!....

его чершогги; но не могли пишашься земною пищею, привесли съ собою Амброзію и Некшаръ. Таншаль похишилъ часпъ сихъ свѣдей небесныхъ, какъ послѣ будешъ сказано. Юпишеръ, въ наказаніе, повѣсилъ надъ нимъ огромную скалу, гошовую ежеминушно упаспъ на его голову.

- 8) Иксіонъ, Сизифъ, Тицій подверглись мщѣнію неба. Таншаль былъ чешвершый пррешупникъ, раздражившій Юпишера.

Богъ сильный, богъ ревнивъ, богъ злобнымъ
мспишь далеко, —

И спраждешь Пелопсъ за опца!

Но ниспадшему съ Эфирныхъ,

Рдянопламенныхъ высопъ,

Въ шихихъ пѣняхъ рощей мирныхъ

Добрый Геній предспаешъ :

„Ты красую лѣпшъ блиспаешъ,

„Духомъ крѣпокъ, и рукой!

„Ты возлюбишь ли покой? . . . . ,

Въ полѣ бипвъ меня познаешъ.

III. Антистрофа.

Рекъ Пелопсъ, — въ поле бипвъ печешъ

Пожашъ любви цвѣшы злашы! — —

Прекрасная Гипподамѣя,

Оспавъ свой дѣвспвенный черпогъ!

Желанный часъ насшалъ 9); женихъ передъ
врапами!

---

9) Иномей, Царь Пизы или Олимпіи, опецъ Гипподамѣи, обѣщаль ея въ замужество пому, кошорый побѣдишь его въ управленіи колесницами. Оракулъ ошкрылъ ему, что получившій руку Гипподамѣи, будетъ причиною его смерши. Для избѣжанія сего, Иномей поражаль копьемъ своимъ всѣхъ пѣхъ, кошорые, приближаясь къ мешѣ Гиподрома, упреждали его. Тринадцашъ героевъ были жершвою шакой ужасной ошпорожности.

Единъ въ полунощи герой
 На берегъ шесивуешь росистой ;
 Единъ, въ пиши лѣсовъ, полей ,
 Къ паячко-прясущему презубцемъ
 Воззвалъ смирителю морей! . . . .
 Какъ облако возспалъ богъ грозный надъ во-
 дами,

И слухъ молящему опверзь.
 „Если для тебя любезно
 „Вспоминаніе любви,
 „Кою, опрокъ безмяшежной,
 „Я пипаль къ тебѣ въ крови:
 „Днесь, ... въ награду мнѣ желанну,
 „Дай крылашихъ пы коней!
 „Дай мнѣ мечъ швой, въ казнь пиранну;
 „Да погибнемъ Иномей! . . . . .

III. Е н о д ъ.

„Туда, шуда спремлюсь, любовью воспаленный!
 „Тамъ неприступный лавръ шринадцапи вож-
 дей ,
 „Опвсюду шрупами несчастныхъ огражденный,
 Прощѣль,—гошовый даръ опважности моей!
 Кто смерши избѣжишь?—ничтожный въ спра-
 хѣ шаешь ,

Напасши предъ лицемъ, когда война пылаешъ.
Онъ въ дряхлой спаросши, лѣнливой смерти
ждешъ,

Неоглашаемый любезною хвалою! —

Гряди и не спашусь.... любовь грядешъ со
мною! —

Изрекъ.... Посѣйдонъ знакъ даешъ;

Гремишь далеко звукъ ошъ колесницъ бле-
спящихъ,

Дымишся пыль сполбомъ во слѣдъ коней ле-
пящихъ! —

IV. С т р о ф а.

И возсіялъ побѣды зракъ!....

Паль хипрый Иномей,—и Дѣва 10) —

Невѣста юноши Царева; —

И шессть героевъ, шессть сыновъ,

Плодъ нѣжныя любви, шекли опца слѣдами!....

Не зришель гордый оный холмъ,

Повелѣвающій высокими брегами!....

10) Гипподамія влюбившись въ Пелопса, подкупила Мелиппа, возницу опца своего, кошорый худымъ управленіемъ колесницы доспавилъ пофѣду ея любовнику. Иномей хопѣлъ поразить своего соперника; но въ шу мивупу; ошъ бѣшенства коней, колесница его сокрушилась, и онъ погибъ самую мучительною смерсію. Такимъ образомъ исполнилось предвѣщаніе Оракула.

Здѣсь, здѣсь алтарь его и домъ 11)! —
 Здѣсь свѣшлый присно духъ героя,
 Оставя пѣней мракъ, по временамъ
 Вишаешь, окруженъ великими друзьями,
 И ослабляешься играмъ :

Здѣсь, гдѣ легкость спощь крылашыхъ,
 Гдѣ искусство, крѣпощь силъ,
 Вводяшь въ храмъ побѣдъ богашыхъ,
 Кои Кроній освяшилъ! —
 Здѣсь ушѣхъ обитель ясныхъ;
 Здѣсь для доблести вѣнецъ;
 Здѣсь надеждъ, желаній красныхъ,
 И начало, и конецъ! —

IV. Антистрофа.

И мнѣ ввѣряешь право чести
 Вѣнчашь опнынъ Герона
 Цвѣтами пѣсней Еолийскихъ;—
 Цвѣтами, кои неба дщерь,

---

11) Память Пелопса ежегодно празднована была въ Пелопонесѣ. На семь-шо шоржествѣ молодые Спаршанцы, чшобы доказашь свою швердощь, позволяли себя сѣчь до крови, и не обнаруживали ни малѣйшаго знака боли. Памятникъ Пелопсу находился въ Пизѣ, или Олимпіи, гдѣ производились Олимпійскія игры. Онъ воздвигнутъ былъ по срединѣ самаго ристалища. Изъ дѣшей Пелопсовыхъ извѣстни особливо Ашрей и Гіеспь.

Весна, разсыпала на холмы Геликона,
 Въ забаву нѣжную для Музъ,
 Въ отраду Грацій благодарныхъ,
 Изъ розъ свивающихъ вѣнцы
 Заслугъ, красотъ, добротамъ лучезарнымъ!...
 О, Геронъ! они швои! —

Да предходитъ добрый Геній
 На спезѣ тебя побѣдъ,
 На пусяхъ благошвореній!—
 Другъ швой—доблесъ; слава—свѣшъ!
 Съ ними шеспуй и... позднѣ
 Возвращайся въ небеса!
 Возблиспай еще свѣшлѣ,
 Дай узрѣшь намъ чудеса! —

IV. Е н о д ъ.

Такъ! — скоро Кронія цвѣшущій холмъ, сви-
 щенной,
 Подвигнушь спрунъ моихъ волшебсшвомъ
 оживешъ:
 Какъ слѣдомъ колесницъ, вокругъ мѣпы воз-
 выщенной,
 Стукъ ярый прогремитъ и слава процвѣшешъ!
 На сей великій день гошовлю новы спрѣлы 12);

12) Обыкновенная Мешафора Пиндара, когда говоришь
 онъ о пареніи своихъ гимновъ. Онъ намѣренъ еще во-

Сей день и для меня пребудешь незабвень!—
 Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
 Санъ царшвенный вождя — предъ всѣми воз-
 несень!

Будь вѣренъ самъ себѣ, Фемиды другъ избранный!
 Мужайся.... соверши благимъ богамъ обѣщъ!...
 И счастливый пѣвецъ, побою осіянный,
 Чрезъ шучи зависпи лучи свои прольешь!

При заключеніи сей оды напомнимъ еще о цѣли, копорую предположилъ себѣ авпоръ, и копорую мы означали въ при-спупѣ. Ходъ піесы будешь слѣдующій: игры Олимпійскія всѣхъ другихъ превосходнѣе; онѣ особенно достойны, чпобъ шакой великій Государь, опличившійся споль многими царшвенными добродѣтелями, показаль на нихъ свое величіе. Онѣ побѣждаешь на играхъ въ респалищѣ (опъ і спрофы до Епода 3). — Чеспь, приобрѣ-шенная героємъ, разливаеця на его предковъ, на его попомковъ.—Слава Геронова блиспаецъ въ Елидѣ, гдѣ Пелопсъ, предокъ его, основаль первую колонію храбрыхъ Лидіянъ. Здѣсь, кажешся, должна бы

спѣшъ Герона, когда опъ одержишь побѣду на колесницахъ.

кончишься ода. Что сказать болѣе о конѣ, приобрѣтшемъ побѣду?—но при семъ случаѣ пѣвецъ имѣетъ другую скрытую цѣль, копорою всегда гордилась поэзія. Онъ, прославляя героя, даетъ ему уроки: онъ смѣшиваешь пріятное съ полезнымъ. Ему хотѣлось научить Государя, упоеннаго своею славою: умѣряешь спроси, бояшься боговъ, умѣешь наслаждаешься ихъ дарами и не желашь того, что насъ выше. Не было ничего приличнѣе для оживленія сей нравственности, какъ исторія Таншала и Пелопса. — Съ одной спороны, она льстила самолюбію Государя, гордящагося своими предками; съ другой, научала его правотѣ, не позволяя чувствовашь горечи уроковъ. Самый присшупъ къ сей исторіи показываешь поэта, живущаго при Дворѣ. — Пиндаръ намѣренъ разсказать исторію Пелопса, какъ будто для того только, чтобъ опдѣлишь ее отъ нелѣпыхъ басенъ, извѣстныхъ между народомъ:—новое угожденіе Герону! — послѣ того слѣдуетъ самый Епизодъ (отъ 3 Епода до 4 Антиспрофы). Въспомо нравоченія въ немъ заключеннаго, пѣвецъ дѣлаешь обѣщанія за Государя; онъ поручаешь его богамъ покровишелямъ; онъ почти говоритъ: чего тебѣ

желать?—ты поставленъ на высочайшей степени могущества и славы. Чтобы поддержать свое величїе, надобно быть довольнымъ тѣмъ, что даровали боги. Они вѣдаютъ, что намъ нужно и что не нужно (Анписп. и Еп. 4).—Что можешь быть величественнѣе и оспроумнѣе сего плана? При всей нашей холодности къ симъ безпреспаннымъ баснямъ, копорыми исполнены Греческія поэмы, мы должны согласишься, по крайней мѣрѣ, что онѣ были занимательны для Грековъ; что онѣ составляли, по большей части, ихъ общественную испорію; что въ нихъ заключалась религія народа; что игры Олимпійскія, Испмійскія и Немейскія принадлежали къ священнымъ обрядамъ богослуженія; —мы должны согласишься, что поэтъ не могъ ничѣмъ сколько угодишь народу, какъ тѣмъ, что онъ соединялъ имена боговъ, учредившей игръ, съ именами ашлеповъ, копорые на нихъ прославились. Похвала побѣдишело, сливаясь съ похвалами безсмертныхъ, превращалась въ обильное и цвѣшущее поле для поэзіи и ничто такъ сильно не возбуждало сего священнаго Енпузіасма, копорый составляетъ душу Аполлоновой лиры! отсюда она божественно

венная роскошь въ украшеніяхъ, копорою удивляешъ Пиндарь: опсюда быспропа слога, сполько смѣлаго и дерзновеннаго!— Пиндарь, въ пареніи своемъ, презираешъ всѣ идеи посредствующія; фразы его составляютъ непрерывный рядъ карпинъ, между копорыми, съ перваго взгляда, не видно никакого опношенія.—Но Греки понимали его.

Оды Горація.

Изъ всѣхъ Латинскихъ Лириковъ одинъ только Горацій сохранился до временъ нашихъ; мнѣніе Квинтилиана, утверждающаго, что всѣ прочіе Лирики не заслуживаютъ чтенія, много упѣшаетъ насъ въ сей пошерѣ. Напрошивъ же того приписываетъ онъ величайшую похвалу Горацію, и похвала сія подпверждена во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Горацій, кажешся, соединяетъ въ себѣ Анакреона и Пиндара, но къ ихъ дарованіямъ присовокупляетъ еще собственннй свой даръ. Въ сочиненіяхъ его есть изпупленіе и возвышенность Фивскаго спихошворца, но уклоненія его опъ главнаго предмета не споль скоропоспжны и не споль далеки, шесшвіе гораздо плавнѣе и надежнѣе, вы-

раженіе имѣеть въ себѣ болѣе разнообразіа и пріятности. Пиндаръ, воспѣвающій всегда одинакіе предметы, имѣеть всегда одинакій слогъ; въ Гораціи находятса всякаго рода слогі: кажется, что всѣ они ему врожденны, во всѣхъ слогахъ достигъ онъ совершенства. Возмешь ли онъ лиру — будучи восхищенъ Пипическимъ духомъ, мгновенно преселяетса въ совѣтъ боговъ, или на развалины Трои, на вершину Альпійскихъ горъ, или садитса близь Гликеріи, и гласъ его всегда приличенъ предмету, его одушевляющему. Онъ величественъ на Олимпѣ, и любезенъ сидя подлѣ своей любимицы. Съ такою же удобностию описываетъ возвышеннымъ слогомъ великую душу Капона или Регула, съ какою изображаетъ самыми очаровательными красками нѣжную ласку Лицимніи и любезность Пирры. Предаваясь саслолюбію споль же явно, какъ Анакреонъ, бывъ ревностный исполнитель и насавникъ въ веселостяхъ, онъ наполнилъ шворенія свои шюю же пріятностию, какую находимъ въ Анакреонѣ, но шюкмо съ большимъ благоразуміемъ и философіею; быспрымъ воображеніемъ не шюлько равняетса съ Пиндаромъ, но превосходитъ его

основательностию мыслей и чистотою
нравоученія.

Здѣсь для примѣра предлагаюшся двѣ
оды Горація съ прозаическимъ переводомъ
для удобнѣйшаго сохраненія мыслей под-
линника. Начнемъ съ той, копорою про-
славляетъ онъ Пиндара. Кн. 4. Ода I.

Къ Юлію Антонію.

Pindarum quisquis studet aemulari,

Jule, ceratis ope Daedaleâ

Nititur pennis, vitreo daturus

Nomina ponto.

Monte decurrens velut amnis, imbrez

Quem super notas aluere ripas,

Fervet immensusque ruit profundo

Pindarus ore ;

Laureâ donandus Apollinari,

Seu per audaces nova dithyrambos

Verba devolvit, numerisque fertur

Lege solutis ;

Seu deos, regesve canit, deorum

Sanguinem, per quos cecidere justâ

Morte Centauri, cecidit tremendae

Flamma Chimerae ;

Sive, quos Elea domum reducit

Palma coelestes, pugilemve equumve

Dicit, et centum potiore signis

Munere donat ;

Flebili sponsae juvenemque raptum

Plorat, et vires animumque moresque

Aureos educit in astra, nigroque

Invidet Orco.

Multa Dircaeum levat aura cysnum ,

Tendit, Antoni, quoties in altos

Nubium tractus: ego, apis matinae

More modoque ,

Grata carpentis thyma per laborem

Plurimum, circa nemus uvidique

Tiburis ripas operosa parvus

Carmina fingo.

„Всякъ, кшо дерзаешъ подражашъ Пиндару, лепишъ на восковыхъ Дедаломъ успроенныхъ крыліяхъ, и подобно Икару погрузишя въ море. Какъ выплывшій ошь дождей изъ береговъ и съ высоты горъ ниспадающій пошокъ шумишъ, такъ спиши, изъ устьи Пиндара ишедшіе, гремятъ плвняющимъ краснорвчіемъ и согласіемъ. Воспвваетъ ли онь опважные Дифирамвы, наполняя ихъ новыми словами, и въ испупленіи своемъ забывая предписанную спи-

хамъ мѣру, или славить боговъ, Царей, и богами рожденныхъ чадъ, опъ коихъ воспріяли доспойную смерть Кеншавры и ужасный пламень изрыгавшая Химера: или когда прославляешь героевъ, возвращающихся въ отечество свое съ Элейскою пальмою, или Аплешовъ, побѣдителей въ испаніи, коимъ подносишь дары, гораздо драгоценнѣйшіе многочисленныхъ испукановъ; или когда оплакиваешь супруга похищеннаго у супруги, и содѣлываешь безсмертными его мужество, доблесть, нравы, златому вѣку приличные, и пѣмъ испоргаешь ихъ изъ вѣчнаго забвенія—всегда, легкій въ пареніи, подобно Лебедю Дирцейскому, неушомимо держишься въ высокахъ: а я, какъ пчела собирающая по упру съ великимъ шщаніемъ изъ разныхъ соковъ медъ, провождаю время надъ сочиненіемъ мѣлочныхъ стиховъ.,

Г. Капнистъ весьма удачно подражалъ сему произведенію Горация въ слѣдующей одѣ, подъ названіемъ *Ломоносовъ*:

Кто Росску Пиндару желаетъ
 Въ воспоргахъ пылкихъ подражашъ,
 Во слѣдъ Икара шопъ дерзаетъ
 На крыльяхъ восковыхъ лешашъ:

Взнесешся къ облакамъ; но вскорѣ,
Лишь солнца силу ощушишь,
Низринешся спремглавъ, и море
Безумца имя возвѣспишь.

Какъ быспрый шокъ спруи скоплены
Спредишь съ крушой вершины горъ,
Криспалы льешь на брегъ зеленый,
Дремучій будишь шумомъ боръ:
Такъ звучной лирой Ломоносовъ
Сопровождая громкій спихъ,
Плѣняешь слухъ и души Россовъ,
И усладишь попомшво ихъ.

Творца глаголы пошворяя,
На судъ ли смерпнаго съ нимъ звалъ:
„Онъ гласомъ грѣмы прерывая,
„Словами небо колебалъ;
„Съ покрышныя пучины мглою
„Хаосный, лѣноспный шумавъ
„Разгналъ всесильною рукою,
„И съ суши сдвигнулъ Океанъ!„

Поешь ли, какъ восходъ денницы,
Минервы шеспвѣе на проиъ;
Коль важно подвигъ сей Царицы,

Коль громко возглашаетъ онъ :

„Самъ Богъ ведеть, и кто прошиву?

„Кто ходъ его оспановишь?

„И Океанскихъ водъ разливу

„На вспрѣчу кто посшавишь щипъ?„

Любви ль предѣль изображаетъ :

Какъ кисль его оживлена!

Какою прелестью плѣняетъ

Волшебна райская спрана!

„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,

„Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;

„Межъ бисерными облаками

„Сіаетъ злапо и лазурь!

„Древа лиспами помаваютьъ ,

„И нѣжну ощущая власъ ,

„Другъ друга вѣтвями обнимаютьъ ;

„Въ бездушныхъ шамъ любовна спрасъ!

„Ручьи во слѣдъ ручьямъ крупящя ,

„То гонящъ, то себя манящъ ;

„То прямо другъ къ другу спремящя ,

„И слившись, межъ собой журчащъ.„

За Марсомъ ли во слѣдъ дерзая,

Сраженій представляешь видъ :

„Съ шрофея на шрофей спупая,
 „Россійско воинство спѣшишь.
 „Орламъ симъ воды, лѣсъ, спремнины,
 „Глухія шепи—равень пущь ;
 „Нося перунъ, полки орлины
 „Паряшь, гдѣ вѣшрь лишъ можешъ дущь.„

Съ шакою дерзостью чудесной
 Извѣдавъ неуспалость крыль ,
 Верхъ облакъ въ синевѣ небесной
 Россійскій сей орель париль.
 Но я, какъ пчелка, надъ землею
 Съ шрудомъ съ цвѣшовъ сосуща медъ ,
 Я шиху пѣснь жужжашъ лишъ смѣю;
 Высокій спрашенъ мнѣ полешъ !

Державинъ! ты на лирѣ звонкой
 Воспой великія дѣла
 Царицы, что побѣдой громкой
 Моря и сушу пошрясла!
 Воспой боговъ сей даръ безцѣнной,
 Дороже коего они
 Не могушь ниспослать вселенной,
 Хошь возвращашъ злашыя дни.

Воспой шопъ день шприкрашъ шасшливой,
 Когда на жершвенникъ побѣдъ

Зеленый лавръ, обвинишь оливой,
 Она въ знакъ мира вознесеть;
 Тогда и я, въ шолпѣ народа,
 Учасникъ общаго добра,
 Во время пышна къ храму хода,
 Съ воспоргомъ возглашу: ура!

Съ побой мы вмѣспѣ радость нашу
 Явимъ усерднымъ поржеспвомъ;
 Безцѣнныхъ пы масшиковъ чашу
 Возжешь предъ мирнымъ божеспвомъ;
 Черпогъ швой, яркими звѣздами
 Украшень, ночью возблеспишь,
 И радосными голосами
 Въ немъ Гимнъ Аспреѣ возгремишь!

А я, помосишь усыпавъ храма
 Взрощенными цвѣшпами мной,
 Возжгу въ немъ горспку фиміама,
 Съ бѣлѣйшею лилей свѣчой
 Изъ воска, что съ полянки смѣжной
 Трудолубивая пчела,
 За мой о ней надзоръ прилѣжной,
 Съ избыткомъ въ даръ мнѣ принесла.

К ъ Д е л и ю.

Aequam memento rebus in arduis
 Servare mentem, non secus in bonis

Ab insolenti temperatam
 Laetitia, moriture Delli,

Seu moestus omni tempore vixeris,
 Seu te in remoto gramine per dies

Festos reclinatum beâris
 Interiore nota *) Falerni,

Quâ pinus ingens albaque populus
 Umbram hospitem consociare amant

Ramis, quâ et obliquo laborat
 Lympha fugax trepidare rivo.

Huc vina et unguenta, et nimium brevis
 Flores amoenos ferre jube rosae,

Dum res, et aetas, et sororum
 Fila trium patiuntur atra.

Cedes coemptis saltibus, et domo,
 Villâque flavus quam Tiberis lavit:

---

*) Nota interior: каждая бутылка имѣла свою надпись, на
 коей означались годы и качество вина; interior: внут-
 ренняя часть погреба, содержащая спарое и ошлич-
 ное вино.

Cedes; et exstructis in altum
Divitiis potietur haeres.

Divesne, prisco natus ab Inacho,
Nil interest, an pauper, et infimâ
De gente, sub divo moreris,
Victima nil miserantis Orci.

Omnes eodem cogimur; omnium
Versatur urnâ; seriùs ociùs
Sors exitura, et nos in aeternum
Exilium impositura cymbae.

„Умѣй, о Делій, хранишь равнодушіе въ бѣдспвіяхъ, и въ счасіи не предавайся чрезмѣрной радости: провождаешь ли ны всю жизнь въ печали, или возлегая уединенно на правѣ, испиваешь въ праздничные дни полныя чаши спараго Фалернскаго вина, — умрешь равномѣрно. — Туда, гдѣ высокая сосна и бѣлые шополы любящъ соединящъ свои вѣшви, соспавляющія пріятную тѣнь, и гдѣ спруи ручья извивающся—шуда повели принеси вина, благовоній и розъ, споль къашкое время цвѣшущихъ, пока счасіе и лѣта и спрашныя ниши прехъ сеспръ шо дозволяютъ. Оспавишь нѣкогда купленные роци свои, домъ, села, златоцвѣпнымъ Тибромъ оро-

шаемая и наслѣдникъ овладѣешь пышными швоими сокровищами. Богашь ли ты, рожденъ ли опъ древняго Инаха *), или опъ низкихъ предковъ, не имѣя хижины, скипаясь подъ отккрытымъ небомъ,—равно ты будешь жертвою безжалостнаго Орка. Мы всѣ спремимся къ единому концу. Въ одной урнѣ вращается жребій всѣхъ человеквъ , и единая ладья перевезетъ насъ въ вѣчное зашоченіе.,,

Вошь подражаніе сей одѣ Г. Жуковскаго:

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
 И въ счастіи неслѣплень :
 На мигъ намъ жизнь безсмертны дали ;
 Всѣмъ пушь къ Тенару проложенъ !
 Хошь бѣ заботы насъ помили,
 Хошь бѣ Токайское вино
 Мы нѣжася на дернѣ, пили —
 Умремъ ! пакъ Діемъ суждено !
 Несижъ сюда, гдѣ пополь съ ивой
 Изъ вѣпвій соплешающъ кровь,
 Гдѣ вьешся ручеекъ игривой
 Среди излучисщыхъ бреговъ ,
 Вино, и масши аромашны ,

---

*) Древнѣйшій Царь Аргосскій.

И розы, дышущія мигъ!
 О Делій! годы не возвращны!
 Играй—пока ниши дней своихъ
 У черной Парки подъ перспами!
 Ударись часъ—всѣму конецъ!
 Тогда, просни и лугъ съ снадами
 И швой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
 И соловья пріятны прели
 Въ лѣсу вечернею порой,
 И звукъ паспущеской свирѣли,
 И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
 Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
 Вокругъ дерноваго спола,
 Спучимъ спаканами въ спаканы,
 И пьемъ изъ чистаго спекла
 Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье!
 Играй! шаковъ еспь мой совѣшь!
 Не годы жизнь, а наслажденье!
 Кипо счастье зналъ, шопъ жидъ сно лѣшь!
 Пусшь быспрымъ, лишь бы свѣплымъ,
шюкомъ
 Промчашся дни чрезъ жизни лугъ;
 Пусшь смершь зайдешъ къ намъ не нарокомъ
 Какъ добрый, но *нежданый* другъ!

Не нужнымъ почишаемъ болѣе помѣ-
щаясь здѣсь опечесшвенныхъ примѣровъ
оды. Чипашели сами найдуть ихъ въ со-
чиненіяхъ Ломоносова, Пепирова, Держави-
на, Дмипріева, Капниста, Жуковского,
Мерзлякова, Воспокова и пр. и пр.

ОКОНЧАНІЕ. См. *Совершеніе*.

ОКРУЖЕНІЕ, Epanalepsis. Въ Римпори-
кѣ, фигура рѣченій: соспоишь въ томъ,
когда періодъ начинаешся и оканчиваеш-
ся однимъ словомъ. — См. *Повтореніе*. —
На пр:

Слезой я каждый день встрѣчаю

И кончу каждый день *слезой* . . . . .

или

Узнала вишня она

И брапа съ ужасомъ *узнала* . . . . .

ОМОНИМЪ. Недавно изобрѣшенъ въ
Германіи новый родъ загадки, названной
по Гречески *омонимѣ*, а по Нѣмецки Gleich-
name, чпо значить *Тождесловѣ* или *Соу-
менникѣ*. Загадка сія дѣлаешся такимъ об-
разомъ: должно найти слово, которое имѣ-
ло бы разлчныя значенія, и каждому изъ
сихъ значеній дѣлашь особенное опредѣле-

ніе по правиламъ проспыхъ загадокъ, шо есть, спарашься, чшобы оныя опредѣленія не были ни слишкомъ ясны, ни слишкомъ темны и запруднишельны для опгадыванія. Вошь Нѣмецкой *Омонимб*.

Jch, die ich Witz und Scherz,
Musik und Tanz dir schende
Zugleich für Aug und Herz
Gar lustige Bilder sinde;
Jch bin es auch, die, oft
Tod und Verderben bringt;
Dem Helden unverhofft
Ein todten Liedchen singt.

Для лучшаго уразумѣнія приведемъ переводъ буквальный сего Омонима:

„Я доспавляю тебѣ оспроуміе, шушку, музыку, пляску и пріяпнѣйшія каршины для глазъ и сердца; я спакже и шѣмъ бываю, чшо часно смершь и разрушеніе приносипть, и герою нечаянно надгробную пѣсенку воспѣваешь.,,

Омонимъ сей заключаешся въ словѣ *редутб*, *Redute*, имѣющемъ два значенія: въ первомъ случаѣ оно приняшо здѣсь за собраніе или общество, куда съѣзжающся для танцовъ и для другихъ удовольствій; а

попомъ за воинскій перминъ, означающій
нѣкопорый родъ крѣпостнаго укрѣпленія.

На Русскомъ языкѣ первые Омонимы
появились въ прошедшемъ 1819 году—въ
Журналѣ Г. Измайлова подъ названіемъ
Благонаимѣренный. Слѣдующіе, помѣщенные
въ означенномъ Журналѣ, написаны были
нарочно для сего Словаря :

1.) Есть вещь преспранная, и вопшь ея при-
мѣша :

Въ шемницѣ находясь, она не видишь свѣша;
Хопише ли шогда ея освободишь?

За шрудъ пріятношью васъ можешь наградишь.
Но бойшесь вы ея, когда она лешаетъ :

До смерти убиваетъ.

Сей Омонимъ значить *ядро* ; въ пер-
вомъ случаѣ — *орѣховое*, во второмъ — *пу-
шетное*.

2.) Меня въ нашурѣ нѣшь; одиеть лишь шоль-
ко знакъ,

Но солнышко сго не обойдешъ никакъ.

Меня встрѣчаеше съ предлинными усами,

Хожу я по землѣ и плаваю въ водѣ

Меня жь—чипашели! вы согласишесь сами—

Дай Богъ вамъ не имѣшь и не видашь нигдѣ.

Ракѣ. — Слово сіе принято здѣсь въ прехъ знаменованіяхъ, означающихъ *знакъ Зодіака, животное и болѣзнь.*

Слѣдующій *Омонимъ* имѣеть четыре значенія :

3.) Вещь чудную во мнѣ, чиншатель, ты найдешь ,

Когда подробнѣе разсмошришь, разберешь,
Мои различныя дѣянія и свойства :

Я часно въ война вселяю духъ геройства ;

Небесныя пѣла извѣсны спали мной ;

Огня ты не спрашись погда, какъ я съ тобой ;

При помъ же иногда шакъ высоко бываю ,

Что храмы и дворцы ногами попираю ;

Имѣю сходстввенность съ людьми—и вопъ она :

Наружность бѣлая, а внутренность черна.

Т. е: *труба* — она бывають *воинская, зрительная, пожарная, пегная.*

ОНОМАСТИХЪ, *onomasticum*. Слово Греческое--спихъ, прославляющій чьелибо имя.

ОПЕРА. Опера есть сочиненіе Драмашическое, въ которомъ соединяюся всѣ изящныя искусства, какъ то, поэзія, живопись и музыка. Поэзіею пѣняется умъ,

музыкою слухъ, а живописью глаза; всё же вмѣстѣ прогаюшь сердце и производяшь чрезъ различные органы одинакое дѣйствіе. Сіе прекрасно объяснено въ слѣдующихъ стихахъ Вольпера :

Où les beaux vers, la danse, la musique ,
L'art de tromper les yeux par les couleurs ,
L'art plus heureux de séduire les coeurs ,
De cent plaisirs divers font un plaisir unique.

Опера можешь имѣшь предметомъ важныя, шупочныя, чудесныя или сверхъестешественныя происшешвія. Пишешся иногда прозою вмѣстѣ со стихами, полагаемыми на голосъ, иногда же вся стихами. Стихи полагаемые на голосъ называются *аріями*.

Арія одноголосная называется *соло*; изъ двухъ голосовъ—*дуо* или *дуэтъ*; изъ шрехъ *тріо* или *терцетъ*; изъ чешырехъ—*квартетъ*; изъ пяши—*квинтетъ*. Всѣ сіи слова взяшы изъ Ишпанскаго языка.

Въ Операхъ, наиболѣе Ишпанскихъ, упошребляюшся еще *регитативы*, копорые соспоашъ изъ стиховъ, произносимыхъ безъ пѣнія, но вмѣстѣ съ музыкою.

Опера, шакже какъ и прочія Драмашическія произведенія, раздѣляешся на

дѣйствія (акты) и на явленія (сцены), и дѣйствій можешь имѣть опъ одного до пяти. Правиль требуетъ такихъ же, какъ и всѣ театральныя сочиненія, п. е. имѣть узелъ, развязку и пр. выключая однакожь правилъ единства, кои въ другихъ Драма-тическихъ твореніяхъ соблюдаются съ большею строгостію.—См. *Драма и Драматическій*.

Вольперъ, въ предисловіи къ Трагедіи своей *Едипъ*, такъ пишетъ объ Оперѣ:

„Опера есть представленіе спольже странное, сколь великолѣпное — представленіе, которое болѣе нравится глазамъ и слуху, нежели уму, въ которомъ подчиненность музыкѣ дѣлаешь необходимыми самыя смѣшныя погрѣшности, въ которомъ должно пѣть пѣсенки при разрушеніи города и плясать вокругъ могилы, въ которомъ видны бывающъ въ одно время дворцы Плутона и Феба, боги, черти, колдунны, чудовища, замки, сооружаемые и разрушаемые во мгновеніе ока. Терпящъ, даже любящъ сіи странности потому, что смотря на нихъ переносятъ себя мысленно въ страну волшебствъ; и ежели зрители находятъ пріятными украшенія театра, пляску, музыку, что все прочее за-

бывають, а особливо когда вспрѣтнтся сцена, способная пронуть сердце. Сколько же смѣшно пребывать въ Алцестѣ (извѣстная опера) единства дѣйствія, астіо, сколько въ Циннѣ или Родогюнѣ, чершей и плясокъ.—Однакожь, продолжаешь Вольперъ, хопя оперы изъемятся изъ правилъ единства, но можно почестъ лучшими изъ нихъ шѣ, въ которыхъ правила сіи менѣе бывають нарушены.,,

Опера, по содержанию своему, бываетъ либо *Комическая*, либо *Трагическая*. Комическая, показывая спрранности и пороки, смѣшитъ зрителей; Трагическая возбуждаетъ въ нихъ ужасъ и состраданіе. Трагическая опера называется иначе *Лирическая трагедія*.

Мы съ удовольствіемъ слушаемъ въ обыкновенной Трагедіи или Комедіи, Царей, героевъ, даже самыхъ просполудиновъ, говорящихъ *стихами*. Для чего же не допуститъ, чшобы сіи лица пѣли въ Оперѣ трагической, или комической? ежели мы предспавляемъ, чшо можешь бышь народъ *стихословный*, шо почему не бышь народу *пѣсенному*? рѣчь, составленная по извѣстному размѣру, нисколько не напуральнѣе пѣнія! къ шому же гораздо вѣрояш-

нѣе, что послѣднее предшесивовало первому. Слѣдовашельно, по самой убѣдипельной причинѣ можемъ предспавипшь себѣ шакую націю, копорая, вмѣсто обыкнов-енной рѣчи, упопреляспшь пѣніе;—а' потому не должны удивляшьса, когда изъ сей націи увидимъ и шакого человаѣка, копорый поешъ даже при послѣднемъ изды-ханіи.

Дѣйспвіе, или содержаніе (actio) оперы шрагической должно бышь Героическое, любовное и несчастпное, *иногда* чудесное—и симъ-по послѣднимъ качеспвомъ опли-чаешся она опъ наспоющей Трагедіи. Чудесное Оперы соспоипшь въ введеніи како-го нибудь божеспва, или сущеспва сверхъ-еспесшвеннаго, копорое дѣйспвовало бы вмѣстѣ съ обыкновеными лицами, къ чему весьма много можешъ способспвовать Ми-фологія.—Еще повпоряемъ, что въ сихъ сочиненіяхъ правило *единства* можешъ бышь нарушаемо безъ оскорбленія вкуса. Въ наспоющей Трагедіи каждый актъ со-держипшь часпъ цѣлаго дѣйспвія; здѣсь каждый актъ часно содержипшь особенное дѣйспвіе; здѣсь сцена можешъ перемѣняшьса при каждомъ актѣ, ибо въ оперѣ меж-ду прочимъ необходимо должно нравишьса

глазамъ зришелей разнообразностию картинъ. По сему послѣ блестящаго очарованнаго замка легко можешъ предсавишься спешъ самая ужасная или—послѣ изверженій огнедыщущей горы — поля разноцвѣшныя съ пріятными сельскими домиками и шому подобное. Словомъ сказаць, здѣсь всякое *чудесное* кажешся дѣломъ сбшшочнымъ, ибо воображаемъ, что шущъ дѣйствувешъ какое нибудь божешство, или по крайней мѣрѣ чародѣйство.

.Вообще опера пребуешъ слога легкаго, особливо въ Аріяхъ, гдѣ всякая прошивъ онаго погрѣшность, или самая малая негладкость, сверхъ непріятности для чшенія и для слуха, бываешъ неспособна для предложенія на музыку.—Впрочемъ необходимо, кажешся, самому сочинителю оперы знашь музыку; покрайней мѣрѣ желашельно, чтобы могъ онъ чувствовашъ всѣ дѣйствія, какія производитъ музыка въ разнообразныхъ своихъ измѣненіяхъ. Соображаясь съ оными онъ будешъ знашь какой размѣръ и даже какое сочешпаніе стиховъ должно употребить въ печальной или въ шшшочной аріи, въ дуэтѣ или въ квиншетѣ и пр. Сіе познаніе не мало

шпакже способствовашь можеть и къ чистотѣ слога.

О *танцахъ*. — Балеты и панцы приличны бывають въ оперѣ погда шолько, когда предспавляюся какія либо праздники. Изъ Ипаліанской оперы, важной опть начала до конца, они исключены совершенно; когда же и вводяпся между актами, шо ни сколько не принадлежатъ къ общему дѣйствію оперы, а иногда и со всемъ оному прошивны — что и соспавляеть украшеніе весьма спрпанное.

У Французовъ, у Нѣмцовъ, и у насъ, панцы и балеты упошребипельны, и могутъ бытъ какъ въ началѣ, такъ въ срединѣ и концѣ акта, шолько бы кспашп. Они приличны равно и въ проспомъ происшешвіи, и въ чудесномъ. Одни бывають шолько для забавы и могутъ назвашься *простыми*, а другіе—*характерными*, когда изображаютъ какое либо происшешвіе.

При семъ слѣдуетъ еще и по замѣшишь, что ежели зрпшель находпся въ безпокойствѣ и спрахѣ, произведенномъ въ немъ происшешвіемъ, шо сіи празднешва или забавы покажутъ ему скучны и несносны; если же они ему нравяпся, шо сіе служишь знакомъ, что содержаніе

пiесы не пронуло души его.—Для опвра-
щенiя сего надлежитъ спарашься, чтобы
дѣйствiе печальное или ужасное имѣло
промежушки, и чтобы одушевляющiя оное
сильныя спрасши возвращались иногда къ
спокойствiю и счастiю, подобно какъ въ
дни бурные и облачные бывають иногда
минушы пихiя и ясныя—словомъ: надле-
житъ сохранять порядокъ *натуральный*,
т. е. чтобы надежда слѣдовала спрашу,
безпокойству удовольствiю, удовольствiе
безпокойству съ шакою же легкостiю,
какъ шо происходить въ общеспвенной
жизни.

Дабы сдѣлать вышеприведенныя пра-
вила удобнѣйшими къ уразумѣнiю; пока-
жемъ здѣсь содержанiе одной извѣспнѣй-
шей и можно сказать образцовой Фран-
цузской оперы Господина Кино, подъ наз-
ванiемъ *Алцеста*.

Театръ начинается бракомъ Алцесты
и Адмета — и общее веселiе окружаешь
ихъ. Ликомедъ, Царь Скироса, съ опчая-
нiемъ смотря на счастiе соперника сво-
его Адмета, показываетъ однакожь при-
шворную радость; онъ приглашаетъ ново-
брачныхъ на праздникъ, нарочно для нихъ
успроенный. Алцеста всходитъ къ нему

на корабль—и онъ увозитъ ее въ глазахъ Адмета и Алкида. Смятеніе и горестъ за-
 спускаютъ мѣсто прежней радости. Ал-
 кидъ съ Адметомъ отправляется для ос-
 вожденія Алцессы и наказанія похищи-
 шеля. Осажденный въ Скиросѣ Ликомедъ
 сопрошвляется и не выдаетъ своей плѣн-
 ницы; въ продолженіи приступа царст-
 вуетъ повсюду ужасъ. Алкидъ разбиваетъ
 врага, городъ беретъ, Алцесса освобожде-
 на, радость возвращается съ нею—но на
 самое крапкое время. Адмета приводятъ
 смертельно раненаго; онъ при послѣднемъ
 издыханіи на рукахъ Алцессы. Тогда Апол-
 лонъ сходитъ съ неба, и объявляетъ, что
 ежели кто нибудь согласится умереть за
 Адмета, то судьбы возвратятъ ему жизнь.
 И такъ сладостная надежда снова засну-
 паешь мѣсто печали. Но нѣтъ никого же-
 лающаго пожертвовать собою за Адмета!
 между шѣмъ минула кончины его прибли-
 жается. Аполлонъ общаетъ воздвигнуть
 памятникъ тому, кто принесетъ себя на
 жертву Адмету: надежда въ окружаю-
 щемъ его народѣ производитъ нѣкоторую
 радость.—Спусти нѣсколько времени па-
 мятникъ появляется, и въ находящемся
 на ономъ изображеніи Адметъ узнаешь

свою супругу. Весь замокъ оглашается жалобнымъ воплемъ: *Алцеста умерла!* Повсюду печаль и опчаяніе. Самому Адмешу несносна жизнь, шакою цѣною купленная. Приходишь Алкидь и объявивъ скрываемую имъ прежде любовь къ Алцестѣ, дѣлаешь шакое предложеніе, что ежели Адмешъ ее уступитъ ему, то онъ снѣдетъ въ адъ и принудитъ возвратитъ ее. Адмешъ соглашается—радость блеснула на всѣхъ лицахъ. Плупонъ, изумленный неуспрашимосцію и пронупый любовь Алкида, опдаешь ему Алцесту—новое всеобщее поржеспво! но лишь шолько Адмешъ увидѣлъ свою супругу, какъ и вспомнилъ ужасную обязанность свою уступитъ ее другому: ихъ прощаніе производитъ уныніе и гореспъ. Алцеста подаетъ руку своему избавителю, Адмешъ удаляется, Алкидь оспановляетъ его, и самъ опказываетъ опъ полученной имъ награды.....

Non, non, vous ne devez pas croire,
 Qu'un vainqueur des tyrans soit tyran à son tour;
 Sur l'Enfer, sur la mort j'emporte la victoire;
 Il ne manquait plus à ma gloire,
 Que de triompher de l'amour.

*

ш. е. нѣтъ, не мысли, чтобы побѣдишь пирановъ самъ сдѣлался пираномъ. Я одержалъ побѣду надъ адомъ и смертію! къ славѣ моей одного только недоспавало — воспоржесіювашъ надъ любовью.

Сказавъ сіе, онъ соединяетъ Адмета съ Алцеспой.

Легко можно видѣть, что въ составленную такимъ образомъ *Басню* не трудно ввести забавы и праздники. Надобно только избѣгать излишества, а для сего не должно всегда слѣдовать принятому обычаю, раздѣлять оперу на пять *актовъ*: доспапочно и чешырехъ, и даже шрехъ. *Ипаліанцы*, опличающіеся въ семь родѣ, служатъ пому примѣромъ. Большая часть ихъ *Лирическихъ Трагедій* имѣетъ не болѣе шрехъ *актовъ*. Когда же опера въ шрехъ *актахъ*, то пусть одинъ изъ нихъ представляетъ зрѣлище великолѣпное, важное, прочіе могутъ быть украшены какими либо забавами. Въ оперѣ болѣе всего плѣняетъ разнообразность.

О декорацияхъ. — Декорации также составляютъ въ спервъ часть удовольствія, приносимаго ею глазамъ зрителей. Само собою разумѣется, что происшествіе, исполненное *тудеснаго*, способнѣе для укра-

шеній всякаго рода, нежели происшествія, взятыя изъ исторіи — на примѣръ, въ сужденіи переменны мѣспа: когда происшествіе имѣеть основаніе *натуральное*, по и переменна мѣспа не иначе послѣдовашь можешь, какъ чрезъ шакія же натуральныя средштва; ибо въ натурѣ время, пространство и скоростъ имѣють неизмѣняемыя между собою соотношенія. Можно придашь *нѣкто* скоросты, можно распространить *нѣсколько* время, но со всемъ шѣмъ переменна мѣспа не иначе можешь бышь, какъ въ продолженіи назначеннаго для того времени, шо ешть, между акшами, или шогда, какъ всѣ дѣйствующія лица уходяшь со *сцены*; въ происшествіяхъ же *чудесныхъ* все сіе можешь совершашься внезапно, въ одно мгновеніе, какъ въ присутствіи дѣйствующихъ лицъ, шакъ и безъ оныхъ.

О Русскихъ операхъ. Мы обязаны появленіемъ на нашемъ театрѣ оперы Александру Пепровичу Сумарокову. Въ царствованіе Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ написалъ онъ нѣчто похожее на оперу, подъ названіемъ *Прибѣжище добродѣтели*, баллетъ, въ пяпи часпяхъ или акшахъ. Тушь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ предспа-

влена Добродѣшель. Она спранспвовала по Африкѣ и Азїи, видѣла повсюду разврашъ и не находила себѣ приспанища. Наконецъ являешся Минерва въ образѣ Россїянки, и говоришъ ей :

Поди къ Монархинѣ ты прешяго свѣша,
Гдѣ щедро царспвуешъ шеперь ЕЛИСАВЕТА;
Подъ скипешромъ ЕЯ веселїя цвѣшущъ :
Найдешъ прибѣжище себѣ конечно шущъ и пр.

И попомъ поешъ :

На вспокѣ счастья нѣшъ,
На западѣ шьма бѣдъ,
Иду въ полночный свѣшъ.

Все сочиненїе оканчиваешся *хоролб* :

Здравспвуй, о ЕЛИСАВЕТА,
Царспвуй нами многи лѣша,
Буди счастлива всегда !

Ты намъ машъ, швои мы чада :
Небо дай, чшобъ Ей досада
Не коснулась никогда . . . . .

Въ 1764 году предспавлена была въ С. Пешербургѣ первая Опера его *Алцеста*,

кошорая, надлежишь признашься, не иное что еспь, какъ весьма слабая пѣнь вышепоказанной *Алцесты* Г. Кино: содержаніе сходствуетъ въ помъ единственно, что у Сумарокова Адметъ также долженъ умереть (но по какой причинѣ, объ этомъ не сказано), Алцестъа также за него жертвуетъ жизнію, Геркулесъ также сходитъ въ адъ, уводитъ ее опшуда безъ всякаго прекословія и возвращаетъ Адмету. Впрочемъ должно полагать, что Сумароковъ такою простиною происшествія принаравливался къ погдашнему недоспашку въ *декораціяхъ* и машинахъ театральныхъ.— Онъ написалъ много *Оперъ*; ему послѣдовали Аблесимовъ, Левшинъ, Княжнинъ, К. Горчаковъ и другіе. Сама ЕКАТЕРИНА въ юрора, вмѣсто опдохновенія послѣ дѣлъ государственныхъ, упражнялась въ сочиненіи *Оперъ*. Россійскій театръ, состоящій въ 20 томахъ, содержитъ нѣкоторыя произведенія сей безсмертной Государыни.

Изъ новѣйшихъ писателей особенно Князь А. А. Шаховской весьма много способствуетъ къ приведенію у насъ *Оперы* въ надлежащее совершенство. Его произведенія въ семь родѣ опличаются какъ естественностію содержанія, такъ и всѣми

принадлежащими оному (роду) украшеніями.

ОПИСАНІЕ. Descriptio.—Описание есть несовершенное и нешочное *опредѣленіе*, definitio. (См. *Опредѣленіе*). Оно показываешь нѣкоторыя свойства и обстоятельство вещи, достаточныя для полученія объ ней понятія и опличенія отъ другихъ вещей, не разбирая однакожь сосава ея и самой сущности. На примѣръ въ изображеніи челоука *Описание* не можешь служишь опвѣщомъ на вопросъ *что онѣ*, quid est; но опвѣщаешь на вопросъ *кто онѣ*, quis est.

Дабы сдѣлать *описание* подробнѣе и пріятнѣе, шо для сего надобно умѣшь избрать: 1) предметъ, который предсшавишь желаешь, 2) мѣсто, способнѣйшее къ предполагаемому дѣйствію, 3) время самое выгодное, ежели предметъ подверженъ измѣненіямъ, 4) обстоятельство, могущія предсшавишь избираемый предметъ въ желаемомъ видѣ яснѣе, и 5) прошивоположеніи, которыя могли бы оный возвысиль.

Описание раздѣляють на шесть родовъ: на Хронографію, Топографію, Прозопографію, Ифопію, Поршрешъ и Илошипозисъ.

1. *Хронографія* есть описаніе, представляющее какого либо происшествія время. *На прил:*

Уже съ вершинъ дравесъ сошла ночная пѣнь,
И ризу по горахъ раскинулъ свѣтлый день;
Румяное чело Аврорино сіяло;
Все въ мірѣ, мнишся, вновь раждашься начинало,

Когда въ преддверіе Россійскій Князь вступилъ . . . . .

Херасковъ. П. Влад.

У Державина въ Видѣніи Музы :

На темноглубомъ эфирѣ
Злашая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блิสгаючи съ высокою, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Злашая спекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ помною своей рукою
Мечпы различны рассыпалъ,
Кропя забвенія росую
Моихъ домашнихъ усыплялъ;

Вокругъ вся обласпъ почивала ,
 Пешрополь съ башнями дремалъ ,
 Нева изъ урны чупъ мелькала ,
 Чупъ Бельшъ въ брегахъ своихъ сверкалъ ;
 Природа въ шишину глубоку
 И въ крѣпкомъ погруженна снѣ ,
 Мершва казалась слуху, оку ,
 На высотѣ и въ глубинѣ ;
 Лишь вѣяли одни зефиры
 Прохладу чувспвамъ принося .
 Я не спалъ . . . . .

Слово сіе происходить опъ *χρῆσις* вре-
 мя. и *γράφω* пишу или описываю .

2. *Топографія* еспъ описаніе мѣспа со
 всѣми подробносшями. — Херасковъ пакъ
 описываесть спрашное мѣспо Зломирова
 жилища :

Со берегу надъ рѣкой угрюмый лѣсъ нависъ ,
 И выдался въ водѣ крушой безплодный мысъ ;
 Тамъ видима въ пѣни кремнистая пещера ,
 Кругомъ ея распешъ кудрявая Есдера ;
 Изсохши дрeвеса дрожащу мешупъ пѣнь ,
 Пещеру никогда не посѣщаесть день ;
 Тамъ кажешся ночныхъ жилище привидѣній ,
 Убѣжище шоски, вершешъ печальныхъ мнѣній ;

Тамъ мягкій одръ себѣ усстроилъ шомный сонъ,
И скука мрачная соорудила шренъ ;

Тамъ царшвуюшъ всегда нахмуренны шуманы,
Слѣпающся кругомъ спадами черны враны:
Зломиръ шамъ обишаль . . . . .

И описаніе лѣса :

Гдѣ, кажешся, просперишь покровы шомный сонъ,
Трепещущи лиспы даюшъ печальный спонъ ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣюшъ ,
Гдѣ вянушъ всѣ цвѣшы , кустарники желшѣ-
юшъ,

Не молкнешъ шумъ и спукъ, гдѣ вѣчно спрахъ
не спишъ

И молнія древа колеблешъ, жжешъ, разипшъ ;
Лѣсь воешъ—адъ ему спенаньемъ ошвѣчаешъ . . .

Въ поэмѣ Пушкина *Рцсланѣ и Людмила*
шакъ описаны сады волшебника Черномо-
ра, похищившаго Людмилу :

Роскошно зыблюшся , шумяшъ
Великолѣпныя дубровы ;
Аллеи пальмъ и лѣсь лавровый ,
И благовонныхъ миршовъ рядъ ,
И кедровъ гордыя вершины ,
И золотыя апельсины

Зерцаломъ водъ опражены ;
 Пригорки , рощи и долины
 Весны огнемъ оживлены ;
 Съ прохладой вѣшся вѣсперь Майскій
 Средь очарованныхъ полей ;
 И свищеть соловей Кипайскій
 Во мракѣ препенныхъ вѣпвей ;
 Лешяпъ алмазные фоншаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ ;
 Подъ ними блещуть испуканы ,
 И мнипся , живы ; Фидій самъ
 Пипомецъ Феба и Паллады ,
 Любуясь ими , наконецъ
 Свой очарованный рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады .
 Дробясь о мраморны преграды ,
 Жемчужной , огненной дугой
 Валяпся , плещуть водопады ,
 И ручейки въ пѣни лѣсной
 Чуть вьюпся сонною волной .
 Приюпъ покоя и прохлады ,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и шамъ
 Мелькаюпъ свѣшлыя бесѣдки ;
 Повсюду розъ живыя вѣшки
 Цвѣтущъ и дышущъ по шропамъ ,

Усѣяннымъ пескомъ алмазнымъ;—
Игривымъ и разнообразнымъ
Волшебствомъ дивный садъ блеспишь.

и пр.

Сюда же принадлежишь и слѣдующее опи-
саніе поля битвы, въ той же поэмѣ:

.....

Трепещешь вишь по неволѣ:
Онъ видишь старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и шамъ
Желшьютъ косши; по холмамъ
Разбросаны колчаны, лашы;
Гдѣ збура, гдѣ заржавый щипъ;
Въ косняхъ руки здѣсь мечъ лежишь;
Травой обросъ шамъ шлемъ космашный
И старый черепъ шлѣшь въ немъ;
Богатыря шамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежишь недвижимый, копя, спрѣлы
Въ сырую землю вонзены
И мирный плющъ ихъ обвиваешь.....

Слово Топографія происходитъ отъ
τόπος, мѣсто, и *γράφω* пишу или описываю.

3. Прозопографія имѣеть предметомъ

описаніе наружнаго вида какого либо чело-
вѣка или живошнаго.

Херасковъ въ поэмѣ *Владиміръ* шакъ
изображаешъ діавола :

Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плошь сгущенный
мракъ,

Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;....
Убийство взоръ его, дыханіе оправа,
Ушѣха общій плачь, мучительсшва забава и пр.

Въ сказкѣ Г. Каменева *Громова* шакъ
же искусно изображенъ волшебникъ *Зло-*
марь :

Грозные взгляды—комешы во шмѣ,
Мѣдь на немъ—панцырь, свинець—булава,
Сѣрой мохъ по болошу—брада у него,
Черной лѣсь послѣ бури—власы на челѣ.

У Державина въ изображеніи *Фелицы* :

Какъ упиренія заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвыщалась бы спройна.....

Коричными чело власами
 А перломъ перси осѣни;
 Премудроспъ и любовь успами,
 Какъ розы дышупъ, изъясни.....

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони злапы
 И въ мужесиво ея красы,
 Чшобъ шлемъ блиспаль на ней пернашый,
 Зефиры вѣяли власы..... и пр.

Слово прозопографія происходишь опъ
πρόσωπον видъ и опъ *γράφω* пишу или опи-
 сываю.

4. *Ифоня* еспъ изображеніе внушрен-
 нихъ качеспвъ, какъ шо добродѣтелей и
 пороковъ. Слѣдующіе примѣры взяшы изъ
 Епическихъ пвореній Хераскова:

Изображеніе Адашева.

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣшущи
 лѣша
 Казался при дворѣ какъ нѣкая планеша,
 Вспушающа въ свой пупъ изъ незнакомыхъ
 мѣспъ
 И рѣдко зримаа среди горящихъ звѣздъ;
 Придворные его съ досадоу угнѣшали,
 Но внушренно его сердцама почишали.

Адашевъ счастья обманы презираль ,
 Мірскія пышности ногами попираль ,
 Лукавству былъ врагомъ , ласкашельствомъ
 гнушался и пр.

Изображеніе Рогдая.

Рогдай прославился во подвигѣ геройскомъ ;
 Онъ въ браняхъ управлялъ Владиміровымъ
 войскомъ :

Онъ славою во всей подсолнечной гремѣль ,
 Но качества нравственныхъ похвальныхъ не
 имѣль .

Ко просвѣщенію шопъ смертныхъ не годился ,
 Кто мужествомъ однимъ и силами гордился ;
 Удобень и проспой во брани воинъ бышь ,
 Который кровь врага безспрашно можешь лишь .
 Рогдай теперь пришелъ въ опечество опъ
 Грековъ ,

Превыше чпилъ себя всѣхъ прочихъ человѣ-
 ковъ . . . . .

Онъ аспидъ сердцемъ былъ , а храбростію левъ .
 и пр.

Слово *Ифонія* естъ Греческое : *Н'Фопία*, *τοῦτον fictio*, изображеніе, изобрѣшеніе нравовъ ; опъ *Н'Фος* *mos* , *indoles* , нравъ и

ποιέω facio, fingo, пворю, изобрѣпаю:—Квинпилианъ называетъ Ифопію: *imitatio morum alienorum*.

5. *Портретъ*. Симъ именемъ называется описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ истиннаго или вымышленнаго лица; слѣдовательно портретъ есть соединеніе Прозопографіи съ Ифопією.

Вымышленные портреты должны быть правдоподобны, а снятые съ природы должны имѣть основаніемъ истину.

Примѣръ изъ Саллюстія.

Луцій - Капилина, происшедшій отъ знаменитыхъ предковъ, имѣлъ твердый духъ и крѣпкое шѣло, но злой и развращенный нравъ. Набѣги, убійства, воровство, гражданскія распри были для него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ весьма пріятны. Невѣрояшно, до какой степени переносилъ онъ голодь, морозъ, и какъ долго могъ не спать. Онъ былъ человекъ смѣлый, хитрый, уклончивый, скрытный, прищворный, завидующій имѣнію ближняго и свое собственное распочающій; неисповый въ спрасяхъ своихъ; говорившій свободно и мало имѣвшій разсудка. Слѣ

предсавляешъ прекраснѣйшіе примѣры
сего рода описаній. Такъ говоришь онъ о
великомъ полководцѣ нашемъ *Кутузовѣ-
Смоленскомѣ* и о нѣкопорыхъ сподвижни-
кахъ его :

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный рапникъ вихрь и дождь
И прудъ дѣлишь онъ съ нами!
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ,
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ . . . . и пр.

Хвала нашъ вихорь-ашаманъ !
Вождь невредимыхъ Плашовъ !
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопоспашовъ !
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь спрахомъ въ пыль врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь . . . . . и пр.

А ты, Кушайсовъ, вождь молодой!
Гдѣ прелеспи? гдѣ младосшь?
Увы! онъ видомъ и душой

Прекрасенъ былъ какъ радость.
 Въ бронѣ ли грозной выспуналь —
 Бросали смерть перуны;
 Во спруны ль арфы ударяль,
 Одушевлялись спруны . . . . .

Сюда же принадлежатъ и сіи стихи
 К. Горчакова.

Въ сердца мужчинъ вливаешь любовь,
 А въ женщинъ зависть и досаду;
 Зажечь единымъ взглядомъ кровь,
 И тѣмъ же взглядомъ дать отраду;
 Быть умницею не гордись,
 Красавицею не рядясь,
 Имѣешь и видъ и нравъ небесной . . . . .
 Вотъ Хлоюшки поршреть нелестной!

Примѣч. Въ швореніяхъ важныхъ не должно описывать наружнаго вида про-
 спранно, а надобно спараться избирашь
 однѣ только самыя разительныя черты.
 Такъ поступали Гомеръ, Виргилій и Тассъ,
 пошому что главнсе дѣйствіе не позволя-
 ло имъ занимать мѣлками подробностями.
 Напрошивъ шого въ стихотвореніяхъ
 нѣжныхъ, или шупочныхъ, позволишельно
 поэшу ошановишься и предспавишь пор-

третѣ со всѣми опшѣнками. Такъ у Дми-
тріева возвратившійся къ семьѣ своей мы-
шенокъ рассказываетъ, что онъ перебрав-
шись черезъ гору

Вдругъ съ розмаху на двухъ живописныхъ на-
бѣжалъ:

Какіе звѣри, самъ не зналъ;

Одинъ шакъ смиренъ, добръ, шакъ плавно
высупалъ,

Такъ миловиденъ былъ собою!

Другой—нахаль, крикунъ; шеперь лишъ буд-
шо съ бою;

Весь въ перьяхъ; у него космашый крюкомъ
хвощъ;

Надъ самымъ лбомъ дрожищъ нарощъ

Какой-то огненнаго цвѣша,

И будшо двѣ руки, служащи для полеша;

Онъ ими шакъ махаль,

И шакъ ужасно горло дралъ,

Что я шаки не шрусъ, а подавай Богъ ноги—

Скорѣ опъ него съ дороги.

Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ

Нашель насшавника и друга;

Въ глазахъ его была написана услуга;

Какъ шихо шевелиль пушисшимъ онъ хво-
спомъ!

Съ какимъ усердіемъ бросаль ко мнѣ онъ взоры,
Смирены, крошкіе, но полные огня!

Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка песпрая, и вдоль спины узоры;

А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна бышь симпатія съ нами,
Высокородными мышами.....

6. *Ипотипозисб* еспъ изображеніе ка-
кого либо дѣйспвія.—Херасковъ говоритъ
объ Аспалонѣ:

Пошелъ въ средину онъ, покрышь броней зла-
пою,

И палицей народъ раздвинуль предъ собою.
Какъ гласомъ многихъ шрубъ вѣщаль Казан-
цамъ онъ:

Се въ помощь къ вамъ пришелъ беспспрашный
Аспалонъ.

Я слѡва украшашъ цвѣтами не умѣю,
Но храброспъ лишь одну и силу я имѣю.
При сихъ словахъ съ земли онъ камень под-
хвашилъ,

Который множеспвомъ поднятъ неможно силъ,
Одной рукой его посспавиль надъ главою.

Кто силой одаренъ, вѣщаль онъ, шаковою?
 Повергъ онъ камень сей опъ круга далеко,
 И въ землю часть его уходитъ глубоко.

У Державина въ спихахъ на выздоровленіе Мецената :

Ко берегу лодка приплывала,
 Приблизилась она ко мнѣ;
 Тѣнь бѣлая на ней мѣлкала
 Какъ образъ мраморный во шмѣ.
 Упихъ шумъ роць, умолкъ ревъ водный,
 Лишь спонущъ въ пишинѣ часы,
 Сспремился пошъ по мнѣ холодный
 И дыбомъ възспающъ власы;
 На брегъ изъ лодки вылезаетъ
 Спарикъ угрюмой и сѣдой,
 И озираясь подпираетъ
 Себя ужасною косою.
 Тогда по берегу раздалися
 Надгробный плачь и вой людей,
 Ошвсюду къ спарику сошлись
 Безчисленны шолпы шѣней;
 Прискорбны, блѣдны и безгласны
 Онѣ, пошупя взоры, шли;
 Цѣцями Фуріи ужасны

Къ морскому берегу ихъ вели.
 Шарикъ кровавыми когтями
 Къ себѣ на лодку ихъ влечешь. . . . . и пр.

•

Слово *Ипопипозисъ*, *ἰποπύπωσις*, происходитъ отъ предлога *ὑπό*, подъ, и глагола *τυπῶω*, изображаю.

Вообще надлежитъ примѣчать, что ежели *описание* не въ состояніи обратитъ большаго вниманія читателей, по должно дѣлать оное какъ можно короче—избирая однѣ разительнѣйшія обстоятельствова.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ.— *Описательная поэма.*— Сей родъ поэмъ, называемыхъ нынѣ *описательными* или *дескриптивными*, не былъ извѣстенъ древнимъ поэтамъ. Они не производили описательныхъ *поэмъ*, но славились описательною *поэзіею*.

Что же есть поэма *описательная*? — Всѣ поэмы, говоритъ Мармонтель, какъ то *Епическая*, *Дидактическая*, *Драматическая*, и всякой принадлежащій къ нимъ родъ поэзи, на примѣръ *Елегія*, *Идиллія*, *Еклога*, *Еписпола* и пр. непременно должны заключать въ себѣ *описанія*; но когда поэтъ не имѣетъ другаго намѣренія, другою цѣлю, какъ только *описывать* все

вспрѣчающееся его взорамъ, *описывать* для того только, чтобы *писать*, по ежели самъ онъ не успанеть, по крайней мѣрѣ скоро упомишь читашелей.—Всякое благо-разумно расположенное сочиненіе, продол-жаешь означенный писатель, должно обра-зовать *цѣлое*, котораго бы всѣ часни были между собою связаны, котораго бы среди-на соотвѣтствовала началу и конецъ сре-динѣ: таковы правила Аристотеля и Го-рація (Primo ne medium, medio re discrepet inquit. — Hor.); но въ поэмѣ *описательной* нѣтъ ни цѣлаго, ни порядка, ни соотвѣт-ственности между часнями. Каждое изъ ея описаній въ особености могло бы понра-виться, но множество описаній собранныхъ вмѣстѣ не иному чему уподобить можно, какъ шакому свиску, въ которомъ бы скле-яны были всѣ Вернеповы карпины. *Опи-сательную поэму* можно почестъ только собраніемъ опытовъ стихотворца, кото-рый говошися помѣстивъ въ правиль-номъ и полномъ сочиненіи богатство и красоты нѣжнаго и пріятнаго слога.

Мармоншель говоришь справедливо: Собственно такъ называемая *Описатель-ная поэма* должна быть скучна для вся-каго читателя. Но Мармоншель не воору-

жається пропивъ *описательной* поэзіи, которая вспрѣчається, какъ сказано выше, въ другихъ поэмахъ, или которая имѣеть въ предметѣ что нибудь другое, кромѣ однѣхъ *описаній*.

Описательная поэзія занимается наиболѣе природою и ея дѣйствіями и говоришь объ нихъ со всевозможною подробностію; по чему авторъ, желающій оплещиться въ семь родѣ, обязанъ, сверхъ правилъ пребуемыхъ *описаніями* (см. описаніе), имѣть обширныя свѣденія и въ Физикѣ и въ Естественной исторіи.

*

Описательная поэзія, равно какъ и всякая другая, должна прогашь сердце наше и внушашь полезныя испины и пріятныя чувствованія. Зрѣлище природы можеть производишь въ насъ различныя движенія.

Въ изображеніяхъ видимой Физической природы должно поступашь шакъ, какъ Гомеръ, Тассъ и лучшіе драматическіе спихотворцы поступали въ изображеніяхъ нравственной природы: надлежишь ее увеличипь, украсипь и сдѣлашь привлекательною.

Вы *увеличите* природу, когда что-либо прибавите къ обыкновенному ея величію, или покажете пакія слѣдствія опть ея дѣйствій, копорыя превосходящъ истинно-послѣдовавшія; но ежели планъ вашъ не позволяешъ вамъ часпо представлять ее въ такомъ положеніи, шо помѣщайте между сельскими описаніями мысли о проспанствѣ, о всеобщемъ порядкѣ, о движеніи, о безконечномъ.....

Вы *украшите* природу, когда представите вмѣстѣ красоты ея и богатство: пакъ поскупилъ Овидій въ описаніи Темпейской долины; пакъ описывали: Гомеръ сады Алкиноя, Аріостъ островъ Алцины; Тассъ островъ Армиды; Мильпонъ Эдемъ.

Вы содѣлаете природу *привлекательною*, если изобразите ее въ сношеніи съ существами чувствительными; когда въ описаніяхъ разсѣете нѣкоторыя Физическія и нравственныя истины, могущія служить къ просвѣщенію: правила порядка, чувства благородныя—и наконецъ ежели будете изображать только шо, что сами дѣйствительно ощущаете.

Противоположности въ описаніяхъ также производящъ не малое удовольствіе. Изобразите густой, прохладной лѣсъ

послѣ описанія чрезмѣрнаго жара; чипашель охотно послѣдуетъ за вами подъ шѣнь, ему пріятно будетъ укрыться опть палящаго солнечнаго зноя. Противоположности вообще нравятся, когда производяшь нсвое чувсшво.

Противоположности веселаго прекрасному, величественнаго пріятному, пріятнаго унылому, не производятъ сильныхъ движеній, но токмо нравятся своимъ разнообразіемъ—о копоромъ должны вы спараться въ продолженіи всего вашего сочиненія.

Противоположности же превосходнаго и ужаснаго веселому и прекрасному наиболѣе способны производить впечатлѣнія, но не должно употреблять оныхъ часто, во первыхъ пошому, что противоположности сіи рѣдко встрѣчаются въ самой природѣ; во вторыхъ пошому, что первое дѣйствіе, производимое въ насъ превосходнымъ, *высокимъ*, есть удивленіе, а ежели высокое или превосходное часто употреблено будетъ, то перестанешь наконецъ удивлять.

Должно представлять красоты сего рода для шого только, чтобы изрѣдка пробуждать чувсшвишельность чипашеля.

По испытаніи страха, нѣкотораго неудовольствія или удивленія, онъ сдѣлается чувствительнѣе, сильнѣе ощутишь пріятныя впечатлѣнія.

Но какъ непрерывныя описанія сельской природы упомянутъ вниманіе всякаго читателя, даже самаго пристрастнаго къ полямъ; но надлежитъ для разнообразія представлять и самаго жителя полей, его обычаи, шруды, печали и удовольствія.—Таковыя Эпизоды, приравненные къ сельскимъ видамъ, придадутъ большую пріятность вашимъ описаніямъ.

Къ сему надлежитъ присовокупить, что между положеніемъ нашимъ, или состояніемъ души, бываетъ весьма примѣтная сходственность съ мѣстами, явленіями и состояніемъ природы.

Изобразите несчастнаго посреди скалы, покрытой скалами, въ мрачныхъ лѣсахъ, близь стремнины воды и пр. Ужасы сіи произведутъ впечатлѣніе, которое соединяясь со впечатлѣніями страха или соспраданія, несчастьемъ производимыми, скорѣе разстрогаетъ читателя.

Изобразите влюбленныхъ молодыхъ людей подъ зеленымъ сводомъ деревъ, на лугу испещренномъ цвѣтами, въ странѣ

счастливой, подъ крошкимъ и яснымъ небомъ . . . . красота природы удваивъ сладостныя чувствованія, родящіяся при видѣ карпинъ, исполненныхъ любовію.

Бываютъ еще другія сходственности, но онѣ могутъ предшавишься воображенію всякаго писателя.

Вы можете иногда противоположить состояніе лица мѣсту, гдѣ происходитъ дѣйствіе; помѣстите удовольствіе среди ужасовъ, печаль въ восхищительныхъ садахъ — и тогда вы изобразите карпины, движущія душу двойкимъ образомъ — чувствительностію и мечтаніемъ.

Впрочемъ *Описательная поэзія* должна также способствовать и къ нашему наставленію; ибо въ какой бы то ни было поэмѣ, сочинитель обязанъ имѣть нравственную цѣль: чрезъ сіе поэма пріобрѣтаетъ новое достоинство — и удобнѣе сохраняетъ единство какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Примѣры см. въ слѣдующемъ *Описаніи*.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ. Definitio.—Опредѣленіе бываетъ двойное 1) Логическое, 2) Риторическое или пиитическое.

Опредѣленіе *Логическое* есть понятіе

о вещи, не только раздѣльное, но и полное, словами изображенное; самая же вещь такимъ образомъ изображенная, называется *опредѣляемымъ*, *definitum*. Съ опредѣленіемъ не должно смѣшивать *описанія*, *descriptio*, которое есть изображенное словами понятие о вещи раздѣльное, однако не полное. Почему *описание* отъ *опредѣленія* шѣмъ различно, что послѣднее означаетъ шѣ принадлежности вещи, по которымъ ее всегда отъ всѣхъ другихъ вещей отличить можно (г); напрошивъ сего *описание* показываетъ шакія свойства, по которымъ вещь можно отъ другихъ вещей отличить въ нѣкоторыхъ шокмо обшьяшескихъ (в).

(а) Въ опредѣленіи *Логическомъ* должны быть изчисляемы однѣ шѣ свойства вещи опредѣляемой, которая она имѣетъ всегда, и безъ которыхъ она не можетъ быть болѣе шкою вещію. *На пр:* въ опредѣленіи человека довольно сказать, что онъ есть *животное разумное*, ибо быть животношнымъ разумнымъ есть шакое свойство человека, безъ котораго человекъ не можетъ быть болѣе человекомъ: опнимите первое ш. е. *животное*, шо чело-

вѣка, оставягаюся съ послѣднимъ своимъ свойствомъ *разумностию*, можно будешь почестъ духомъ: опнимите же у него *разумность*, по оставшись однимъ *животнымъ* безъ разума, будешь какимъ нибудь *безсловеснымъ*.

(б) Напротивъ сего описаніе вмѣщаетъ все то, что объ вещи можно сказать, хотя и не всегда *на пр*: сонъ есть облегченіе печали, награда дневныхъ трудовъ, изображеніе смерти и пр. Такими описаніями исполнены сочиненія *ораторовъ* и *стихотворцевъ*.—

Рижскій.

Опредѣленіе *Риторическое*, состоящее одну изъ фигуръ предложеній, есть расположеніе свойствъ или дѣйствій вещи такимъ образомъ, чтобы можно было дать объ ней ясное и опличительное понятіе. Опъ *Логическаго* опредѣленія различенъ шѣмъ, что въ немъ не пребуется самый ближній родъ и крайнее различіе опредѣляемой вещи опъ прочихъ существъ. Оно состоитъ изъ мѣстъ *риторическихъ*, какъ то: опъ дѣйствія, опъ ушвержденія и оприданія, опъ сравненія и пр. на прим: *краснорѣчіе* есть искусство, состоящее

въ изобрѣшеніи, расположеніи, израженіи и произношеніи. — Наука есть ясное познание истины; просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, спароспи подпора, спроишельница городовъ, полковъ крѣпость, ушѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безошлучный спутникъ. — Онъ въ домѣ опецъ, во градѣ Ликургъ, въ полѣ Гекторъ, въ морѣ Тифисъ.—*См. Риторики Ломоносова и Никольскаго.*

Опредѣленіе Поэтовъ и Орапоровъ показываетъ предметы согласно съ предполагаемымъ ими намѣреніемъ; изъ чего происходитъ, что одной вещи можно имѣть множество различныхъ опредѣленій, изъ коихъ каждое будетъ имѣть свою истину и точность. Двадцать живописцевъ, стоящіе вокругъ избранной ими модели, сдѣлають двадцать разныхъ изображеній отъ разноспи представляющихся имъ видовъ: разнообразность въ положеніяхъ нравспвенныхъ производить такую же разность въ опредѣленіяхъ Орапоровъ и Поэтовъ. Напропивъ шого опредѣленіе *Логическое* должно бытъ полно, всегда одинаково, единспвенно.

Примѣромъ *Питицкаго* опредѣленія
могушь служишь слѣдующіе стихи:

Опредѣленіе Вельможи.

Вельможу должны соспавлять
Умъ здоровый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власпи естъ,
Всѣхъ царспвенныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны бышь—польза, слава, честь.

Державинъ.

У него же въ одѣ *Богъ* находимъ пре-
красное опредѣленіе человѣка:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещеспва;
Я средоточіе живущихъ,
Черпа начальна Божеспва;
Я шѣломъ въ прахъ исплѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь—я рѣбъ—я червь—я Богъ.....

Жуковскій, въ стихопвореніи подъ назва-
ніемъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*,

показаль шакже весьма удачное опредѣленіе друга :

Блаженъ, кому Создатель даль

Усладу жизни—друга ;

Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ

Онъ сердцу утѣшенъе ;

Онъ наша совѣсть, онъ для насъ

Вшорое Провидѣнье.

ОРАТОРІЯ. Гармонія, соспоящая: 1) въ согласованіи словъ и слоговъ съ выражаемыми предметами, 2) въ сообразованіи слога съ предметомъ. Первое—есль согласованіе часпей выраженія съ часпями выражаемаго предмета; вшорое — согласованіе цѣлаго съ цѣлымъ.

Ораторію называется родъ небольшой Драмы, писанной для положенія на музыку. Хопя въ ней есль также *разговоры* и *явленія*, какъ и въ другихъ театральныхъ сочиненіяхъ, но *роли* чищаются или поются въ ней проспо, безъ обыкновенныхъ принадлежностей къ представленію.—Содержаніе *Ораторій* почпи всегда берешся изъ Священной исторіи. — Въ *Ораторіи* могутъ бытъ упошреблены разные *размѣры*.—Примѣромъ служатъ слова на Гайд-

нову Орапорію *Сотвореніє міра* и *Орапорія*, написанная *Державинимъ*, *цѣленіє Саула*.

ОТВѢТСТВІЕ или *отвѣтствованіе*; *Subjunctio, Responsio, Antecuratio*.—Въ Риторикѣ фигура предложеній; сѣспомнѣ въ помѣ, когда сочинитель самъ на свой вопросъ отвѣчаетъ, или когда самъ спрашиваетъ и вводитъ другое лице отвѣчающее; или заставляешь другое лице спрашивать, а самъ отвѣчаетъ. На пр. въ словѣ Цицерона за Квинтія: — не было времени призвать его на судъ? но онъ съ побою жилъ больше года. Нельзя было дѣлать того въ Галліи? но въ провинціи судъ производился.

Въ Псалмѣ 138: камо пойду опъ духа Твоего? и опъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, ты тамо еси; аще снизу во адъ, тамо еси.....

Преосвященный Анастасій въ словѣ на погребеніе Бецакаго упомянулъ сію же фигуру:

Помогши соплешъ ему вѣнецъ хвалы? но глава, увядшая подъ смерпнымъ серпомъ, носишь его уже не можешь. Бышописанія возвѣспяшь дѣла его? но сему не внемлешъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, кошораго и гласъ

грома не попрясаешъ. Воздвигнушь въ честь его мѣдъ или мраморъ? но подъ тяжестію его изнемогающъ коспи, кои природа пихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснушь и почишь.—

ИЛИ

Въ поляхъ ли брань? пы шмишь сводъ звѣзд-
ный.

Въ моряхъ ли бой? пы пѣнишь бездны.

У Ленкевича въ имнѣ *Благотворительности* :

Что власшь, гдѣ нѣшь себя? — лишь бремя,
Подъ коимъ спонеть правоша;
Что оспрой умъ? — разврата сѣмя;
И мудрость мудрыхъ? — слѣпоша;
И сила сильныхъ? — бичь для слабыхъ,
И вѣра вѣрнаго? — мершва.

II.

ПАЛИНВАКХІЙ. То же самое, что *Антивакхій*.—См. сіе слово.—Происходитъ отъ *πάλι*, назадъ или снова, ибо не иное что есть, какъ обращенный назадъ *Вакхическій* стихъ, *Вакхій*.

ПАЛИНДРОМЪ или **ПАЛИНДРОМОНЪ**. *Palyndromon*. Родъ стиховъ или рѣчи, которые, ежели читаются отъ лѣвой руки къ правой или отъ правой къ лѣвой, имѣютъ одно произношеніе.

Въ Константинополѣ, въ церкви Св. СоФіи на купели вырѣзаны слѣдующія слова, могущія бытъ читаны и назадъ:

ιστοκαλοριματα μι μοναστηρι

ш. е. не одно лице, но и грѣхи ваши омойте. — См. *Вселір. путешественникъ. Томъ I. изд. 2. письмо XIII. стрн. 298.*

Еще приводятъ въ примѣръ *Палиндромона* слѣдующіе стихи:

Odo tenet nulum, madidam mappam tenet Anna.—

Sator arepo tenet opera rotas.

Послѣдній употребляется въ одной карточной загадкѣ: смысла не имѣетъ.

И сіи произнесенные будпо бы діаволомъ:

Signa te, Signa, temere me tangis et angis;

Roma tibi subito motibus ibit amor.

На Русскомъ языкѣ въ примѣръ *Палиндромона* можно привесши изрѣченіе

· Я иду съ мечемъ судія.

Палиндромонолѣ называется еще и по, когда рѣчь, чишаемая сзади, производитъ сама, по себѣ или съ помощію перемѣны препинапельныхъ знаковъ, другой смыслъ. На пр. изъ сихъ спиховъ, поднесенныхъ Папѣ Пію I.

Laus tua, non tua fraus; virtus, non copia rerum

Scandere te fecit hoc decus eximium.

Выходишь

Eximium decus hoc fecit te scandere rerum

Copia non virtus; fraus tua, non tua Laus.

Слово *Палиндромонѣ* сосшавлено изъ *пали* назадъ, и *дромос*, бѣгущій.

ПАЛИНОДЪ. Пѣснь духовная, копорую сочиняли прежде въ честь Богомапері.

ПАЛИНОДІЯ. Осприцаніе, оппирательство опъ того, что прежде самъ авторъ говорилъ. Пѣшь Палинодію, *Palinodiam canere*, значить опступать опъ прежнихъ своихъ словъ. Происходитъ опъ *παλι* назадъ или снова, и *ωδη* пѣснь; по Латинѣ *Recantatio*.

Первую *Палинодію* приписываютъ Спезихору. Говорятъ, что онъ какою-то поэмою оскорбилъ Елену. Каспоръ и Поллуксъ всшупились за сестру свою и лишили его зрѣнія; для возвращенія онаго Спезихоръ долженъ былъ написать другую поэму въ похвалу Еленѣ — долженъ былъ по необходимости *пропѣть Палинодію*.

ПАНЕГИРИКЪ. Похвальное слово, или стихотвореніе, прославляющее достоинства и добродѣтели. Авторъ, написавшій оное, называется *Панегиристѣ*, а сочиненіе *Панегиритескимѣ*, или *Елидиктитескимѣ*, или наконецъ *Придиктитескимѣ*, ибо сіи три слова означаютъ одно и тоже.

ПАНЕГИРИЧЕСКІЙ см. *Панегирикѣ*.

ПАНКРАТОВЪ размѣръ. Стихи сіи состоятъ изъ двухъ хореевъ съ однимъ долгимъ слогомъ. На пр.

Auctor optimus — o — o —

Nulla jam fides —

Φεύγε λαιδωρων —

Какой Панкрапъ былъ изобрѣшателемъ сихъ стиховъ и когда именно жилъ онъ— неизвѣстно.

ПАНТОМИМА. Языкъ дѣйствія, искусство говоришь глазамъ, нѣмое выраженіе.

У Римлянъ назывались *Пантомимами* актеры, кошорые одними пѣлодвиженіями, безъ рѣчей, выражали спраспи, характеры и даже происшесствія.

Зосимъ, Свида и многіе другіе опносятся изобрѣшеніе *Пантомимѣ* ко времени Августа; по крайней мѣрѣ извѣстно, что при семъ Императорѣ, спраспно любившемъ шакой родъ предспавленія, находились два славные Пантомима *Пиладѣ* и *Бафиллѣ*. Первый опличался въ предспавленіяхъ прагическихъ, а послѣдній въ Комическихъ.

Хотя и Греческія пляски пакже были выразишельны, но Римляне первые начали изображашъ въ *Пантомимахѣ* цѣлыя происшесствія, заключающія нѣкошорое проспранство.

Достойно замѣчанія, что *Пантомимы*, также какъ и другіе актеры, имѣли на себѣ маски; слѣдовательно лице ихъ не могло участвовать въ изображеніи сцены и характеровъ.

Причины, по которымъ древніе предпочитали маски открытому лицу, были слѣдующія: 1) что Амфиштеатры ихъ содержали покрайней мѣрѣ шесть тысячъ зрителей, и что актеры принуждены были въ разговорныхъ представленіяхъ употреблять нѣкоторый родъ трубы для сильнѣйшаго произнесенія словъ: съ маскою это было не примѣшно. 2) Что въ отдаленіи, движенія лица и глазъ не были бы видны и безъ маски—а сіи всегда дѣлались нѣсколько болѣе обыкновеннаго лица съ выразительнѣйшими чертами.

ПАРАБОЛА. Припѣча, повѣствовательная Аллегорія.—См. *Басня*.

ПАРАГОГЪ. Вставка, прибавленіе — шрепій родъ Метатласма. (См. *Метатласмъ*). Соспоишь въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе одной или нѣсколькихъ буквъ, какъ на пр. *amarier, dicier* вмѣсто *amari, dici*; *egomet, tute, hicce* вм. *ego, tu, quis, hic*. — Въ

древнихъ Русскихъ спихахъ встрѣчаются *ставки* въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ: гдѣ бы слѣдовало окончанію бышь на *ьилѣ*, *ихѣ*, *ои*, памъ употреблялись *ьилѣ*, *іехѣ*, *ья*, и пр.

И пѣмъ попамъ всѣмъ соборнымѣ....

И Русскихъ богашырей могу*іехѣ*....

Ко шоя ко^ѣ церкви ко соборнымѣ.....

Парагоѣ, *παράγωγι*, deductio, начало, производсво; опъ *παρὰ* и *αγω*, disco—перепроизводсво, перемѣна.

ПАРАДЪ. Такъ называется у Французовъ нѣкопорый родъ шупочной комедіи или *фарсы*. Парадъ можно причислишь къ комедіямъ, именуемымъ у Римлянъ *platariae* и *tabernariae*.—См. *Комедія*.

ПАРАФРАЗИСЪ. Въ Рипорикѣ пропъ предложеній: еспъ представленіе многими рѣченіями шого, что однѣмъ или немногими изображено бышь можешъ. На пр: *храбрый раззоритель Карфагена* вм. Сципіона.

Къ сосшавленію *Парафразисовѣ* могушь служишь слѣдующія правила: 1) когда къ сущесшвишельному придаешся приличное

прилагательное, и оное перемѣнивъ на существительное же, первое изъ нихъ положише въ родительномъ падежѣ или перемѣнише въ прилагательное на пр. вм. села, *безмолвіе селѣ* или *безмолвіе сельское*; 2) когда глаголь преложишся на имя, а съ нимъ поставишся иной глаголь къ тому приличной: *вѣ страхѣ привести* вм. успрашишь; *обагрить кровію* вм. окровавишь; 3) когда имя полагаешся въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ, произведеннымъ отъ глагола къ первому принадлежащаго. На пр: *теченіе воздуха* вм. вѣпра; *разлученіе съ жизнію* вм. смерпи; *ночное успокоеніе послѣ трудовѣ* вм. сна; 4) чрезъ метафору, когда имя полагаешся въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ значащимъ подобіе, или въ прилагательное перемѣняешся, на пр: *юность лѣта* вм. весны, *старость дня*, вм. вечеръ, *волненіе мыслей* вм. сомнѣніе; *волнистыя поля Балтійскія* вм. Балтійскаго моря.

ПАРОДИЯ. Слово *Пародія* есть Греческое: *παρωδια* или *παρωδη* составлено изъ предлога *παρα* чрезъ (пере...) и существительнаго имени *ωδη*, пѣснь, пѣніе (перепѣснь.)—Сіе соединеніе производитъ въ од-

но время понятіе о сѣодствѣ и объ спличіи, шакъ чшо чрезъ глаголь *παρωδείν* можно разумѣнь, по словопроизведенію, сочиненіе шакихъ спиховъ, копорые уподобляясь другимъ спихамъ въ размѣрѣ, различаюпся съ ними въ смыслѣ и въ предметѣ, къ которому относяшся.

Греческіе и Латинскіе Риторы полагали нѣсколько родовъ *Пародіи*. Цицеронъ почти всѣ означилъ въ томъ мѣстѣ въпорой книги объ Орапорѣ, гдѣ показываешъ источникъ и правила замысловашой шупливости. Можно, говоритъ онъ, съ пріятноштію включашъ въ своемъ сочиненіи полный спихъ или полспиха, взятые изъ другаго поэша, съ малою перемѣною, или совсѣмъ безъ перемѣны.

Пародія биваешъ :

1. Когда во взяшомъ спихѣ перемѣняешся одно слово и чрезъ шо раждаешся другой смыслъ. Слѣдующіе стихи изъ Корнелева Сиды всѣмъ извѣстны :

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que
nous sommes,

Ils peuvent se tromper, comme les autres hommes.

Небольшая перемѣна въ нихъ сдѣлала перемѣну и въ смыслѣ :

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que
nous sommes

Ils se trompent en vers, comme les autres hommes.

Вопть переводъ обоихъ стиховъ, приводимый единственно для показанія разности въ подлинникѣ :

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны;
И къ заблужденіямъ, какъ люди всѣ, способны.

Пародія же имѣеть шакой смыслъ :

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны,
И къ заблужденіямъ въ стихахъ они способны.

2. Иногда переменна одной буквы производить *Пародию*. Капонъ, говоря о Маркѣ Фулвіи, переменилъ его прозваніе *Nobilior*, благороднѣйшій, въ *Mobilior*, непоспояннѣйшій, самый переменчивый.

3. Приведеніе нѣсколькихъ извѣстныхъ стиховъ, или одного изъ нихъ, безъ всякой перемены, составляло прешій родъ *Пародіи*. — Въ Трагедіи А. П. Сумарокова *Гамлетъ*, пришедшая въ разкаяніе Герспруда говоритъ впорому своему супругу :

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того прощивна дня, какъ шы на шронъ возшель,

Тѣхъ пагубныхъ минушъ, какъ честь я пошеряла
И на супружную смерть *нетронута* взирала.

Ломоносовъ, копорому послѣдній стихъ не понравился, опъ поняшїя заключающагося въ словѣ *нетронута*, сдѣлалъ изъ него самое Саширическое упопребленіе. — См. Разсужденіе о спаромъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. спран. 149.

Аристофанъ изъ одного стиха Еврипидовой Трагедіи *Ипполитъ* сдѣлалъ Пародию въ своей Комедіи *Лягушки*. Ипполитъ, копорому кормилица Федры объявила спрасъ къ нему сей Государыни, приходишь въ ужасъ и объявляетъ негодование; кормилица напоминаешъ ему кляшву его, не сказывашъ никому о сей шайнѣ; Ипполитъ ошвѣчаетъ: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ томъ участія* (Ипп. стх. 612). Аристофанъ нашелъ сей стихъ прошивнымъ нравстввенности. Онъ представилъ въ означенной Комедіи Бахуса, копорый, желая доставишь Афинянамъ хорошаго Трагическаго писателя, нисходишь въ адъ для шого, чшобы вывести ошшуда Есхила, или Еврипида. Оба Трагика споряшь между собою; наконецъ Еврипидъ напоминаешъ Бахусу, чшо онъ обѣ-

щаль возвратишь его въ Афины, и Бахусъ
онивѣчаетъ: *Языкѣ мой далѣ клятву, а сердце
не брало въ томѣ участія.* (списхъ 1513.)
Я избираю Есхила.

4. Еще находишь въ Аристофанѣ, въ
Діонисіи Галикарнаскомъ и въ Ефесціонѣ
четвертый родъ Пародіи, состоящей въ
писаніи списховъ во вкусѣ и слогомъ из-
вѣстныхъ худыхъ спихошворцевъ.

Г. Николевъ сочинилъ двѣ оды въ по-
дражаніе слугу Тредіаковскаго. Здѣсь по-
мѣщаются нѣкопорыя спрофы:

Сколько дивисься вдругъ станешь прилично,
Видя Фелицей прославленный вѣкъ!
Вѣкъ, въ коемъ тако предиворазлично
Даръ свой для пользы спремилъ челоуѣкъ.

О лѣпомудра богиня Фелица!
Выше дѣлами ты Фебскихъ высотъ;
Всѣмъ неизключно сердцамъ ты Царица,
Сердцемъ родяся красивѣй красотъ.

Томѣ 4. стр. 10.

Гордый Сулшане! мрачный владыко!
Что не въ причину тако купилъ?
Тя-ль не постигло бѣдство велико?
Турчу ли нынѣ Русь не скрушилъ?

Ну же быспренько вонъ изъ Европы!

Съ вольною волей менѣ бѣды.

Иль ты загонишь Русь въ Ефіопы!

Ей, преудруглый! жди сей чреды.

Толѣ 4. стр. 3.

5. Наконецъ послѣдній и главный родъ *Пародіи* естъ сочиненіе, написанное по расположенію другаго *извѣстнаго* творенія, съ обращеніемъ на другой предметъ, и съ произведеніемъ, чрезъ перемѣну нѣкопрыхъ выраженій другаго смысла. Древніе наиболѣе говорятъ о семъ родѣ *Пародіи*.— Такова на примѣръ *Пародія* стиховъ Державина на рожденіе въ сѣверѣ Порфиророднаго отрока, обращенная къ одному сочинителю, въ кошорой между прочимъ по мѣсто, гдѣ слѣшаются геніи и предвѣщаютъ Августпѣйшему младенцѣ будущее, передѣлано шакимъ образомъ:

Будешь, будешь сочинитель

И чиншелей ширанъ ;

Будешь нѣкогда учитель,

Будешь долго Капишанъ ;

Будешь, и судьбы гласили ,

Роспомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ :

Сшарцы всё шупь повпорили ,
 Будешь вѣкъ ходишь пѣшкомъ и пр.

Таковы же и слѣдующіе опривки изъ Трагедіи въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ *Прелеста*, служащей *Пародією* второго дѣйствія Трагедіи Г. О ерова *Димитрій Донской*. Содержаніе: мать *Прелесты* предъ смертію своею обѣщала выдать ее за *Любезина*, въ котораго и сама Прелеста влюблена: отецъ желаетъ выдать Прелесту за *Мерзона* и для бракосочетанія привезъ ее на ярмарку. Трагедія оканчивается пѣмъ, что Любезинъ закололъ своего соперника, и взялъ подъ супругу.

А в л е н і е 1.

Прелеста и Груша.

Груша.

Какое зрѣлище! какъ души пронешъ сильно!
 Среди ярмарки, гдѣ столь народу изобильно,
 Куда всё съѣхались для танцевъ и игры,
 Опъ вашей свадебки умножатся пиры,
 И наша улица опъ площадкѣ озарится.

Прелестя.

Нѣтъ, Груша! никогда сей бракъ не совершится.
 Спаканчиковъ, свѣчей и плошекъ яркій свѣпшъ
 Покажетъ вѣчнаго дѣвичества обѣпшъ
 И будешь лишь зарей желаннаго спокойства.
 Приѣздъ на ярмарку послѣдній долгъ покорства,
 Я коимъ бапюшкѣ обязана была.
 Но руку чшобъ мою Мерзону въ храмъ снесла,
 И тамо клятвою съ душою несогласной
 Я бь ушвердила бракъ для обоихъ несчастной;
 Сказалабъ, чшо люблю, чшо буду ввѣкъ любипшъ,
 Какъ сердце о другомъ не прешаешь швердишъ,
 Когда Любезина сіе мнѣ сердце спраспно
 Не прешаешь являшъ повсюду и всечасно...
 Нѣпшъ, съ голоду умру, повѣшусь я скорѣй,
 Чѣмъ клятвою солгашь предъ небомъ и землей,
 И произнестъ ее во мнѣ не будешь силы.
 Въ обишель шихую, подобіе могилы,
 Въ деревню удалюсь.... ахъ! лучше шкашь и
 прясшь!

Груша.

Повѣрьше, чшо нигдѣ не покидаешь спрасшь.
 Амуръ и по избамъ, какъ по чершогамъ, бро-
 дишь.

*

Но будьте веселѣй, Любезинъ къ вамъ под-
ходишь.

Прелеста.

Какъ страшно для меня сказать ему отказъ!

Я в л е н і е 2.

Тѣ же и Любезинъ.

Любезинъ.

Прелесту вижу я! и сей свиданья часъ
Печалень, молчаливъ, и насъ онъ упоминаешь,
Тебя моимъ очамъ смущенною являетъ!
Такъ нѣтъ сомнѣнія? опровергнешъ пламенью?
Просишься я пришелъ — скажу сей часъ до-
мой . . . и пр.

*

Изобрѣтаемъ *Пародіи* почитаютъ
Иппонакса, жившаго около 540 лѣтъ до
Христіанскаго счисленія. Иные, согласно
съ Афинею, приписываютъ честь сію
Архилоху, а другіе Гегемону, жившему на
Фазосѣ, островѣ Егейскаго моря, около 88
Олимпіады. Гегемонъ прославился наиболѣе
своею *Гигантомахією*. — Надлежитъ замѣ-
нить, что ни одинъ поэтъ не былъ споль-

ко пародированъ, какъ Гомеръ; собственную его *Ватрахоліомахію* (поема, война мышей съ лягушками) почипають *Пародію* нѣкошорыхъ мѣстъ *Иліады* и *Одиссеи*. Тимонъ, написавшій чешыре книги *Пародіи*, браль основаніе оныхъ изъ швореній сего великаго поэта. Онъ жестоко нападалъ на философовъ того времени и сравнивалъ ихъ съ пѣми пещерами, въ коихъ Эоіомъ заключены были въпры: они, говорилъ Тимонъ, супъ пузыри, надутые пуспыми мыслями. И вопъ какимъ образомъ сдѣлалъ онъ въ одной своей *Пародіи* призываніе, въ подражаніе началу *Иліады*: повѣдай мнѣ, Муза, кшо воспламенилъ между ними (философами) сію ужасную войну? Богиня Эхо, раздраженная людьми *молгаливьми*, разсѣяла повсюду болѣзнь многорѣчія; сія страшная болѣзнь большую часть изъ нихъ погубила. — *Пародіи* Тимона были называемы *Силліями*, *Silli*, опъ введенія въ нихъ *Силена*.

Предметомъ *Пародіи* должно бышь неперемѣнно извѣстное швореніе. Въ подражаніи надлежитъ сохранятьъ въроспъ и почноспъ; шупки должно упошреблять съ бережливоспю и такимъ образомъ, чшобы онѣ казались непринужденными: шуп-

ки на лице пародируемаго автора не терпимы. Также надлежишь осперегаться площадныхъ и неблагоприспойныхъ выраженій.

Пародія должна заключать въ себѣ пріятность и пользу, какъ и всѣ прочія отрасли поэзіи;—иногда она высмываетъ на позоръ подверженное осмѣянію; иногда выказываетъ ложныя красоты какого либо сочиненія; опкрываетъ глаза автору, ослѣпленному самолюбіемъ и лестию, и чрезъ то способствуетъ къ его исправленію; иногда же служитъ къ одному только увеселенію чашапеля, ибо случается, что пародируемое сочиненіе не имѣетъ такихъ недоспапковъ, кои бы заслуживали малѣйшее порицаніе — каковы на примѣръ вышеупомянутые списки Державина.

Прим. Иные несправедливо принимаютъ за Пародію шѣ сочиненія, кои называютъ *выворотенными на изнанку*, какъ на примѣръ Енеиду, предложенную такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ Скаррономъ, а на Русскомъ Осиповымъ и Кошельницкимъ. Сей *выворотѣ на изнанку* есть не иное что, какъ описаніе шупочнымъ слогомъ пѣхъ происшедшій, кои прежде описаны были слогомъ высокимъ; а *Па-*

родія, какъ видно изъ приведенныхъ въ сей снать примѣровъ, соспоилъ наиболье въ примѣненіи того же сочиненія къ другимъ происшествіямъ, съ переменною нѣкопорыхъ выраженій, и потому должно заключить, что *изнанка* не есть *Пародія*, да и древніе объ ономъ родѣ сочиненій ничего не упоминающъ.—См. *Изнанка*.—Выворощъ на изнанку есть произведение новѣйшихъ временъ.

ПАСТОРАЛЬНЫЙ. — См. *Пастушескій*.

ПАСТУШЕСКІЙ. Pastoralis. Пастушеская, Буколическая или Паспоральная поэзія, есть подражаніе сельской жизни, представленное со всѣми возможными пріятносшями.

Пасторальныя сочиненія дающъ имена *Идиллій* и *Еклогъ*.—(См. *Еклога*, *Идиллія*, также *Буколическій*.)—Правила объ *Идилліи* и *Еклогъ*, вмѣстѣ взяшыя, соснавяшъ все нужное для познанія свойствъ Паспоральной или Буколической поэзіи.

Изобрѣшашелемъ сей поэзіи почишяютъ паспуха *Дафниса*; иные приписывающъ сіе изобрѣшеніе *Буколию*, спарикс-

му сыну Лаомедона; другіе *Оресту*, во время бѣгства его въ Сицилію, иные *Лакедемонянамъ*, иные *Аполлону*, когда онъ по изгнаніи съ неба пась у Царя Адмета спадю, и наконецъ *Меркурію*. Домашъ въ описаніи *Виргиліевой* жизни упоминаешь о множествѣ подобныхъ мифній, не имѣющихъ нимальшаго доказательства. И такъ ограничимъ спашью сію сказаніемъ о древнихъ и новыхъ писателяхъ, наиболѣе прославившихся *пастушескими* сочиненіями,

Феокритъ первый началъ писать въ семь родѣ. Онъ родился въ Сиракузахъ за вѣо лѣтъ до Р. X. — Описывалъ въ *Идилліяхъ* своихъ проспую и пріятную природу. Въ его пвореніяхъ можно видѣть самыя лучшія характеры для пастушеской поэзіи. Стихи его исполнены прелестьнѣйшихъ изображеній и особенно оплечающа споль пріятною для слуха плавностію, что дающъ ему неоспоримое преимущество предъ всѣми другими Пастуральными писателями.

Мосхъ и *Віонъ* явились на семь поприщѣ спустя нѣсколькю времени послѣ Феокрита. Первый прославился въ Сициліи, а другой въ Смирнѣ, что въ Іоніи.

Судя по малому числу сочиненій, оспавшихся послѣ *Мосха*, можно сказаць, что онъ далъ Еклогѣ новое образованіе, начавъ упопрелять въ ней болѣе искусства и менѣе небрежности; по чему кажется, что ежели онъ писалъ и въ одномъ родѣ съ Феокрипомъ, по покрайней мѣрѣ того же рода въ особенномъ видѣ. Его *Идиллія похищеніе Европы* заслуживаетъ всеобщее удивленіе.

Віонѣ еще болѣе удался опть Феокрипа, нежели *Мосхъ*; въ его сочиненіяхъ вездѣ видно желаніе нравиться, даже иногда съ принужденіемъ.—*Могила Адониса*, изящнѣйшее его швореніе, имѣетъ нѣкоторые Анпишезы, соспавляющія только одну игру ума.

Сравнивая сихъ Греческихъ поэтовъ можно сказаць, что *Феокритѣ* описывалъ природу проспую и описывалъ съ небрежностію; что *Мосхѣ* въ изображеніяхъ своихъ спарался упопрелять искусство, а *Віонѣ* украшалъ природу. У Феокрипа *Идиллія* въ лѣсу или на зеленомъ лугу, у *Мосха* въ городѣ, у *Віона* почти на театрѣ.

Виргилій родившійся близъ Мантуи за 70 лѣтъ до Р. Х. прославился также па-спушескими сочиненіями. Изъ всѣхъ Ла-

пинскихъ поэповъ онъ одинъ опличился въ семь родѣ: онъ съ успѣхомъ подражалъ Феокрипу.

Калтурній и Немезіанъ славились Паспоральными произведеніями въ царствованіе Діоклипіана; одинъ былъ Сициліанецъ, другой Карфагенецъ. Они не могли сравниться съ *Виргиліемъ*.

Изъ новѣйшихъ опличились наиболѣе Паспоральными пвореніями: во Франціи *Раканъ*, жившій при *Лудовикѣ XIII*, послѣ него *Сегре*, но г-жа *Дезульеръ*, (родившаяся въ Парижѣ въ 1633 году), превзошла обоихъ.—Въ Германіи извѣстенъ *Геснеръ*.—На Русскомъ языкѣ болѣе прочихъ произведеній въ семь родѣ заслуживаютъ общее уваженіе два перевода *Еклогъ* *Виргилія*, одинъ *Воеикова*, а другой *Мерзлякова*. (У послѣдняго помѣщены и нѣкопорыя Паспоральныя произведенія вышепоказанныхъ Греческихъ писателей, его перевода); *Идилліи* Г-ж. *Дезульеръ*, переведенныя *Мерзляковымъ* же и *Идилліи* *Панаева*, изданныя въ 1820 году.—См. *Идиллія*.

На Италіанскомъ языкѣ находящся двѣ *пастушескія* повѣспи, *Favelle pastorale*: 1) *вѣрній пастухъ*, *il pastor fido*, написанная *Гвариніемъ*, 2) *Аминтъ*, *Aminta*, сочт-

ненная Торкваломъ Тассомъ.—Дабы познакомишь чипашелей съ сими произведеніями, предлагаешся здѣсь начало послѣдней повѣсти, переведенное съ подлинника :

Дафна и Сильвія.

Дафна.

Еще ли, Сильвія, ты въ юности швоей
 Опъ удовольствіей будешь удаляться?
 Не хочешь именемъ супруги украшаться,
 Ни видѣшь миленькихъ дѣтей,
 Рѣзнящихся передъ тобою?
 Ну, посовѣшуйся прилѣжнѣе съ собою!
 Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!
 Къ чему годится жизнь такая?

Сильвія.

Пріяшностямъ любви пусть слѣдуешь другая,
 Когда пріяшности въ ней можно находишь;
 Моя забава: съ лукомъ и стрѣлами
 Преслѣдовать звѣрей
 И сильныхъ повергать рукой моею.
 Или—скажу тебѣ коропкими словами:
 Покуда звѣри есть въ лѣсахъ
 И стрѣлы у меня для лука —
 Не будешь мнѣ извѣсна скука.

Сильвія.

Когда въ разкаяннѣ, со вздохомъ и слезами
 Я буду говорить такими же словами—
 Къ испочникамъ своимъ всѣ рѣки потешушь.
 Опъ агнцовъ волки побѣгутъ
 И зайцы робкіе погоняпся за псами,
 Медвѣдь на днѣ морскомъ берлогъ свой за-
 ведешъ,
 Дельфинъ—на горы жишь пойдешъ.

Дафна.

Я знаю, молодость не смопришь на совѣшты!
 И я была въ такія лѣшты,
 И у меня бывалъ шакой же цвѣшть волосъ,
 Румянецъ на устахъ, въ щекахъ пріятноспль
 розъ
 Съ лилеями соединялась.....
 Но чѣмъ же, глупая, шогда я занималась?
 Точила спрѣлы я, иль рядъ сѣшей
 Приготовляла на звѣрей,
 Искала ихъ жилищъ, по ихъ слѣдамъ гонялась!
 А ежели какой нибудь паспухъ
 Посмопришь на меня, шо вдругъ
 Съ досадой и спыдомъ глаза я пошупляла.
 Сердилась, чшо собой плѣняла.

Какъ будшобъ кшо нибудъ шоспавилъ мнѣ виной,
Когда люблюшя моею красошой! —

Но все со временемъ проходишь.

И, ахъ! къ чему

Любовникъ хипрый не приводишь!

Откроюсь я шебѣ какъ другу моему :

Увидѣла себя я скоро побѣжденной ,

И—знаешъ ли оружіемъ какимъ? . . . .

Слезами, вздохами, покорношью смиренной.

Я уступила имъ!

Тогда я разцвѣла душою ,

Тогда узнала я, сколь я слѣпа была

Съ моею простошою!

Я Циншю и лукъ и спрѣлы опдала

И не хотѣла жишь, какъ прежде.—

О Сильвія! могу я бышь въ надеждѣ,

Чшо ненависшь швою Аминшь поуменьшишь,

И раноль, поздно ли, смягчишь

Упорное швое сердечко.

Жестюкая! скажи, скажи одно словечко :

Собой ли онъ не милъ? не любишь ли шебя?

Иль опдаешъ другимъ себя

Твоей жестюкости въ опмщенье?

Иль ниже швоего

Имѣешъ онъ происхожденье?

Объ эпомъ пы сказать не можешь ничего.

Тебѣ опець Сидипшь, копораго родипшель

Быль богъ ручья сего;

Аминша же опець Сильванъ, а у него

Опець былъ Панъ—и богъ и покровишель

Всѣхъ нашихъ пастуховъ.

Взгляни пы въ зеркало прозрачныхъ ручейковъ!

Увидишь, что тебя не хуже Аммарила;

Она давно уже Аминша полюбила,

Его ласкаешь все, а онъ бѣжитъ отъ ней—

Къ несносной грубости твоей!

И такъ предспавъ себѣ—но я молю всевѣчныхъ,

Чтобъ эпо никогда съ побою не сбылось—

Предспавъ, что если бы Аминшу привелось,

Озlobясь отъ твоихъ опказовъ безконечныхъ,

Влюбисься наконецъ въ соперницу твою,

Которая его шакъ любитъ спрасшно,

Не будешь ли тогда винишь судьбу свою?

И не покажется ль тебѣ ужасно,

Когда въ ласкающихъ обьяшiяхъ другой

Онъ будешь, Сильвiя, смѣяться надъ побой?

Сильвiя.

Пускай и чувспвами и даже самъ собой

Какъ хочешь онъ располагаетъ;

Мнѣ эшо все равно. Не будучи моимъ ,
 Пускай принадлежишь, кому онъ самъ желаешь!
 Ему и бышь моимъ нельзя—за тѣмъ, что имъ
 Владѣшь я не хочу; и если бы владѣла,
 Ему принадлежашь тогдабъ не захошѣла.

Дафна.

Какая ненависть! и опъ чего?

Сильвія.

Родилась—опъ любви его. и проч.

Оригинальнымъ же на Русскомъ языкѣ въ семь родѣ произведеніемъ мы имѣемъ написанную Графомъ С. П. Салтыковымъ паспущескую повѣсть въ трехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ *Нина*. Содержаніе самое простое: *Нина*, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, видишь во снѣ Купидона, который возраждаетъ въ ней любовь. Она пробуждается опъ пѣсни влюбленнаго въ нее паспущка Дельфиза—подходишь къ окошку—взоры ихъ встрѣчающся—и взаимная любовь увѣнчивается неразрывнымъ союзомъ. Авторъ замѣнилъ простоту содержанія пріятнѣйшими описаніями, вѣрнымъ изображеніемъ чувствованій и, можно сказать, украсилъ избранными цвѣтами поэзіи.

Здѣсь помѣщается нѣсколько опривковъ.
—Вошь начало поэмы :

Не главъ увѣнчанныхъ державу
И не героевъ пышну славу,
Пою любовь и Нину я.
Моя негромогласна лира
Концевъ не попрясаешь міра;
Но шихой, помной звукъ ея
Въ сердцахъ единыхъ раздается,
И по . . . . въ чувствившельныхъ сердцахъ.
На легкихъ мысль моя крылахъ
Не къ солнцу, какъ орель, несется ;
Но по смѣющимся лугамъ,
По рощамъ носишься, полямъ,
Куда изъ града убѣгаюшь
Невинность, проспоша, любовь,
И въ видѣ юныхъ паспуховъ
Спада на паспву выгоняюшь . . . . .

Описаніе сна прелеспной Нины начинаещ-
ся сими спихами :

Зефиръ съ подругою своей
Пянадацатой лишь разъ для Нины
Цвѣтами испесприлъ долины.
Амуръ во снѣ явился ей . . . . .

Пока пернашую спаницу
 Будила упрѣнна заря ,
 И въ золопую колесницу
 Часы для дневнаго Царя
 Коней крылатыхъ запрягали ,
 На островѣ ей мнилось бышь ,
 Межъ розовыхъ кусповъ ходишь ,
 Гдѣ въ пушь Амуры ей бросали
 Пучки ясиновъ и лилей ,
 И передъ ней какъ рой лепая ,
 Твердили всѣ не преспавая :
Мила, мила, всего милѣй!
 Прятнымъ сномъ обворожена ,
 Паспушка видишь изумленна
 Трехъ дѣвъ прекраснѣйшихъ собой ;
 Онѣ къ ней руки проспираюшь ,
 Ее съ улыбкой называюшь
 Своей подругой дорогой ,
 И каждая вѣночь сплѣщенный
 Изъ свѣжихъ розъ ей подаешъ.
 Вдругъ слышишь голосъ опдаленный ,
 Какъ будшо кпо ее зовешъ ,
 И Эхо вшорипъ: Нина! Нина!
 И ужъ Амуровъ половина
 Съ ней въ миршовой лѣсокъ лешишь ;

Другая жъ вкругъ ея порхаешъ, ...

Купидонъ, убѣждая Нину къ любви,
говоришь :

. . . . . Но счастье на шоль дается,
Одной чтобъ наслаждаешься имъ?
Нѣшь, чтобъ дѣлишь его съ другимъ.
Оно съ небесъ на смертныхъ льется—
На смертныхъ избранныхъ однихъ.
Чтожь составляетъ счастье ихъ?
Не пашво пучное съ spadaми,
Не злато, не серебро . . . . . любовь!
Горишь въ чьихъ жилахъ ея кровь,
Кто награжденъ ея дарами,
Тому и малой холмикъ—шронъ,
Тому и рубище — порфира,
Цвѣшуще поле—царство міра,
А жизнь—швой настоящей сонъ.
Повѣрь мнѣ, что сначала вѣка
Влюбленный человекъ всегда
Былъ что-шо больше человека! . . . .

Оканчиваемъ выписку нашу скром-
нымъ и пріятнымъ разсужденіемъ Нины :

Бѣда мнѣ, Нина говорила,
Мнѣ кажешся, что я люблю,

Что вся я, какъ въ огнѣ, горю ;
 Бѣда мнѣ! Нина повшорила.
 Я помню мапушкину рѣчь :
 Она швердила мнѣ всечасно,
 Что сердце надобно беречь,
 Что дурно, спыдно и опасно
 Не брата дѣвушкѣ любишь . . . . .

ПАТЕТИЧЕСКІЙ. Иносстранное слово
 сіе, *pathétique*, происходящее отъ Грече-
 скаго *πάθος* (спрасшь), употребляется
 иногда и въ Россійскомъ языкѣ, а по сему
 и пребуесть объясненія. Оно значить
страстный, или *возбуждающій страсти*.

Возбужденіе спрасшей можешь бышь
прямое и косвенное.

Прямое: когда сообщаеешь душамъ слу-
 шающей такое же чувство, каковымъ са-
 ми исполнены—какъ то чувство любви,
 ненависти, мщенія, удивленія, жалости,
 страха и пр. такъ на примѣръ, супругъ,
 оплакивающій невозвратную потерю су-
 пруги, заславляетъ и насъ плакать.

Косвенное: когда дѣлаемое впечатлѣ-
 ніе бываеетъ оплично отъ своей причины.
На прии: Ифигенія, *убивающая отца сво-*
его въ предспоющей ей смерти, произво-
 дитъ въ насъ жалость.

Но первѣйшее средство, чрезъ которое Орашоръ и поэты могутъ возбудишь спрасши, состоить въ томъ, чшобъ они сами живо ощушали то, чѣмъ хошяшъ пошряспши наши души. Это правило Горація:

..... Si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi.

ПЕАНЪ, *παῖον*, *paean*. У древнихъ назывался симъ именемъ нѣкошорый родъ *Имна* или *Канта*.

Фукидидъ даетъ сіе названіе единственно *Имнамъ*, пѣшымъ въ честь Аполлона; однакожь *Пeanы* были сочиняемы и во славу Минервы, Марса, Плутона. Въ Самосѣ пѣвали шаковой *Имнъ* въ честь *Лизандра*.

Слово *Пeanъ* имѣеть начало ошъ одного происшесшвія, переданнаго Афинеемъ, по сказанію Клеарка, ученика Ариспотелева. Онъ говоритъ, чшо Лапона, ошправляясь съ Евбейскаго оспрова, проходила съ двумя своими дѣшми Аполлономъ и Діаною мимо шой пещеры, въ которой находился змій *Пифонъ*; чудовище гошово уже было напасшъ на нихъ; Лапона схватила Діану на руки и кричала Аполлону *ἴε παῖον*, бей. Окресшныя *Нимфы* сбѣжались

къ нимъ и для ободренія юнаго бога, кричали также съ Лапоною Ἰε παῖαν. Сіе слово сдѣлалось въ послѣдствіи припѣвомъ во всѣхъ Имнахъ Аполлону.

„*Пеанъ*, говоришь державинъ въ своемъ разсужденіи о Лирической поэзи, заимствовавъ содержаніе свое наипаче опъ Мифологіи, и особливо опносился къ похваламъ, молишвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и челоуѣковъ, но всѣ пропали. Полагаюшь, что болѣе сочиняль ихъ Пиндаръ. Они суть пѣсни, выражающія крошкія чувства, вліянные единственно религіею. Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извишій, ни глубокомыслія, происходящаго опъ разсудка. Они проспы. Предметы ихъ: однѣ благодѣшельныя вліянія вѣры, испекающія опъ души чистпой, спокойной, исполненной благочестія. Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ могушь Пеаны бышь и другаго содержанія, въ копорыхъ любовь къ опечеству, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродѣшли воспѣваюшся и ободряюшся. Для примѣра опъ древности намъ примѣровъ не оспалось; но одинъ похожій на

нихъ, помѣщенный у Гагедорна между Ско-
ліями, прилагаю:

О ты, чшо у рѣки Трифона
Узрѣвшая впервые свѣшь ,
Афинь владычица, Паллада!
Храни сей градъ, гражданъ его
Опш бѣдъ, крамоль и ранней смерти ,
И ты, отецъ сея богини !

Коль днесъ побѣдой увѣнчанный
Хочу тебя, о мать! воспѣшь ,
Плутона, и Цереру пѣсню —
Благословенна будь и ты ,
О дщерь великаго Зевеса ,
Богиня мрака, Прозерпина !
И обѣ сей блюдише градъ .

Въ Делосѣ нѣкогда Лапона
Двухъ чадъ произвела на свѣшь :
Еленегонную Діану
И злаповласа, свѣшла Фива.

О ты, Аркады покровишель,
Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
Въ слѣдъ нимфъ, и обрѣшашель ихъ

Въ сокрышьи опъ шебя—являйся,
 О Панъ! средь нашихъ здѣсь пы пѣсней
 И бодръ всегда будь, свѣшль лицемъ.

Враговъ своихъ мы побѣдили,
 И по желанью поржесство
 Намъ нынѣ даровали боги.
 Такъ, шакъ, Афины! боги вамъ
 Опечесство днесъ Пандролены
 Приобрѣли въ безцѣнный даръ.,,

ПЕНТАКРОСТИХЪ. Родъ *Акростиха*, съ пою полько разноштію, что въ *Пентакростихѣ* начальная липера стиха должна упопрелбена бышь непремѣнно въ помъ же стихѣ пяшь разъ.—*пегте* значишь *пять*, —См. *Акростихѣ*.

ПЕНТАМЕТРЪ. Стихъ, соспояцій изъ пяши спошь или мѣръ. Слово сіе сосшавлено изъ *пегте*, пяшь, и *метрон*, мѣра.

У древнихъ *Пентаметрѣ* или *Дакшило-Спндеическій* стихъ обыкновенно сосшавляемъ былъ шакимъ образомъ: первыя двѣ спошы могли бышь или *Дакшили* или *Спндеи*, а двѣ слѣдующія за полуспишіемъ непремѣнно *Дакшили*. Послѣ спошь второй и чешвершой осшается по одному слогу,

кошорые и счишаюшя за пашую сполу,
на пр.

Tempora | si fue|rint|| nubila, | solus e|ris.

Пентаметрѡ, вмѣсто 32 измѣненій, свойспвенныхъ *Екзаметру*, имѣеть только чешыре измѣненія, пошому что, какъ сказано выше, въ немъ перемѣняюшя однѣ первыя двѣ сполы:

—	c	c		—	c	c
—	c	c		—	—	—
—	—			—	c	c
—	—			—	—	

У древнихъ *Пентаметрѡ* былъ употребляемъ вмѣспѣ съ *Екзаметролѡ* (см. сіе слово) въ Елегіяхъ, Еписполахъ, Елиграммахъ и другихъ мѣлкихъ сочиненіяхъ; однимъ же *Пентаметролѡ* древніе не писали.

Примѣръ Екзаметра съ Пентаметромъ можно видѣшь въ сей Елиграммѣ, переведенной съ Лапинскаго Г. Воспоковымъ, съ сохраненіемъ размѣра подлинника:

Правымъ глазомъ Ванюша, Надинька лѣвымъ
не можешь;

Впрочемъ плѣняють они оба пригож-
спвомъ своимъ.

Ваня голубчикъ! ошдайка сесприцѣ глазъ швой
здоровый:

Будешъ Венерой она—будешъ Амуромъ
слѣпымъ.

На Россійскомъ языкѣ *Пентаметру* сооп-
вѣпшвуешъ спихъ *пятистопный*. — См.
сіе слово.

ПЕОНЪ, раеп. Спопа Лапинской и Гре-
ческой поэзіи: соспоипъ изъ шрехъ краш-
кихъ и одного долгаго слоговъ; ее упошре-
бляли въ Имнахъ Аполлону, называемыхъ
Пеаны,—См. *Пеанъ*.

Стихопворцы раздѣляютъ *Пеонъ* на
чешыре рода:

Первый заключаешъ одинъ долгій и
шри крапкіе слога, какъ на прим. въ сло-
вахъ colligere, *δαμναμενος*, нѣкопорый.

Вторый соспоипъ изъ одного крашка-
го, одного долгаго и двухъ крапкихъ, какъ
въ resolve, *εβλετο*, мученіе.

Третій имѣешъ два крапкихъ, одинъ
долгій и одинъ крапкій, на пр: sociare, *λα-
λεοντα*, заревѣли.

Четвертый родъ изъ шрехъ крапкихъ

и одного долгаго слога, какъ въ *temeritas*,
συναιμενον, соединишь.

ПЕРЕВОРОТЪ, переломъ, перипетя.
 —Когда при окончаніи поэмы Епической или Драмашической случается такое происшествіе, которое неожиданнымъ образомъ перемѣняетъ счастье главнаго лица въ несчастіе, или несчастіе въ благополучіе: сіе называется *переворотъ* или *перипетія*.—См. *Драма, развязка*.

Хотя бы рѣшишельный *переворотъ* заключалъ въ себѣ счастье или несчастіе, но чѣмъ будешь нечаяннѣе, шѣмъ совершеннѣе; особливо въ первомъ случаѣ, ибо ежели чинашели или зрители напередъ догадашьяся могушь, что такое-то дѣйствующее лице непременно избѣгнетъ своихъ бѣдшвій, шо не столько уже могушь чувствовашъ къ нему жалоспи или состраданія.

ПЕРЕМѢНА. *Commutatio*. — Родъ Метампласма.—См. сіе слово.—Соспоишь въ перемѣнѣ лишеръ слова, какъ на примѣрѣ у *Виргилія* сказано *olli* вмѣсто *illi*. — Въ нашемъ стихошворшвѣ шаковыя перемѣны не встрѣчаюшья.

ПЕРЕНОСЪ. Погрѣшность въ сложеніи шестистопныхъ, особенно Амбическихъ, стиховъ; состоитъ въ томъ, когда незаконченный смыслъ въ одномъ стихѣ оканчивается *въ началѣ* послѣдующаго, не достигнувъ пресѣченія или когда, перейдя за пресѣченіе, прерывается не въ самомъ концѣ впораго стиха: ошъ шакого *переноса* дѣлается тогда два пресѣченія, двѣ ошановки.

Въ слѣдующихъ стихахъ видны объ погрѣшности :

Невинность часто здѣсь подвержена бываетъ
Гоненью, бѣдствіямъ ошъ сильныхъ ; всякой
знаешь

Сколь могутъ сильные здѣсь способовъ имѣть
Ко злу; невинности осталось лишь перпѣшь.

Въ шакомъ случаѣ, когда смыслъ *непрелѣнно* должно перенести въ послѣдующій стихъ, надобно спарашься, чшобы онъ продолжился до конца впораго стиха, или покрайней мѣрѣ до пресѣченія. На пр:

Поди, любезная, и дома скорбь разсѣй
Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, звукъ
мечей

Зовешь меня на брань . . . . .

Ты пѣжко воздохнешь и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою.....

Карамзинъ.

или :

Я признаюсь, мой другъ,
Что мой племянникъ правъ; но намъ о дѣлѣ
нужно

Поговоришь скорѣй.....

Кн. Шаховскій. Ком. Своя семья.

Однакожь сію вольность позволипельно упопреблять въ однѣхъ полько легкѣхъ или шупочныхъ спѣхосвореніяхъ; но въ поэмахъ важныхъ надлежитъ избѣгать ее съ великимъ шщаніемъ, ибо опъ шакого *переноса* спѣхи всегда почти дѣлаются слабыми, прозаическими. — Французы называютъ сію погрѣшность *Enjambement* и говорятъ *un vers enjambe sur un autre*, спѣхъ насшупаетъ на спѣхъ.

Еще непозвопительнѣе переноситъ недокончаннѣй смѣслъ въ спѣхъ изъ одной спрофы въ другую. Хопя сіе и дѣлали древніе спѣхосворцы, какъ на примѣръ Гораций—что можно видѣть изъ оды его къ Тулу Антонію, переведенной Г. Востоковымъ нарочно съ сохраненіемъ всѣхъ

свойствъ подлинника ; здѣсь помѣщаются
двѣ спрофы

Всегда Дирцейскій лебедь равень ,
Легокъ въ паренѣи, неослабень

Держашься въ висопахъ —

А я подоблюся пчелѣ, что на цвѣпахъ. ....

.... По лугу злачному гуляешъ ,

Со многимъ пщаньемъ собираешъ

Изъ разныхъ медь соковъ —

Тружусь надъ мѣлочнымъ сложеніемъ стиховъ.

Но таковыя *переносы* въ новѣйшей поэзіи почищаются погрѣшностями. — См. *Лирическій и подражаніе*.

Примѣч. Въ однѣхъ только произведеніяхъ Комическихъ, особенно въ часто прерываемомъ разговорѣ, позволиительно бываетъ дѣлать переносы изъ стиха въ стихъ безъ соблюденія вышепоказанныхъ правилъ; но такое исключеніе не даетъ права на подобную вольность въ другихъ стихотвореніяхъ.

ПЕРІОДЪ. Періодъ есть рѣчь, выражающая совершенный и полный смыслъ. Ученіе о *періодахъ* принадлежитъ къ Ри-

шорикѣ. — См. *Риторики* Ломоносова, Никольскаго и др.

ПЕРИПЕТІЯ см. *Переворотѣ*.

ПЕРИПЕТИЧЕСКІЙ. См. въ слп. *Драма* о развязкѣ.

ПИНДАРИЧЕСКІЙ. — См. *Ода*.

ПИРРИХІЙ. Стопа Греческой и Латинской поэзіи, состоящая изъ двухъ крапкихъ слоговъ (∪ ∪), какъ на примѣрѣ въ словахъ Deus, теа, Θεοσ. Въ Русскомъ для примѣра могутъ служить часпицы *пере, наи*, сложно съ другими словами употребленныя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей слово сіе происходитъ отъ *πύρριχῆ*, скорой пляски—въ сочиняемыхъ для копорой пѣсняхъ стопа сія болѣе прочихъ употреблялась; а имя пляски произошло отъ имени ея изобрѣшателя, Пирра Сидонскаго, или, какъ другіе полагаютъ, Пирра сына Ахиллесова.

Въ Русскомъ стихосложеніи *Пиррихій* не иначе можешь быть употребителенъ, какъ въ срединѣ словъ, попому что нѣтъ ни одного шакого ошдѣльнаго слова, кошо-

рое, будучи сосоставлено изъ двухъ слоговъ, не имѣло бы изъ нихъ одного долгаго. Когда же встрѣчается онъ въ другихъ стихахъ, какъ на примѣръ въ Даксилѣ (— ∪ ∪), или въ Анапестѣ (∪ ∪ —), то лишается своего названія. — *Пиррихій* производить большое разнообразіе въ стихахъ Ямбическихъ. См. Ямбъ.

ПЛАНЪ. См. Расположеніе.

ПЛЕОНАЗМЪ. *Abundantia*. Когда въ рѣчи находится какое нибудь слово, не нужное для содержащагося въ ней смысла, и когда сіе слово, будучи исключено, не уменьшаетъ въ смыслѣ нисколько ясности, то оное излишнее слово называется *Плеоназмомъ*. Въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: *я видѣлъ моими глазами, я слышалъ моими ушами, я самъ пойду, слова моими глазами, моими ушами, самъ*, суть Плеоназмы, потому что если бы и не было ихъ, смыслъ нисколько бы не перемѣнился.

Слово Плеоназмъ взято изъ Греческаго языка. *Πλεονασμός* происходитъ отъ *πλεονάζειν*, *redundare*, *abundare*, *излишествовать*, и также *изобиловать*, а сіе имѣетъ корнемъ *πλέωσ*, полный. По сему Плеоназмъ значить

излишество, а въ другомъ случаѣ изобиліе, полноту.

И такъ, ежели взять слово *Плеоназмъ* въ первомъ смыслѣ, то есть принявъ за *излишество*, то можно будетъ почестъ его совершенною погрѣшностію; въ послѣднемъ же смыслѣ онъ составишь Синтаксическую фигуру, копорю прибавляють въ изрѣченіи такія слова, кои хотя и кажутся излишними по строгости Грамматической, но служатъ однакожъ *дополнительными* понятіями, или для бѣльшей ясности рѣчи, или для бѣльшей силы.

Въ изрѣченіи: *я видѣлъ это моими глазами, слова моими глазами* хотя и кажутся излишними, пошому что не иначе можно видѣть какъ глазами и припомъ своими; но сіе дополненіе придаетъ смыслу нѣкопорую силу, и заставляетъ разумѣть, что смопрѣли на вещь со вниманіемъ, и что говорятъ по собственному опыту. Слѣдсвапельно шупъ *Плеоназмъ* нуженъ и не есть погрѣшность.

Примѣръ *Плеоназма*, относящагося къ излишесшву, то есть принадлежащаго къ погрѣшности слога, можно привести сей стихъ изъ Россіады, въ описаніи Безбожія:

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ.

Слово *темная* здѣсь совершенно излишнее; и безъ сего выраженія всякой чистапель могъ бы догадаться, что по мѣсто, куда *не входитъ свѣтъ*, должно быть *темное*.

И сіи опривки изъ разныхъ басень также принадлежатъ къ послѣдному *Плеоназму*:

На свадьбу ѣхала богашая карета,
Предъ нею *съ факеломъ* два вершника для
свѣта. —

Одинъ влюбился
Безумно какъ дуракъ. —

Два друга по саду гуляли,
Благоуханіемъ цвѣты ихъ забавляли;
То было въ лѣтні дни —

Всѣ сіи выраженія для *свѣта*, *безумно*, *то было въ лѣтні дни* суть *Плеоназмы*, принадлежащія къ погрѣшностямъ.

ПОВТОРЕНІЕ. Repetitio. — Въ Рипорикѣ фигура рѣченій: соспоинтъ въ помъ, когда одно слово или многія нѣсколько разъ въ періодѣ или въ продолженіи всего

сочиненія повшоряюшся. Бываешъ слѣдующихъ родовъ :

1. Когда въ началѣ каждаго стиха, или въ началѣ многихъ краткихъ періодовъ одно слово повшоряешся. На пр:

Брега Невы руками плещушъ ,
Брега Балшійскихъ водъ препенцушъ.

или

Тобой поспаблю судъ правдивый ,
Тобой сопру сердца кичливы ,
Тобой я буду злосъ казнишь ,
Тобой заслугамъ мзду даришь.

Ломоносовъ.

Возрастай дияя прекрасно ,
Возрастай нашъ полубогъ !
Возрастай уподобляясь
Ты родишелямъ во всемъ.

Державинъ.

У Озерова въ Трагедіи *Фингалъ* :

О мужеспвенный *Спарнъ* ! ты зришь ояпъ
Фингала ,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведешъ шеперь любовь.

2) Когда два и больше рѣченій повпоряюпся. На пр:

Десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе насъ.

или

Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецѣ глаголахъ, яко младенецѣ мудрсипвовахъ, яко младенецѣ смышляхъ: егда же бѣхъ мужъ; ошвергохъ младенческая.

У Ломоносова:

*Онѣ такѣ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Очѣ такѣ бросалъ за Бельпъ свой громъ,
Онѣ сильну такѣ вносилъ десницу.....*

Херасковъ говоритъ въ Россіадѣ о великой ЕКАТЕРИНѢ:

*Придутѣ къ ней Цари, какъ въ древній Ви-
флеемъ,*

Не злато распочашъ, не зданіямъ дивишься;
*Придутѣ къ ней Цари — но царствовашъ
учишься.*

3) Когда на концѣ многихъ предложеній одно рѣченіе повпоряется:

Жалѣете о убіенныхъ прехъ воинспвахъ народа Римскаго? убилъ *Антоній*.
Не спало у насъ именишыхъ гражданъ?

похипилъ *Антоній*. Упѣснена власть сего Сенапа? упѣснилъ *Антоній*.—*Цицеронъ*.

4) Когда одно рѣченіе въ началѣ, а другое на концѣ предложенія повпоряеся; На пр:

Кто законъ уставишь? Руллъ. Кто у большей часпи народа опнялъ голоса въ совѣпахъ? Руллъ. Кто на сеймѣ былъ главнымъ? Руллъ.—*Цицеронъ*.

Или у Феофана Прокоповича въ рѣчи, произнесенной 21 Октября 1717 года:

Кто наипервѣ пощался неборимыми регулярными крѣпостями оградиши царство Россійское? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* изобрѣше поль крѣпкое и удобное расположеніе мѣста къ населенію сего царственнаго града? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* его украшаешъ новосозидаемыми архишкшурными многокрасными зданіями? *ПЕТРЪ первый*. И пр.

5) Когда два рѣченія, которыя стоятъ вмѣспѣ, порознь повпоряюшся съ присо-вокупленіями:

Мудрый человекъ можетъ всегда плакать и смѣяться: *смѣяться* какъ Демокришъ надъ глупостію человѣческою; *плакать* какъ Гераклишъ о суешѣ сего міра.

Преосвященный Анаспасій, въ словѣ на погребеніе Бецаго, говоришь :

Онъ ославляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ. *Вѣ имени?* написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живопа. *Вѣ дѣлахъ?* увѣнчанныхъ небесною славою.—См. *Усугубленіе*.

6) Когда повторающіяся пѣ же самыя слова въ другомъ порядкѣ. — У Капписпа въ одѣ на *Счастіе* :

.... И все что въ мірѣ оживленно
Дань платитъ счастью и любви. —
Все дань любви и счастью платитъ!
 Лишь человекъ.....

7) Когда слово въ одномъ періодѣ употребляется два раза, и въ послѣднемъ случаѣ съ противоположною мыслію, на пр. Онъ *привлекаетъ* всѣхъ сердца не спрехомъ и неспрогоспію, но любовію и благонаравіемъ ихъ къ себѣ *привлекаетъ*. — Сей родъ повторенія часпо употребляется въ священномъ писаніи :

На пущь языкъ не *идите*, и во градъ Самарянскій не *внидите*, *идите* же паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. — Маше. 10. гл.

Любы долгошерпишь, милосердшвуешь; любы не завидишь, любы не превозносиш-

ся, не гордишься, не безчинствуешь, не ищешь своя си, не раздражаешься, не мыслишь зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ.—Коринф. гл. 13.

8) Иногда повторяется цѣлый стихъ безъ всякой перемѣны, и сіе немалую производить пріятность. Такъ у Карамзина въ сказкѣ *Илья Муромецъ* :

Время быспрою спрѣлой лепишь,
 Чась проходишь за минушами,
 И за упромъ полдень слѣдуешь —
Незнаколика спитѣ глубоколибъ снолибъ.

Солнце къ западу склоняется;
 И съ Ефирною прохладою
 Вечерь сходишь съ неба яснаго
 На луга и поле чистое —
Незнаколика спитѣ глубоколибъ снолибъ.

Ночь на облакѣ спускается,
 И гущыя тьмы покровами
 Одѣваетъ землю тихую;
 Слышно ручейковъ журчаніе,
 Слышно эхо опдаленное,
 И въ куспочкахъ соловей поеть —
Незнаколика спитѣ глубоколибъ снолибъ.

У К. Долгорукаго въ стихахъ подъ
названіемъ *Спорб* :

Лучь солнца грѣешь и пипаешь ,
Чшо можешь быть его свѣплѣй?
Онъ съ неба въ бездны проникаешь . . .
„Все такб! да мнѣ луна милбй.

Когда весной оно проглянешь
И верхъ озолотить полей ;
Все вдругъ цвѣспи, раждашься спанешь . . .
„Все такб! да мнѣ луна милбй.

Огнемъ его живошворипся
Вся связь еспешвенныхъ вещей ;
Спихій душа имъ веселипся . . . .
„Все такб! да мнѣ луна милбй.

Съ какимъ желаньемъ попъ, кшо боленъ
Въ избѣ своей ждепъ ясныхъ дней!
Увидипъ солнышко—доволенъ !
„Все такб! да мнѣ луна милбй. и пр.

ПОВѢСТВОВАНИЕ. Narratio. Повѣспво-
ваніе еспъ изображеніе происшествій, какъ
описаніе еспъ изображеніе вещей.

Повѣствование можешь быпъ во вся-
комъ родѣ поэзіи; но оно сосшавляешь всю
сущность поэзіи *Епической.*

Каковъ бы предметъ ни былъ, но поэтъ, кто рассказываетъ, имѣеть всегда обязанностію научать и удостовѣрять. По сему первыя правила *повѣствованія* суть ясныи и правдоподобіе.

Повѣствованія можно раздѣлить на четыре рода: 1) повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ или припчяхъ; 2) повѣствованіе историческое; 3) повѣствованіе пійическое, и 4) повѣствованіе орапорское или выпійственное.

Повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ есть Аллегорическое изложеніе дѣйствія, приписываемаго обыкновенно живописнымъ. Оно должно быть кратко, ясно и правдоподобно; слога пребуеть простаго, веселаго; его украшенія состоятъ въ изображеніяхъ и описаніяхъ лицъ и мѣспъ; оборопы его должны быть живы и разительны, выраженія смѣлы.—См. *Басня*.

Повѣствованіе Историческое есть вѣрное изложеніе истинныхъ происшествій; оно пребуеть слога яснаго — подобнаго обыкновенному разговору, съ приличными украшеніями.

Повѣствованіе Орапорское или Выпійственное есть та часть Орапорскаго слова, кошорая обыкновенно слѣдуеть послѣ

вступленія. Здѣсь позволипельно употре-
бляеть всѣ возможныя украшенія, показы-
ваемыя Рипорикою.

Повствование Пимитическое естъ изложе-
ніе стихами испинныхъ или вымышлен-
ныхъ происшествій со всѣмъ блескомъ
Пимитического искусства. Поэзія въ повѣсп-
вованіяхъ своихъ сохраняетъ порядокъ со-
вершенно отличный отъ порядка исто-
рическаго. Повѣспвованіе *Пимитическое* на-
чинается иногда со середины происшеств-
вій, какъ будто бы чипапелъ извѣстенъ
былъ уже о томъ, что происходило преж-
де; иногда же почпи съ конца происшеств-
вія—и тогда поэтъ оставляетъ говорить
о преждебывшихъ приключеніяхъ въ благо-
пріятнѣйшій для него случай. Такъ Еней
вдругъ удаляется отъ береговъ Сициліи;
онъ приближается уже къ Италіи, но бу-
ря увлекаетъ его въ Карфагенъ; тамъ на-
ходитъ онъ Царицу Дидону, которая же-
лаетъ знать о его несчастіяхъ; онъ раз-
сказываетъ ихъ, и чрезъ сіе средство
поэтъ имѣетъ случай объявить чипапелю,
что происходило прежде отъѣзда изъ
Сициліи.

Поэзія можетъ повѣспвовать шремя
образами. *Первый*: когда поэтъ самъ не

показываешь, а заставляешь дѣйствовать вводимыя имъ лица. *Вторый*: когда поэтъ показываешь, но не показываешь вводимыхъ имъ лицъ, п. е. говоришь о имени о дѣйствіяхъ сихъ лицъ. *Третій* образецъ есть сложный и состоитъ въ томъ, когда поэтъ, не показывая вводимыхъ лицъ, приводитъ ихъ рѣчи, повѣствуя о прочихъ приключеніяхъ, или, кратко сказано, когда смѣшиваешь показанные выше два рода.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ. Слово сіе дается поэзіи или стихамъ, заключающимъ въ себѣ какое либо повѣствованіе съ соблюденіемъ надлежащихъ къ оному правилъ.—См. *Повѣствованіе*.

ПОГРѢШНОСТИ. Погрѣшности въ стихосложеніи бываютъ слѣдующія:

1.) Когда рифмы оканчиваются на *ати* или *ити*. На пр. чипаши, блиспаши; трубиши, любиши и пр.

2.) Когда слова полагаются противъ принятаго ударенія въ слогахъ, на пр. когда вмѣсто *было*, имѣющаго удареніе на первомъ слогѣ, пишется *было*, съ ударе-

ніемъ на впоромъ слогъ; должно в. должно; *цвѣты* в. *цвѣтъ*.

3.) Когда полагаея нѣсколько гласныхъ либо согласныхъ сряду, на пр: *милію я цязви ть; чувствѣ встрѣчаемыхъ; или какъ въ семь стихѣ:*

Къ опмщенью швоему я, Іоаннь, спремлюсь.

4.) Когда въ стихѣ часпо употребляются одинакія лишеры или одинакіе слоги. — Такъ въ нѣкопоромъ посвященіи сказано :

Едва успѣлъ спунить ты прона на спунень.

или

Твое внушенье чпу, о муза, за законъ.

И у Хемницера въ Баснѣ буквы:

Ужъ то-то толки тѣтъ пойдутъ

5.) Когда въ стихѣ спекающія многія односложныя слова, опъ чего не можеть бытъ плавности.—У Хемницера въ баснѣ *Медвѣдь плясунѣ* написано :

*Иной со всѣхъ ногѣ такѣ тѣтъ о землю хва-
шился . . . . .*

6.) Когда пресѣченіемъ стиха опдѣляется предлогъ опъ имени существительнаго или прилагательнаго на пр.

Луна смопрѣла сквозь | развѣсистыхъ древесъ...

Или въ Трагедіи *Гамлетъ* :

Пуспъ Данія среди | побѣдъ, среди покоя
Ошца опечества въ Царѣ своемъ узришь....

7.) Когда часпица *то*, или какой ни-
будь односложный союзъ, или междометія
о! ахъ! спояпъ передъ пресѣченіемъ. На пр:
Зевесъ всемоцный! о! | рази своимъ перуномъ...

или

Могуль я вѣришь, чшо | пы будешь мѣ върна...

8.) Когда слова поспавляются не въ
Грамматическомъ порядкѣ. — Майковъ, въ
поэмѣ *Елисей*, приводишь слѣдующіе два
спиха:

Подъ воздухомъ просперъ свой ходъ веселый
чиспымъ,
Поѣхаль какъ Непшунъ по водъ верхамъ пѣ-
ниспымъ.

9.) Когда полагаются слова безъ вся-
кой нужды, единственно для наполнеія
спопъ.—См. *Плеоназмъ*.

10.) Когда въ продолженіи спиха
вспрѣчаются слова одинакимъ образомъ
оканчивающіяся и производящія рифмы;

или когда слогъ, дѣлающій пресѣченіе, соглашается въ рифмѣ съ послѣднимъ слогомъ стиха. На пр:

И на главѣ его корона!

И трона спалъ онъ оборона!

или

Я пошелъ тогда туда . . . . .

или

О ты, всего творецъ, небесный нашъ отецъ!
Когда ты ниспошлешь симъ бѣдспвіямъ ко-
нецъ? . . . .

11.) Когда неокончанный въ одномъ стихѣ смыслъ переносится въ другой, прекращаясь прежде пресѣченія и пр.—См. *Переносъ стиха*.

12.) Когда полагается сряду нѣсколько мужескихъ или женскихъ стиховъ въ сочиненіи, въ копоромъ соблюдается было *согетаніе*.—У Княжнина въ Комедіи *Хвастунъ* находятся сряду чешыре женскихъ стиха, имѣющихъ слѣдующія рифмы:

Или въ большой ты свѣшь всунилъ? чѣмъ
чорпъ не шумишь!—

Я только прискакалъ, да ужъ и въ Сенапоры . . . .

13.) Когда къ первообразному слову рифмою полагаешся другое слово, опъ онаго происходящее и на оборопъ; на примѣръ когда къ слову *жить* рифмою спавишся *пережить*, къ слову *узрѣшь* — *зрѣть* и пр. авпоръ Трагедіи *Електра* и *Орестѣ* погрѣшилъ прошивъ сего правила, написавъ:

Нѣшь, Клишемнестра, нѣшь, швой духъ не
зналъ злодѣйства,

Жестокоспи швой лишь пылкой спраспи
дѣйства....

Дѣйст. III. явл. 5.

А въ другомъ мѣспѣ говоривъ сама Клишемнестра :

Довольно я была участницей злодѣйства
И поздно вижу я его кровавы дѣйства..

Дѣйст. V. явл. 2.

Чрезмѣрная легкоспъ писавъ пакимъ образомъ спихи (пакже какъ и рифмы на *ити* и *ати*) заспавила назвавъ сіе погрѣшностію.

14.) Когда рифмы часшо оканчивающся на глаголы.—Сіе производивъ упомипельное однообразіе и дѣлаешъ спихи вялыми.—Хемницеръ болѣе многихъ спихо-

творцевъ подверженъ былъ сей погрѣш-
носши.

15.) Когда однѣ и тѣ же рифмы весь-
ма часно повпоряются въ одномъ стихо-
твореніи. Впрочемъ повпореніе одного
или нѣсколькихъ словъ производишь иног-
да большую пріятность — таковы у Жу-
ковского въ Балладѣ *Свѣтлана* выраженія:
блѣденъ и чылый.

16.) Когда (особливо въ Александрій-
скомъ стихѣ) каждая строка состоишь изъ
однѣльнаго слова. Въ такомъ случаѣ чи-
слныя пресѣченія или остановки голоса
лишаютъ сочиненіе плавности. На пр:

Едва| вспустилъ| ты, Князь,| на шронъ| своихъ|
опцовъ|
Уже| съ мечемъ| въ рукѣ| идешь| карать| вра-
говъ.

17.) То же самое бываетъ, когда *весьма*
часто встрѣчаются въ стихахъ слова
слишкомъ длинныя, занимающія цѣлое по-
луступише; ибо тогда удареніе въ строкахъ
выходишь принужденное на пр:

Своекорыстіе во зло употребляетъ.

или

Благопріемлющій признашельность сердець.

Однакожь подобныя слова, *изрѣдка* въ Ямбическихъ стихахъ упопребляемыя, производя заключающимся въ нихъ Пиррихіемъ разнообразность въ произношеніи, чрезъ то доспавляютъ слуху, упоминаемому безпрерывными Ямбами, немалое удовольствіе.

18.) Также почищается погрѣшностію, когда въ сочиненіи каждый стихъ, или даже каждые два стиха, соспавляютъ опредѣльный смыслъ безъ связи съ прочими, опъ чего стихи лишаются живоспи и упоминають однообразіемъ вниманіе чишащеля. Такое стихопвореніе показываетъ еще, что авторъ не имѣлъ силы пройши съ бодростію подлежащее поприще, но подобно лѣнивому или упомянутому пушнику, кое-какъ, съ оспановками, дошащилъ до конца онаго.

ПОДОБИЕ, уподобленіе, *similitudo*. *Уподобленіе* или подобіе есть приличное объясненіе сходства сравниваемыхъ между собою предметовъ. На пр: у Державина въ одѣ на *взятіе Измаила* :

Везувій пламя изрыгаетъ,

Сползъ огненный во пмѣ сполпъ,

Часть. II.

25

Багрово зарево зяешь ,
 Дымъ чорный клубомъ въ верхъ лепишь ;
 Краснѣешь поншь, ревешь громъ ярый,
 Ударамъ въ слѣдъ звучать удары ;
 Дрожишь земля, дождь искръ печешь ,
 Клокочуть рѣки рдяной лавы :
 О Россѣ!—таковъ швой образъ славы,
 Чшо зрѣль подъ Измаиломъ свѣшь.

или

Я видѣль войско сопоспапъ :
 Какъ змій хребешъ свой изгибаешъ —
 Главой уже коснулось врапъ ,
 Хвостомъ все поле покрываешъ.

Дмитріевъ.

У Хераскова въ поэмѣ *Плоды наукѣ* шакъ
 уподобляюшся спрѣльцы Гиганшамъ , а
ПЕТРЪ Великій Зевесу :

Зевесь прошивъ себя возспавшу видѣль шварь:
 Здѣсь подданныхъ своихъ мяшежныхъ видишь
 Царь.

Невѣжеспвомъ шекупъ Гиганшы ополченны:
 Спрѣльцы невѣжеспвомъ подобнымъ ослѣп-
 ленны ;

Мгновенно молніи Зевесъ къ врагамъ пуспилъ;
 Пеширъ два смятенья зрѣлъ, и дважды имъ не
 мспилъ.

И у Пушкина въ поэмѣ: Русланъ и Людмила :

Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со, спрахъ скорчась, обмиралъ;
 И вѣрною смерти ожидая,
 Коня еще быспрѣе гналъ.
 Такъ шочно заяць поропливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчипся ошо пса.

ПОДРАЖАНІЕ. , Imitatio. Подражашь оратору или поэпу не значипъ переводипъ его, или рабски списывашь; это значипъ, въ шѣсномъ смыслѣ, взяпъ мысль его и предспавипъ ее съ вольноспію, *по своему*; это значипъ, въ смыслѣ обширнѣйшемъ, образовывашь свой умъ, языкъ, учипсья оборопамъ, изображеніямъ, гармоніи подлинника, и обогашивъ память красопами его, исполнивъ душу его воображеніемъ, упражняпсья въ помъ же самомъ родѣ; выбирапъ не погрѣшности его. если онъ

имѣешь ихъ, но то, что у него лучшаго, изящнѣйшаго въ духѣ и слогѣ.—Такъ *Виргилій* въ своей поэмѣ *Аргонавтовъ* помѣстилъ *Епизодъ Дидоны*, подражая *Аполлонію Родоскому*. Прозьба *Минервы* и *Юноны* къ *Венерѣ*, и шребованіе послѣдней ошъ *Амура*, чтобы онъ поразилъ спрѣлами *Медею* и *Язона*; огонь, ошъ копораго *Медея* тайно сгараешъ, разговоръ ея съ сеспрою своею *Халціопою*; смязненіе души ея во время ночнаго безмелвія; спыдъ измѣнишь ошцу и желаніе спасши *Язона*: все сіе не иное что, какъ слабая *обрисовка*, изъ копорой составилъ *Виргилій* прекраснѣйшую каршину. Но слѣдующій примѣръ яснѣе покажешъ, сколько сей поэтъ въ подражаніяхъ своихъ превосходилъ самыя подлинники. Вотъ лишперальный переводъ *Аполлоніева шекста*: „ночь покрывала землю шѣнію, и въ откритомъ морѣ кормчіе упражнялись на судахъ въ наблюденіи звѣздъ *Гелиссы* и *Оріона*. Пупешешвенники и спражи врашь предалися сну. Самая печаль нѣкоторыхъ машерей, лишвшихся дѣтей своихъ, во время сна позабывалась. Во градѣ не слышно было ни лая псовъ, ни шума людей. Безмолвіе царшвовало среди мрака. Одна *Медея* не вку-

шала пріятностей спокойной ночи: споль душа ея колеблема была безпокойствами, причиненными Язономъ.,,

У Виргилія въ сихъ стихахъ :

Nox erat; et placidum carcebant fessa soporem
Corpora per terras, sylvaeque et saeva quierant
Aequora *и проч.*

Видно не только превосходство дарованія, но и превосходство вкуса. На примѣръ, въ изображеніи поэта Греческаго: наблюденія кормчихъ во время ночи показываютъ бдильность и безпокойство и не дѣлають противоположности съ состояніемъ Медеи, вмѣсто того, что въ картинѣ Виргилія вездѣ соблюдено единство. У него вся природа наслаждается спокойствіемъ и сномъ, между тѣмъ, какъ одна несчастная Дидона предается лютейшимъ мученіямъ любви. Наконецъ въ поэтѣ Греческомъ лай псовъ и сонъ спражей суть такія мѣлкія подробности, кои недоспойны Епопеи; въ Виргиліи же, напротивъ того, все превосходно и разительное.

У насъ весьма искусно подражали: Княжнинъ прагикамъ Французскимъ, Державинъ Горацию, Дмитріевъ и Крыловъ Лафоншену.

Начало слѣдующей оды Державина на смерть Графини Рцляницовой есть прекрасное подражаніе упомянутому Лапинскому спихопворцу :

Не безпрестанно дождь спремится
 На классы съ черныхъ облаковъ,
 И море не всегда спруится
 Опъ премѣняемыхъ вѣпрровъ; *и проч.*

Лапинскій Лирикъ шакъ начинаеть :

Non semper imbres nubibus hispidos
 Manant in agros, aut mare Caspium
 Vexant inaequales procellae
 Usque; nec Armeniis in oris,
 Amice Valgi, stat glacies iners
 Menses per omnes; aut Aquilonibus
 Querceta Gargani laborant,
 Et foliis viduantur orni. . . .

См. кн. 2. ода 6. *Ad Valgium.*

Его же спихи подъ названіемъ *Памятникъ* суть подражаніе сей оды:

Eregi monumentum aere perennius,
 Regalique situ pyramidum altius *и проч.*
 Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный вѣчный,

Мешалловъ шверже онъ и выше пирамидъ,
 Ни вихрь его, ни громъ не сломить быспро-
 течный

И времени полеть его не сокрушить и *прот.*

Сверхъ сихъ примѣровъ находихся у Державина множество и другихъ *подражаній*, и какъ оныя въ изданіи сочиненій его не означены, по мы за нужное почипаемъ для упражняющихся въ словесности сдѣлать здѣсь подробное указаніе. — Всѣ слѣдующія стихотворенія, суть подражанія:

I. Царю и Пророку Давиду.

1. Власпишелямъ и Судіямъ.—См. Псаломъ 81.
2. Величество Божіе.—Пс. 103.
3. Праведный Судія.—Пс. 100.
4. Истинное счастье.—Пс. 1.
5. Побѣдишелю.—Пс. 90.
6. Помощь Божія.—Пс. 120.
7. Уповающему на свою силу.—Пс. 146.
8. Счастлирое семейство.—Пс. 147.
9. На щцету земной славы.—Пс. 48.
10. Желаніе въ Горня.—Пс. 83.
11. Радость о правосудіи.—Пс. 74.
12. Введеніе Соломона въ судилище.—Пс. 71

13. Брашское согласіе.—Пс. 132.
14. Ушѣшеніе добрымъ.—Пс. 36.
15. На безбожниковъ.—Пс. 55.

II. Пиндару.

Кромѣ двухъ пѣсней *Пифической* и *Олимпической*—спихопвореніе подѣ названіемъ *Афинейскому Витязю*.

III. Горацию.

1. О удовольствіи.—Гор. кн. 3. ода 1.
2. На ворожбу.—кн. 1. ода II.
3. Похвала сельской жизни.—Кн. Еподъ. Ода 2.
4. Къ Капнисту.—Кн. 2. Ода 16.
5. Пиррѣ.—Кн. 1. Ода 5.
6. Къ Скопихину.—Кн. 2. Ода 2.
7. Время.—Кн. 2. Ода 14.
8. Весна.—Кн. 1. Ода 4.
9. Лебедь.—Кн. 2. Ода 20.

Примѣч. За излишнее почишаемъ упоминашь, что всѣ *Анакреонтическія* спихопворенія *Державина* писаны въ подражаніе *Анакреону*—или по слогу, или по содержанію.

Сихъ образцевъ доспапочно, кажеш-

ся, для того, чтобы оправдать безъ всякаго вниманія упреки пѣхъ строгихъ людей, копорые называютъ *подражанія* или слабостію собственнахъ дарованій, или рабствомъ, уничтожающимъ собственныя дарованія. Имъ безъ робости скажемъ въ отвѣтъ, что Спезихоръ, Архилохъ, Иродотъ, Платонъ, подражали Гомеру, копорый самъ безъ подражанія предшественникамъ своимъ не могъ бы споль скоро довести поэзію до такого совершенства. Виргилій почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ подражалъ и Гомеру и Феокриту и Гезіоду, и другимъ Греческимъ поэтамъ, и отъ того, что онъ имѣлъ много изящныхъ образцевъ, самъ сдѣлался образцемъ достойнымъ удивленія. Скажемъ, что всѣ почти новѣйшіе иноспранные писатели, и наши соотечественники, наиболѣе извѣстные по своимъ твореніямъ, также во многомъ подражали древнимъ и новымъ писателямъ и во многомъ превосходили самые подлинники. Предосудительны однѣ только *подражанія*, такъ сказать *механическія*, то есть такія, въ копорыхъ встрѣчаемъ не красоты оригинала, не духъ автора, но единственно рабское послѣдованіе даже погрѣшностямъ его. О сихъ-то

подражаніяхъ сказалъ Горацій: O imitatores! servum pecus!.....

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЙ.—*Подражательная или звуко-подражательная поэзія.*

Всякой языкъ имѣеть множество такихъ словъ, которыхъ произношеніе совершенно, или по крайней мѣрѣ, весьма много соотвѣствуетъ самимъ дѣйствіямъ природы, сими словами изображаемымъ. На примѣръ, выговаривая слова: *гролибъ, трескъ, свистъ, визгъ, карканье, клокотанье, шипѣнье* и пр. мы чувствуемъ, что они сообразны съ описываемыми ими дѣйствіями. И потому искусный стихотворецъ всегда старается облачать мысли свои такими словами, которыхъ звуки и самое *расположеніе* рѣченій бывають приличны свойству оныхъ мыслей. Опъ сего *подражательная* поэзія раздѣляется на два рода :

- 1) Подражаніе *въ звукахъ.*
- 2) Подражаніе *въ разлѣсахъ.*

Подражаніе *въ звукахъ* происходитъ единственно опъ употребленія или лучше сказать опъ подбора буквъ, соотвѣствующихъ въ произношеніи описываемъ

тому дѣйствию. На примѣръ въ сихъ стихахъ :

Какъ громъ гремящій по горамъ. —
 Урча и клооча со щеглой поглощаешъ.—
 Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
 Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.

У Сумарокова въ Баснѣ говоряшь лягушки:

О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ, боги,
 не гласишь.

Можно ли лучше изобразишь кваканье лягушекъ?—и у Крылова кричишь воль:

..... И мы

Грѣшны, шому давно, когда зимой *кормы*...

Эпо повпоренное на концѣ двухъ стиховъ *мы*, и самое соспавление послѣдняго стиха, изъ ошдѣльныхъ Ямбовъ, весьма удачно изображаютъ *мыганье*.

Гомеръ и Виргилій исполнены такихъ *звуконподражаній*. Всякому извѣстенъ Виргиліевъ стихъ, кошорымъ описываетъ онъ Полифема :

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen
 ademptum.

Стихъ сей дѣйствительно кажется чудовищнымъ, когда выключая по правиламъ Лашинскаго спихопворспва нѣкопшорыя липеры, часто произносимъ звукъ *ц* (*и*)

Слѣдующій же прекрасно изображаетъ конскій шопопшъ:

Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

Персій сказалъ о человѣкѣ, говорящемъ въ носъ :

Rancidulum quiddam balbâ de nare loquutus.

Не бесполезно будетъ привести и слѣдующій стихъ Расина, изображающій шипѣнiе или свистъ змея :

Pour qui sont ces serpents , qui sifflent sur vos
têtes?

Что же касается до звукоподражанiя въ размѣрахъ, то сіе дѣлается оцупишельнымъ, когда составленіе спиховъ, по расположенію словъ или спопъ, бываетъ сообразно заключающемуся въ нихъ содержанію. Дабы показашъ подробнѣе, въ чемъ состоиптъ сей родъ звукоподражательной поэзіи, приведемъ здѣсь нѣсколько иносшранныхъ и нашихъ примѣровъ, изображающихъ различныя дѣйствiя-природы :

1) *Скорость*. Она предполагаетъ легкость, хотя бы сія легкость была только относительна. Спихъ, выражающій легкость и скорость, долженъ быть, по словамъ Шиллера, *гибкимъ и легкимъ, какъ будто изъ ничего выпрыгнувшимъ*:

Schlank und leicht, wie aus dem Nichts gesprungen.

У Державина весьма удачно описаны подвиги Рымникскаго героя, въ спихахъ начинающихся сими словами:

Вихрь полунощный лепишь богатырь и прог.

У Гнѣдича въ Иліадѣ описаніе быспропы коня:

Бурный бѣжишь по полямъ, поражая копытами землю.

2) *Мѣдленность или тяжесть*. Она противоположна легкости, и слѣдственно пребуеетъ нѣсколько прудныхъ для произношенія слоговъ, къ чему много способують слова соспавныя. Делишь такъ объ эпомъ, изъясняется, подавая въ правилѣ и примѣръ превосходный:

Que d'un pas lent et lourd le boeuf fonde la plaine.
Chaque syllabe pèse et chaque mot se traine.

Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи Вир-
гилія, описывающіе усиліе Циклоповъ :

Illi inter sese magna vi brachia tollunt ,
In numerum versantque tenaci forcipe ferrum.

У Крылова въ Баснѣ *муха и дорожные*:

Въ Іюль, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору ,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Чепверкою рыдванъ
Тащился . . . . .

3) *Стукъ и паденіе*. Для перваго мы
имѣемъ прекраснѣйшій образецъ въ спи-
хахъ Державина *Мой Истуканъ* :

Быль можешь, что и мой кумирь
Черезъ рѣшетки золотыя,
Слепишь и размѣшишь весь міръ;
• *Ступа съ крыльца, ступень съ ступени*
И скапится въ прохладны тѣни.

Произнося чепвершый стихъ, какъ
будто слышимъ стукъ бюста по ступе-
нямъ, а въ пятомъ живо изображается
мѣдленная кашкость его по ровному мѣсту.

Вразсужденіи паденія, прочитайте
Басню Дмипріева *Дубъ и трость*. Съ ка-

кимъ искусствомъ представилъ поэтъ сіе дѣйствіе въ послѣднемъ изъ слѣдующихъ стиховъ :

Лешипъ, кружипся листъ, просипъ гнешся—
дубъ споипъ.

Вѣпръ, пуще оружась, изъ всей ударилъ мочи—
И топъ, на коего съ шрудомъ взирали очи,
Кшо ада и небесъ едва не досягалъ —

Упалб.

По правиламъ же *подражательной* поэзіи надлежитъ наблюдать, чшобы размѣръ стиховъ соотвѣтствовалъ избранному предмету: Хорей, на примѣръ, можетъ выражать веселость; Ямбъ или Анапестъ горестъ, унылость и пр. Прочитайте оба перевода Руссовой оды *На счастье*, (Ломоносова и Сумарокова), и вы увидите, который размѣръ приличнѣе содержанію оной.

ПОЭЗИЯ. Poësis. — Изъ всѣхъ нижеприведенныхъ разсужденій, заимствованныхъ по большей части отъ древнихъ и новыхъ писателей, можно извлечь слѣдующее опредѣленіе поэзіи, которое, въ сравненіи съ прочими, кажется вѣрнѣйшимъ:

Поэзія есть вымысль, основанный на *подражаніи* природѣ изящной и выраженные словами, расположенными по известному размѣру—такъ какъ проза или краснорѣчіе есть *изображеніе* самой природы рѣчью свободною.

Ораторъ говоритъ только *истину* съ убѣдительною силою и простотою, а поэтъ изображаетъ *правдоподобное* съ такою поразительною пріятностію, которая плѣняетъ и съ шѣмъ вмѣстѣ поправляетъ душу. Если же на сіе возразятъ, что есть сочиненія прозаическія, заключающія одно только *правдоподобное*, есть и стихотворенія, въ коихъ находится одна *истина*, то на сіе можно отвѣчать, что проза и поэзія, будучи одна къ другой столь близки, передаютъ взаимно и форму ихъ различающую и всѣ свойственныя каждой принадлежности. Ихъ можно, кажется, уподобить непримѣнной цѣпи звѣнь, видимыхъ въ различныхъ царствахъ природы, гдѣ звѣно, отдѣляющее ископаемыхъ отъ растѣній, и растѣній отъ животныхъ, скрывается отъ взоровъ самаго ревностнаго наблюдателя: мы вспрѣчаемъ вымыслы пишеческіе, представленные въ простой одеждѣ прозы, каковы

супь романы и все писанное въ ихъ родѣ; вспрѣчаемъ шакже предметы испинные, кои бывають украшены всѣми прелеспями поэзіи—шакovy поэмы испорическія и дидакшическія. Но сіи вымыслы въ прозѣ и сіи повѣспвованія или поученія въ спихахъ, не заключають въ себѣ ни наспоящей прозы, ни наспоящей поэзіи; эшо смѣсь двухъ различныхъ сущностей, эшо супь изключенія изъ общаго правила, не могуція опровергнушь показаннаго здѣсь опредѣленія поэзіи. По сему одинъ Ишаланскій Липператоръ (Maggio) весьма справедливо раздѣляетъ поэзію на при рода или спепени. Первая и высочайшая, по словамъ его, спепень состоишь въ шомъ, когда въ сочиненіи вымысль соединяетъ съ спихопворспвомъ: образцы ея Иліада, Одиссея, Енеида и пр; вторая спепень содержишь вымысль безъ спихопворспва, каковы на примѣръ сочиненія Платона, Бокаччія; шрешья заключаешь спихопворспво безъ вымысла; къ сей можно ошнесши произведенія Лукана, Лукреція, и прог.

Поэзія, говоришь Нѣмецкій Естепикъ Бушпервекъ, должна называться первоначальнымъ искусствомъ; ибо каждое изящ-

ное произведеніе искусства должно первоначально быть вымысломъ (Gedichte), прекраснымъ произведеніемъ Фантазіи прежде, нежели перейдешь въ видимую форму, во внѣшній свѣтъ. Поэзія находится въ тѣснѣйшей связи со всеми изящными искусствами и надъ всеми имѣеть власть превосходнѣйшую.

О сущности поэзіи множество было различныхъ мнѣній. Одни полагали ее въ вымыслахъ; но каковы бы ни были вымыслы, они могутъ принадлежать и прозѣ.

Другіе утверждали, что поэзія состоитъ въ стихосложеніи, въ размѣрахъ, въ сполахъ, и сей предразсудокъ едва ли не столь же древень, какъ и самая поэзія. Но если бы для поэзіи доспапочно было однихъ стихъ и размѣровъ, то она была бы тогда не иное что, какъ дѣтская игрушка, ибо разрушалась бы опъ самомалѣйшаго перемѣщенія словъ. Аристотель говоритъ, что проза и стихи не отличаютъ историка опъ поэта: хоня бы вы переложили, продолжаешь сей философъ, всѣ Иродотовы сочиненія въ стихи, не вышло бы изъ нихъ ни одной поэмы.

Иные—какъ-шо Блеръ и его послѣдователи—называютъ поэзію языкомъ спра-

спи, и живаго воображенія! но сіе качество не равномѣрно ли свойственно и прозѣ, пошому что спросиль со всѣми своими постепенностями, столь же видна у Орапоровъ, какъ и у поэшовъ. Когда Перикль гремяль, поражаель, низлагаяль къ спопамъ своимъ Грецію, менѣ ли тогда было *страсти* въ рѣчахъ его, какъ и въ одахъ Пиндирическихъ? или—воспользуемся образцами опечесшвенными—менѣ ли находише вы *страсти* и *воображенія* въ рѣчи Преосвященнаго Анастасія на смерть Бецкаго, нежели въ спихахъ Державина на смерть К. Мещерскаго? менѣ ли *страсти*, менѣ ли *воображенія* въ написанной Карамзинымъ *Марфѣ Посадницѣ*, нежели въ Епическихъ швореніяхъ Хераскова?— —И если бы однѣ только спроси были признакомъ поэзіи, то бы многія хорошія поэмы преспали бышь поэмами: Трагедія, Епопея, самая Ода, сосшавляли бы поэзію только въ нѣкопорыхъ мѣстахъ; оспашокъ же, заключающій въ себѣ обыкновенное повѣспшваніе, или изъясненіе шихихъ чувспшваній, не принадлежалъ бы къ поэзіи.

И шакъ упшвердимъ, что *сущность поэзіи состоитъ въ вымыслѣ или творествѣ, подражающемъ изящной природѣ*. Таковое

*

подражаніе заключаешъ въ себѣ и страсти и живое воображеніе, и даже самое составленіе стиховъ, какъ необходимое для совершеннаго изображенія предметовъ сред-ства.

Но что же есть *изящная природа*? что значить *подражать* изящной природѣ?

Изящная природа не есть истинное *существоющее*, но истинное *могущее существовать*, истинное избранное, изящное, и представленное такъ, какъ бы оно въ самомъ дѣлѣ существовало—со всѣми совершенствами, какія только приняшь оно можешь. *Подражаніе* изящной природѣ есть представленіе предмета въ такомъ совершенномъ видѣ, въ какомъ только можемъ его вообразить, не смотря на то, существуетъ ли онъ дѣйствительно, или только можешь существовать. Слѣдовательно сіе подражаніе совершенно отлич-но отъ подражанія *простой* природѣ, которое не иное что есть, какъ вѣрное пред-ставленіе предмета въ такомъ точномъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно существуетъ.—Способъ, которымъ дости-гаешъ поэшь къ приведенію предметовъ до степени потребнаго совершенства, со-стоитъ въ слѣдующемъ: онъ собираешъ

лучшія, прекраснѣйшія черпты одного и того же вида (species), разсѣяныя въ природѣ, и образуешь изъ нихъ цѣлое, совершенное въ своемъ родѣ (genus). Цицеронъ въ книгѣ *Ораторъ*, въ главѣ о *изобрѣтеніи*, объясняетъ сіе слѣдующимъ примѣромъ: знаменитый живописецъ Зевксисъ, намѣреваясь изобразить совершенную красавицу, твердо былъ увѣренъ, что въ природѣ не найдетъ для нее образца — и потому онъ замѣчалъ лучшія черпты у разныхъ красавицъ, собиралъ ихъ, сославлялъ цѣлое, и чрезъ то достигъ до изображенія красоты въ высочайшемъ ея совершенствѣ. Изъ сего можно уразумѣть, что и поэтъ употребляетъ такія же средства съ равнымъ усиліемъ. Желаетъ ли онъ, на примѣръ, воспѣть героя, совершившаго знаменитое предпріятіе? онъ придаетъ ему всѣ добродѣтели великихъ людей; смѣшиваетъ съ сими добродѣтелями нѣкопорыя слабости, неразлучныя съ челоуѣчествомъ, и чрезъ нихъ сближая героя своего съ нами, дѣлаетъ его еще привлекательнѣе. Сверхъ того *изображаетъ*, или, такъ сказать, *выискиваетъ* для него всѣ возможныя опасности, несчастія — съ тѣмъ, чтобы въ то же самое время на-

градишь героя своего и бодростию и силою и шerpвнiемъ, нужными для одержанiя побѣды надъ всѣми встрѣчающимися ему препятствiями. Наконецъ заставляешь его оказывать всѣ пѣ доспославные подвиги, каковыя оказали бы въ подобныхъ обспоятельстввахъ другiе великiе люди, и такимъ образомъ провождаетъ до совершеннаго окончанiя главнаго дѣйствiя. — Въ другомъ родѣ: Мизантропъ, Скопининъ, Проспакова, безъ всякаго сомнѣнiя, дѣйствительно не существовали, когда Мольеръ и фонъ Визинъ изображали ихъ; но знаменитые комики собирали разныя черты изъ разныхъ относящихся къ ихъ цѣли характеровъ, и чрезъ то образовали свои собственные *оригиналы*, плѣвившия всѣхъ своею спранныстию. — Однимъ словомъ, какой бы предметъ ни избралъ спихотворецъ: повѣспивованiя, чувстввованiя, изображенiя — все обязанъ брать съ природы *изящной*. Равномѣрно же поступаетъ онъ при описанiи предметовъ ужасныхъ: онъ собираетъ все то, что находится въ природѣ ближайшаго къ предпринимаемому имъ изображенiю, и составляетъ цѣлое — восхищающее даже своимъ безобразiемъ. Таковы, на примѣръ, описанiя у Виргилiя

Циклопа Полифема, у Мильтона *Сатаны* и проч. Подобные вымыслы придають болѣе блеска изображеніямъ, назначеннымъ обращать на себя вниманіе наше своею красою.

Впрочемъ если бы природа показывалась людямъ во всей своей славѣ, то естъ со всевозможнымъ совершенствомъ въ каждомъ твореніи, физическомъ и нравственномъ, по всѣ правила, съ такимъ усиленіемъ изобрѣшенныя и которыми прудно послѣдовать, были бы для искусства совсѣмъ бесполезны; тогда бы художники должны были только съ точностію списывать находящіяся предъ глазами ихъ виды, безъ всякаго выбора; тогда бы вся изящность произведенія зависѣла отъ одного простаго подражанія, и судить бы объ ономъ не иначе можно было, какъ чрезъ сравненіе. Но какъ природа часно смѣшиваетъ прелестнѣйшія черты свои съ безчисленнымъ множествомъ другихъ, то по сему и надлежитъ дѣлать выборъ, а дабы дѣлать сей выборъ съ бѣльшимъ успѣхомъ и съ бѣльшею увѣренностію, то для сего нужно *вымыслить, составляя цѣлое изъ лучшихъ частей природы, или, другими словами, подражать изящной природѣ.*

Цѣль поэзіи — нравиться, возбуждая спраспи. Но чтобы дославить намъ удовольствіе совершенное и постоянное, то она обязана возбудить только спраспи, одобряемая благоразуміемъ. Ошвращеніе опъ пресшупленій, за которыми послѣдуешь спыдъ, спрахъ, раскаяніе и другія внушрненія безпокойства; сосшраданіе къ несчастнымъ, уваженіе славныхъ подвиговъ, насаждающее въ сердцѣ сѣмена добродѣтели; любовь невинная, Героическая — вошь спраспи, принадлежащія поэзіи! Когда же поэшы одобряють порокъ, пресшупленіе, или не наблюдають благопристойности въ своихъ швореніяхъ, тогда навлекають сами на себя безславіе: всѣ очаровательныя прелести поэзіи не замѣняшь того неудовольствія, которое производяшь они въ душахъ людей благомыслящихъ. Поэзія можетъ только имѣть пріятную шупливосшь, ибо Музы всегда были подругами Грацій.

Впечатлѣніе, дѣлаемое *подражаніемъ*, сказано въ Енциклопедіи, не споль сильно, какъ впечатлѣніе, *самимъ предметомъ* производимое: первое скоро изглаживаешся и изчезаешъ безъ продолжительныхъ послѣдствій, но удовольствіе, оощуцаемое

при видѣ *подражаній*, естъ самое чистое удовольствіе: оно не смѣшивается съ пѣмми непріятностями, которыя могъ бы произвѣсти *самый предметъ*. На примѣръ, когда видимъ въ Трагедіяхъ спрадальческую смерть добродѣтельнаго спарца или молодой дѣвицы—мы спраждемъ вмѣспѣ съ ними, но мы чувспвуемъ, что слезы наши прекращаются съ окончаніемъ представленія, и сіе самое доставляетъ намъ удовольствіе; но еслибы дѣйспвишельно увидѣли такое происшествіе, то не только бы не получили оспъ того нималѣишей пріятности, но оно было бы для души нашей и прискорбно и слишкомъ ужасно.

*

Вообще поэзію можно раздѣлитъ на чепыре или на пять родовъ. Иногда поэспы рассказываютъ о томъ, что происходило, какъ историки, но историки вдохновенные Музами; иногда заспавляютъ они дѣйспвовать самихъ пѣхъ, которыя учаспвовали въ происшествіи; иногда же совершенно предаются воспламенившей ихъ спраспи и переносятся въ волшебную спрану воображенія; наконецъ случается имъ оставлять вымыслы и украшаютъ всѣ-

ми пріятносціями ихъ искусства предметы поучительныя, или такіе, которые подлежатъ даже нашимъ чувствамъ. Опъ сего происходятъ: поэзія *Епическая*, поэзія *Драматическая*, поэзія *Лирическая*, и поэзія *Дидактическая*, (см. сіи слова). Буппервекъ прибавляетъ еще пятый родъ *дополнительный*, который заключаетъ Писемныя произведенія, не принадлежащія ни къ одному изъ показанныхъ родовъ.

Изъ такого раздѣленія не должно однакожь заключать, чшобы показанные различные роды поэзіи когда нибудь между собою не соединялись; напротивъ, почти никогда не случается, чшобы въ какой бы то нибыло поэмѣ одинъ родъ находился опъ начала до конца. Бываютъ повѣствованія въ родѣ Лирическомъ, бываютъ изображенія спрасней пылкихъ въ поэмахъ Епическихъ: вездѣ баснь соединяется съ исторіею, истинное съ вымышленнымъ, правдоподобное съ существеннымъ. Поэты, будучи обязаны доставлять пользу и правиться, всѣмъ для сего жертвуютъ.

*

Оканчивая спашью сію, покажемъ описаніе поэзіи, сдѣланное Аббапомъ Башпе. Поэзія, говоритъ онъ, воспѣваетъ знаменитыя подвиги; спремится въ небеса для описанія шеченія свѣтилъ; погружается въ бездны для обозрѣнія таинствъ природы; достигая до жилища мертвыхъ, изображаетъ награды, предоставляемыя праведникамъ, и мученія, угошованныя пресшупникамъ: она объемлетъ вселенную. Если же и сего міра для нее недоспашочно, она шворитъ новые міры, населяетъ ихъ существами совершенными, и чрезъ шо показываешъ, какими могутъ бытъ люди. Поэзія составляетъ высочайшую степень волшебства; она очаровываетъ и умъ и сердце, и приноситъ чрезъ химерическіе вымыслы удовольствія существенныя.

О происхожденіи поэзіи и стиховъ. Въ Бачнословіи приписывается изобрѣшеніи поэзіи Аполлону, послѣ убіенія имъ змія Пифона, вскорѣ по Девкаліоновомъ пошопѣ; но изъ сего мнѣнія, неоснованнаго на испинахъ испорическихъ; не можно вывести даже правдоподобнаго заключенія. Иные приписываютъ начало ея Дельфиче-

скимъ опвѣпамъ Аполлона; однакожь какъ опвѣпы сіи произносимы были успами жрицы и спихами, шо и сіе несправедливо, ибо поэзія долженспвовала бытъ прежде опвѣповъ, кои начались шогда уже, какъ люди соспавили общества. Полагается также основателемъ поэзіи Бахусъ или Вакхъ, ибо онъ еще прежде Аполлона давалъ опвѣпы; другіе приписываютъ честь сію Египетскому Озириду, копорый по словамъ Евсевія и Діодора Сицилійскаго, долженъ бытъ почишаемъ за Греческаго Феба или Аполлона, слѣдовательно сказанное объ немъ надлежитъ относить къ сему послѣднему. Повѣспвуютъ также, что поэзію изобрѣлъ нѣкто Македонянинъ Піеридъ, и научилъ оной дочерей своихъ, за что названъ опцемъ Музъ, именуемыхъ по немъ Піеридами; но болѣе ничего объ немъ неизвѣстно. Можетъ бытъ, онъ только ввелъ поэзію въ Македонію въ болѣе употребленіе. Орфей и Амфіонъ, изъ копорыхъ первый есть законодатель и священно-начальникъ Фракійскій, а другой строитель города Фивъ, также почищаются изобрѣшателями поэзіи. При пѣснопѣніяхъ одного, говорятъ баснословные повѣспвователи, плясали шигры и прочіе

дикіє звѣри, а вторгнїй заспавляль камнїи всходїшь на спѣны. Но сіє значїпгь, что они краснорѣчіємъ своимъ убѣдили жившихъ по лѣсамъ людей соединїтсья, смягчили грубыє ихъ нравы своими наспавленїями, просвѣпили умы и ввели посредствомъ законовъ благоуспройство.

Однакожь все сіє ничего не доказываеть кромѣ шого полько, что поэзія должна имѣть начало опдаленнѣйшее.

Другїє писатели сводятъ поэзію съ неба, ушверждая, что она, шакъ сказаць, вливається въ души наши при самомъ рожденїи—и сіє конечно справедливѣе. По сему Еннїй называеть поэшовъ *святыми*, какъ свидѣшельствуеть Цицеронъ въ словѣ за Архія. Овидїй признаеть въ нихъ нѣкошорое вдохновенїє свыше, говоря

Est Deus in nobis, agitante calescimur illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Lib 6. Fastorum

„Есть Богъ въ насъ, его дѣйствїемъ мы воспламеняемся, и сіє вдохновенїє имѣеть сѣмена святой мудрости..“

Древнїє согласно съ симъ ушверждали, что поэзія была священнѣйшею философією, что она всегда научала образу жи-

пія, показывала путь къ добродѣтели и по оному провождала, а особливо прославляла Бога, его величіе и свойства. Платонъ въ шрельей книгѣ законовъ своихъ говоритъ, что *родъ поэтовъ есть божественный*; Августинъ пишетъ, что *первые поэты назывались богословами, ибо много воспѣвали о безсмертнои Богѣ*, и Луканъ восклицаетъ: *о священный и великій трудъ поэтовъ*.—Но все сіе показываесть уже поэзію изобрѣшенную и соединенную со спихосложеніемъ. Конечно справедливо, что она вложена въ челоуѣческія души Богомъ, но кто первый изъ челоуѣковъ ощутилъ въ себѣ сіе небесное вдохновеніе?.....

Утвердительно можно сказаць, что поэзія возымѣла начало свое вмѣстѣ съ челоуѣческимъ родомъ, и попому, какъ невозможно сказаць, кто именно положилъ основаніе науки счисленія, кто первый замѣнилъ и произнесъ, что *два болѣе нежели одинъ*, или что *два и одинъ* составляютъ *три*, также невозможно наименованъ и того, кто первый началъ воспѣванъ предметовъ его окружающіе, и попомъ, находя ихъ недоснапочными, спалъ вымышлять, *подражалъ природѣ изящной*. Начало поэзіи, подобно началу прочихъ

свободныхъ искусствъ и наукъ, перяется въ таинственной отдаленности—и опыскашь оное не имѣемъ нимальшей возможности.

Поспараемся же, покрайней мѣрѣ, показашь, ежели пакже недосповѣрное, по хошя сходное съ испиною начало *стиха!*—

Когда люди, размножась, спали скипашься по степямъ, тогда каждое семейство жило особенно, и слѣбѣйшее изъ оныхъ испребляемо было опъ сильнѣйшаго безъ всякой для послѣдняго опасности. Спарѣйшины и люди имѣвшіе болѣе ума увидѣли, сколь сіе вредно; они захошѣли оказашь всѣмъ вообще пользу соединеніемъ разныхъ семействъ въ одно общество. Чшобы преклонилъ къ сему, надлежало убѣждашъ такими словами, копорья были бы и сильнѣе и пріятнѣе обыкновенныхъ. Силу могла придашъ поэзія, но пріятность не могла бышъ въ словахъ безъ нѣкопорого опличія. Сіе, можешъ бышъ, послужило поводомъ къ различенію въ рѣченіяхъ *долгихъ и краткихъ* слоговъ для лучшаго возвышенія и пониженія голоса, а чрезъ шо и къ нѣкопорому роду *размѣрной* рѣчи. Такая пріятность слова, до того времени еще неслыханная, могла на-

и болѣе пронуть челоѣческія сердца, преклонить скишающихся къ соединенію, и смягчить суровые ихъ нравы.

Когда же образовались первыя общества и учредилось богослуженіе, то люди, спали собираясь для праздниковъ или жертвоприношеній; при сихъ случаяхъ главнѣйшія упражненія состояли въ музыкѣ и пѣсняхъ. Для сего попребно было иное расположеніе словъ и смѣлосшь выраженій. Отсюда начинается спихосложеніе, распроспранившееся попомъ мало по малу и между всѣми поколѣніями, разныя спраны населившими.

Пѣснопѣнія, въ первыя времена, имѣли великое между собою сходство у всѣхъ народовъ, попому что обспояшельства, побуждавшія къ онымъ, почти вездѣ были одинаковы. Хвала богамъ и героямъ, побѣдныя пѣсни, сѣтованіе въ бѣдствіяхъ, были всѣмъ свойственны, ибо всѣ народы сходспвуютъ одинъ съ другимъ при началѣ соединенія въ общесства. Въ послѣдспвіи уже времени разныя важныя происшествія сообщаютъ каждому изъ нихъ особенный характеръ.

Что же принадлежить до изобрѣтенія различныхъ мелровъ, нынѣ въ спихосло-

женіи упошребляемыхъ , по можно полагашь, что много способствовали къ тому жрецы, давашіе въ храмахъ отвѣсы вмѣсто обожаемыхъ ими и народами испукановъ; они, можешъ бытъ, по разности машерій, заключающихся въ дѣлаемыхъ имъ вопросахъ , за нужное почипали и отвѣчашъ различными стихами. Слушатели, принимая таковыя вѣщанія за священныя, старались содержать ихъ въ памяти, пересказывали другимъ, а нѣкоторые, спашъся можешъ , осмѣливались и подражашъ вышверженному ими порядку словъ или слоговъ, и такимъ образомъ мало по малу могли установиться въ размѣрахъ извѣстные законы.—См. *Размѣръ, Стопа, Стихосложение.*

Объ отдѣленіи музыки и исторіи отъ поэзіи.—Изъ соч. Блера. — До изобрѣненія письма всѣ роды словесности, исторія, краснорѣчіе, поэзія, были между собою смѣшаны, Желавшій поучашъ, убѣждашъ или только забавляшъ своихъ согражданъ, сочинялъ на пошъ случай пѣсню (что называется нынѣ вообще произведеніемъ Лирическимъ)—и пѣлъ ее всенародно. После изобрѣннаго уже письма, люди занимавшіеся обществеными дѣлами, спали

искашь не одного удовольствія: баснословныя сказки показались имъ нелѣпыми, и они начали почищать достойными своего вниманія однѣ происшествія истинныя. Тогда испорикки оставили поэзію и всѣ ея украшенія, сипали писать прозою и сипарались представлять справедливыя и вѣрныя извѣстія о временахъ протекшихъ; философъ началъ говорить одному разсудку; Орапоръ, желая убѣждать своими доводами, удержалъ болѣе или менѣе пылкость слога, смотря по предметамъ своимъ и цѣли, которую предполагалъ себѣ. Съ тѣхъ поръ поэзія сдѣлалась особеннымъ искусствомъ, которое стремилось по большей часипи къ шому, чшобы нравиться, дѣйствуя надъ воображеніемъ и сипра-спями. Съ нею разлучилась шогда же и музыка, подруга ея дѣйства.

ПОЭМА. Роѣта. — Поэмою назваться можетъ всякое сочиненіе, написанное стихами, съ подражаніемъ изящной природѣ. По сему поэма бываетъ: *Повѣствовательная* или *Эпическая*, *Драматическая*, *Лирическая*, *Дидактическая* или *Поучительная*, *Буколическая* или *Пастушеская*, *Елегическая*, *Эпиграмматическая*, *Сатирическая*,

Епистолярная, Генетлическая, Епиталамическая, Анобатуритеская, Елибатуритеская, Пропемптическая, Синхаристическая, Елиникитеская, Сотеритеская, Панегиритеская, Евхаристическая, Еонитеская, Схолитическая, Просевитическая, Описательная.

Всѣ упомянутыя шермины объяснены въ семъ Словарѣ съ показаніемъ и однозначущихъ съ ними словъ.

ПОЛИКОЛОНЪ или **ПОЛИМЕТРЪ**. Polycolon, Multiforme. Многомѣръ или Разномѣръ.—Сочиненіе, содержащее разные размѣры стиховъ.—*πολύσ*, многій; *μέτρον* стихъ извѣстной мѣры. — Таковы, на примѣръ, сочиненія: Державина *На взятіе Варшавы*, *Любителю художествъ* и пр. къ сему же роду стихотворенія принадлежишь напечатанная въ 6 часпи *Трудовъ Общества Любителей Росс. Словесности при Импер. Моск. Университетѣ* Лирическая пѣснь А. Сшепанова подъ названіемъ *Сила ума*....

Поликолономъ не можно называшь пакого сочиненія, въ которомъ упопроблены хошя разномѣрные стихи, на примѣръ шестиспопные съ чепыреспонными и пр. но принадлежащіе къ одному мѣтру или размѣру, какъ шо къ Ямбу, Дакшилю, Ана-

песпу, либо Хорею: онъ долженъ быть со-
слагленъ непременно изъ разныхъ спопъ
и размѣровъ. При шомъ авпоръ обязанъ
наблюдать, чшобы перемѣна размѣра или
спопы происходила кшапи, и прилич-
но описуемому предмету, а непросшо для
показанія шого только, что ему извѣсш-
ны всѣ роды спопъ. Такъ у Державина въ
сочиненіи *На взятіе Варшавы* послѣ стиховъ

Какъ шумъ морей , какъ гулъ воздушныхъ
споровъ

Изъ дола въ доль, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, ошъ рода въ родъ,
Прокатишься, пройдешь,
Промчишься, прозвучишь,
И въ вѣчность возвесишь,
Кшо былъ Суворовъ !

По бранямъ Александръ, по доблести Споикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣспилъ и въ обоихъ великъ.

Весьма удачно сдѣлана перемѣна размѣра
при описаніи быспропы побѣдъ знамени-
таго полководца:

Черная пуча мрачныя крыла,
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла,
Вихрь полуночный лешишь богашырь и пр.

Но въ пѣсни Господина К. О первою сраженіи Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Калкѣ и пр.—по замѣчанію, напечатанному въ Журналѣ Сынъ Отечества (1820. N. XII.)—весьма не кспаша сдѣлана шакая перемѣна. „Мспиславъ, изнемогши опъ ранъ, упадаешъ безъ чувспвъ; авторъ объ немъ сѣпуешъ; обспояпельспва, кажешся, пребуюшъ мѣдленнаго разсказа, но.... спихи поскакали:

Смертннй ѳмракъ,
 Сну подобный,
 Силу Князя
 Оковаль и пр.

Музыка безъ поэзіи бездушна, продолжаетъ рецензеншъ; но поэзія безъ музыки скучна—и какъбы спихоспворецъ ни наспроиваль разумъ слушаателя—плакашъ цо плясовымъ размѣрамъ не возможно.,,

ПОЛИМЕТРЪ. Многомѣръ. Пслѳс, многій; метрсп, мѣра.—См. Поликолонб.

ПОЛУСТИШІЕ. Hemistichium.—Половина спиха. Средина же между двумя половинами или полустпшпями именуешся пресѣченіемб. См. сіе слово и Цезура.

Правила о соспавленіи полустпишіѣй подробно описаны въ спашьяхъ *Анапестѣ*, *Дактиль*, *Хорей* и *Ямбѣ*.

ПОПРАВЛЕНІЕ. Epanorthosis. Correctio.— Въ Рипорикѣ фигура предложеній. Соспоишь въ шомъ, когда рѣчь повпоряешся для присовокупленія къ ней другой, кошорая шой больше или сильнѣе.

Цицеронъ въ словѣ за Мурену говоритъ: шакое зло думаютъ о своемъ опечесливѣ граждане—граждане, ежели смѣшь назвашь ихъ шакимъ именемъ.

И въ словѣ за Секста Росція Америна: какія пированія, думаете вы, были въ шаковомъ домѣ? ежели домомъ назвашь можно, а не училищемъ плушовспва и приспанищемъ всѣхъ пороковъ.

Авпоръ, желающій употребить сію фигуру, долженъ показашь, будшо сдѣлалъ упущеніе какого либо слова или мысли нечаянно, и желаетъ пошчасъ исправить свою ошибку.

Къ сей же фигурѣ принадлежатъ и шо, когда авпоръ опвергаетъ прежнюю свою мысль и замѣняя оную другою, возвышаетъ чрезъ шо описываемый имъ предметъ—

какъ на пр. въ списахъ Державина *Водопадъ*.

Вся наша жизнь не что иное
 Какъ лишь мечпаніе пустое.
Иль ибтѣ! тяжелый нѣкій шаръ
 На нѣжномъ волоскѣ висящій,
 Въ который бурь, громовъ ударъ
 И молніи небесъ ярящи
 Отвсюду беспрестанно бьютъ —
 И ахъ! Зефиры легки рвуть.

ПОРТРЕТЪ. См. *Описаніе*.

ПОСЛАНИЕ. См. *Епистола*.

ПРАВДОПОДОБИЕ. Цѣль, которую непосредственно предполагаетъ себѣ Поэтъ въ вымыслахъ, есть удовольвленіе, а удовольствіи насъ инаиначе онъ можетъ, какъ соображаясь съ находящимся въ насъ понятіемъ о томъ, чему подражаетъ. И такъ *правдоподобіе* соспоишь въ вымыслахъ сообразныхъ съ нашимъ понятіемъ, и слѣдственно съ природою; шо есть: когда Поэтъ предсавляетъ намъ какое нибудь происшествіе, или какую нибудь вещь, которой образца мы не видали, шо

сіе происшествіе, сія вещь, должны непремѣнно имѣть сообразныя съ натурою и свойствами своими дѣйствія и качества. На примѣръ: не мудрено выдумать живописныхъ ужасныхъ или героевъ чрезвычайной величины и силы, но надобно сохранить соразмѣрность въ ихъ часпяхъ и дѣйствіяхъ; въ семъ заключается *правдоподобіе*.—Прочитавши описаніе Полифема, мы почиаемъ уже за возможное, когда спихопворецъ рассказываетъ, что онъ перебрасываетъ горы.

Сочинитель книги *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоге Россійскаго языка* весьма справедливо замѣчаетъ у Ломоносова ошибку прошивъ правдоподобія въ слѣдующихъ стихахъ:

Возри въ лѣса на Бегемота,
 Что мною сотворенъ съ побой;
 Колючій пернь его охота
 Безвредно попирашь ногой.

Послѣ сихъ спрокъ мы воображаемъ настоящаго Бегемота, нимало не увеличивая его, въ нашемъ воображеніи, ибо знаемъ, что сіе живописное въ состояніи произвеси приписываемое ему дѣйствіе. Но Ломоносовъ продолжаетъ:

Какъ верьви сплешены въ немъ жилы,
 Опвѣдай пы своей съ нимъ силы!
 Въ немъ ребра какъ лишая мѣдь:
 Кшо можешь рогъ его сопрѣшь?

Тутъ нѣтъ *правдоподобія!* по дѣйствию Бегемоша мы легко можемъ сомнѣваться въ истинѣ едланнаго объ немъ описанія — и попому сочинитель упомянутой книги шакъ о семъ разсуждаетъ:

„Изображеніе крѣпости и силъ поль огромнаго живошнаго, недовольно соопвѣшсшвуешь изображенію дѣйствія или употребленія шѣхъ же самихъ силъ его; ибо о шакомъ звѣрѣ, у котораго *жилы какъ сплетенныя верьви, ребра какъ литая мѣдь* мало сказашъ, что онъ *колюгій тернѣ безвредно попираетѣ ногами*; надлежало бы сказашъ нѣчто болѣе, нѣчто удивительнѣ сего.„

Наибольшая шрудность состоить въ сохраненіи *правдоподобія* при изображеніи существъ духовныхъ. Какъ ни сильно воображеніе поэта, сколь ни спарается онъ придавашъ симъ неорганическимъ существамъ премудрости, чувствительности и пр. но сіи свойства не иначе онъ можешь предшавишь, какъ въ высочайшей

степени мудростию и чувствительностию человеческими, ибо, говоритъ Тассъ, человекъ не можетъ *подражать* Божеству. *La Divinità non puo da lui essere imitata.* И потому ежели Поэтъ вводитъ въ свое сочиненіе какихъ бы то ни было духовъ, то дабы не погрѣшилъ противъ правдоподобія, долженъ заставлятъ ихъ болѣе дѣйствовать и менѣе говорить. Для сей-то причины они почти никогда не бывають видимы въ Трагедіи, а ежели иногда и вводятся, то говорятъ только нѣсколько словъ, и поспѣшь исчезаютъ. Такъ въ Трагедіи *Макбифъ*, послѣ того, какъ сей злодѣй убилъ своего Короля, вдругъ является ему спрашный призракъ и сказавъ, *ты никогда не уснешь*, скрывается. Что можешь бытъ сего проснѣе и ужаснѣе?

Для сохраненія совершеннаго правдоподобія въ поэмѣ Епической надлежитъ наблюдать, чтобы сверхъестественное соединялось съ естественнымъ и производило общее дѣйствіе. Сему примѣръ видимъ въ *Иліадѣ*. Вся поэма основана на любви Кризиды къ своей дочери. У него похищили ее; онъ требуетъ возвращенія и получаетъ отказъ отъ Царя, содержащаго ее въ плѣну. Кризидъ, какъ жрецъ

Аполлона, обращается съ прозьбою къ сему богу. Аполлонъ покровительствуетъ ему и въ опмщеніе за него пускаетъ въ Греческой спанъ ядомъ напианныя стрѣлы. Изва распроспраняетъ въ оноу и Калкасъ сбъявляетъ, что Аполлонъ не прежде умилоспивишя, какъ по удолешвореніи жреца его за причиненную ему обиду. Ахиллесъ соглашается возвращитъ его дочь; но Агамемнонъ, копорому доспалась она по жребію, спребуетъ за нее другаго выдѣла изъ добычи. Ахиллесъ упрекаетъ его въ корысплюбіи и неблагодарности. Отсюда начинается вражда между ними, споль пагубная для Грековъ. — Не возможно связать происшествій съ бѳльшею легкостію и проспопою; и въ спемъ-по соединеніи чудеснаго съ еспспвеннымъ заключается главнѣйшее правило *правдоподобія*.

ПРЕВРАЩЕНІЯ. Metamorphoses, transformatio. Родъ припчи (см. сіе слово), ибо въ ней дѣиспвуетъ всегда человекъ, превращаемый въ живошное, въ дерево, въ испочникъ, въ камень и пр. Содержаніе обыкновенно берется изъ Мифологіи. Можно соединять въ сей поэмѣ смѣлые фигуры,

разительныя описанія, даже слогъ высокій съ просопою Аполога (Басни); не упускающая изъ виду, какъ и во всякомъ другомъ сочиненіи, пользы, копорая состоишь въ избраніи шакихъ предметовъ, гдѣ превращеніе служишь наказаніемъ пресшупленія, или воздаяніемъ добродѣтели.

Овидій, рожденный въ Сульмонѣ, что въ Неапол. Корол. за 10 лѣтъ до Р. Х. оспавиль прекраснѣйшіе и всѣмъ извѣстные въ семь родѣ образцы.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Propositio. Такъ называется въ поэмахъ начало, гдѣ Поэтъ предлагаетъ крашко о шомъ, о чемъ пишашь намѣренъ.—См. *Епическій*.

ПРЕМѢНЕНІЕ. Epanodos, antimetabole. Въ Рипорикѣ фигура предложеній. Состоишь въ шомъ, когда чрезъ преложеніе рѣченій раждаются прошивныя мысли. На пр: весьма погрѣшаеше вы (говоришь Демосфенъ къ Афинянамъ), что чрезъ шо надѣшесь произвеспи счастье изъ несчастія, чрезъ что изъ счастья несчастіе сдѣлалось.

Сюда же принадлежишь и слѣдующее:

Ежели ты что хорошее сдѣлаешь съ шрудомъ, шрудъ минешся, а хорошее оспа-

нешся; когда же сдѣлаешь что худое съ услажденіемъ, услажденіе минешся, а худое оспанешся.

Не для того мы живемъ на свѣпѣ, чшобы насыщашся, но для того насыщаемся, чшобы живш.

Фигура сія имѣетъ сходство съ другою, называемою *Антитезисѣ*.—См. с. с.

ПРЕРВАНІЕ. *Abruptio*.—См. *Умолчаніе*.

ПРИДИКТИЧЕСКІЙ. То же самое значшъ, что Панегирической или Епидиктической.—С. с. слова.—Имя сіе придается стихошвореніямъ, прославляющимъ добродѣшель и знаменшые подвиги.

ПРИЗЫВАНІЕ. Въ Рипорикѣ фигура предложеній.—См. *Обращеніе*.

Симъ именемъ называешся еще па часпъ поэмы, копорая слѣдуешъ за *предложеніемѣ*, и въ копорой поэпъ призываетъ божешво или другое какое ншбудь лице и просшъ помощи или наспавленія къ продолженію своей поэмы.—См. *Епитетскій*.

ПРИНУЖДЕННОСТЬ. *Affectatio*.—Погрѣшность въ сочиненіи. Она происходишъ

опть *безиѣрнаго* желанія нравишься, и со-
споишь въ изысканнѣхъ, *принужденныхъ*
мысляхъ, выраженіяхъ, оборотахъ; въ из-
лишнемъ спараніи казаться *натуральнымъ*,
шупливымъ, или чувствительнымъ. Та-
кой писатель часто употребляетъ для
сего спранныя Метамфоры, слова и рѣче-
нія необыкновенныя, и порпийтъ то, что-
бы могло быть пріятно, если бы написа-
но было просѣе.

Въ самомъ дѣлѣ весьма спранно, ког-
да авторъ вмѣсто того, чтобы объяснить
мысль свою просто, употребляетъ выра-
женія и обороты необыкновенныя — вмѣ-
сто того, на примѣръ, чтобы сказать
Луна свѣтитъ, говоритъ *блѣдная Геката*
отражаетъ тускыя отсвѣтки...

Вмѣсто: плѣняющій душу сочинитель
сей шѣмъ больше нравишься, чѣмъ больше
его читаешь — *Египетскій асторѣ* сей по-
буждая къ чувствительности наиздаетъ сооб-
раженіе къ *внѣшнему участванію...*

Вмѣсто: жаркій солнечный лучъ, по-
среди лѣта, понуждаетъ искать прохлад-
ной шѣни — *въ средоточіе лѣта жгущій левѣ*
уклоняетъ обрѣсти свѣжесть....

Вмѣсто: какой благородстворенный воз-

духъ!—что я обоняю въ развитіи краснотѣ
вождеденнѣйшаго періода! и пр. и пр.

Примѣры сіи показаны въ книгѣ извѣ-
стнаго нашего любителя и знапока опе-
честивенной словесности А. С. Шишкова,
подъ названіемъ *Разсужденіе о старомѣ и
новомѣ слоге Россійскаго языка*. — Здѣсь
кспани почипаемъ сказаць, что сія кни-
га принесла нашимъ писателямъ немалю-
важную пользу: весьма примѣпно, что по-
слѣ ея появленія въ свѣтъ, рѣже спали
вспрѣчашься подобныя вышепоказаннымъ
нелѣпости.

Французскій писатель Вуашюръ, раз-
суждая объ одномъ спранномъ выраженіи
младшаго Плинія, говоритъ: несправедли-
во ли, что эшо мѣлкаго ума дѣло, отбра-
сывать слово, копорое шопчасъ предспа-
вляется и копорое приличнѣе прочихъ, а
опыскивать съ неушомимостию другое,
худшее перваго и не споль выразительное?

Принужденность почти всегда бываетъ
признакомъ такога человека, копорый
имѣя дарованія весьма посредственныя, а
можетъ быць и лишень будучи надлежа-
щаго образованія, не увѣренъ въ томъ,
что дѣйствительнѣе хорошо, и по сему
выдуманное съ шрудомъ предпочипаетъ

простому и натуральному, могущему всегда и каждому нравиться.

Примѣры *принужденности* въ стихахъ найдешь чашель въ спашь *Елегія*.

ПРИРАЩЕНІЕ.—См. ниже.

ПРИРОДА изящная. — См. *Натура и Поэзія*.

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ или приращеніе. *Adjunctio, zeugma.*—Въ Рипорикѣ фигура рѣченій. Состоитъ въ томъ, когда къ одному имени многіе глаголы, или къ одному глаголу многія имена относятся. На пр:

Сего Тигранъ, Царь Арменскій, принялъ, и уже на себя больше не уповающаго ушвердилъ, оскорбленнаго возспавиль и совсѣмъ опчаяннаго упѣшилъ.

Цицер. за Манил.

Помпея ни лакомство къ полученію какой добычи, ни сластолюбіе къ роскоши, ни веселіе къ услажденію, ни великолѣпіе Афинъ къ познанію, ниже самый шрудъ къ упокоенію опъ приняпаго намѣренія не опозвали.

Цицер. тамъ же.

ПРИТЧА. Родъ Басни, въ копорой вводятся люди.—См. *Басня*.

ПРОЗА. Prosa. Проза естѣ обыкновенный языкъ, копорымъ говорятъ люди; въ ней нѣтъ ни размѣровъ, ни рифмъ, находящихся въ стихахъ.

Латинское слово сіе *prosa* нѣкоторые производятъ опъ Греческаго *πρόσω*, впередъ; другіе опъ *prorsa* и *prorsus*, идущій прямо, по прошивоположности къ *versa*, назадъ—потому что писатель въ прозѣ, такъ скажетъ, идетъ всегда впередъ, а стихословецъ, прошедъ нѣкоторое извѣстное пространство (въ нѣсколькихъ слогахъ состоящее) принужденъ обращаться назадъ для повпоренія прежняго своего пуши, то естѣ, прежняго ладу, размѣра.

Прозѣ не поэзія прошивополагается, а стихосложеніе, ибо поэзія состоитъ не въ механическомъ совокупленій словъ. — См. *Поэзія*.

Проза опноситея къ краснорѣчію, (*eloquentia*), такъ, какъ стихи къ поэзіи. Можно говоритъ и не бытъ краснорѣчивымъ; можно писать стихи, не будучи поэтомъ.

Хотя проза всегда была обыкновеннымъ нарѣчіемъ, но не всегда употребляли ее для произведеній ума, ни для сохраненія въ памяти происшествій. У Грековъ всѣ исторіи, законы и самая философія писаны были стихами, и не извѣстно, кто первый изъ нихъ осмѣлился сложить сіе иго, начавши для шаковыхъ твореній употреблять прозу. — По словамъ Плинія, у Грековъ первое философическое сочиненіе въ прозѣ написано было Ферекидомъ, современникомъ Кира, но изъ сего не слѣдуешь, чтобы Ферекидъ былъ первый прозаикъ; ибо Павзаній упоминаетъ объ одной Коринфской исторіи въ прозѣ, приписываемой какому-то Румелусу, и сочиненной за 740 лѣтъ до Р. Х. то есть за 200 лѣтъ до Ферекида и Кира.

Писатель въ прозѣ называется *Прозаикомъ*.

ПРОЗАИЧЕСКІЙ. Prosaicus. Имя сіе дается сочиненію, написанному въ прозѣ.

Прозаическими называются еще стихи, въ которыхъ нѣтъ ни пріятнаго слога, ни мыслей, ни картинъ. Таковы слѣдующіе, взятые изъ Трагедіи *Димитрій*

Донской, которая впрочемъ заключаетъ въ себѣ много хорошаго, Димитрій говоритъ Ксеніи :

Но презришь спрасъ мою тебѣ казалось мало:
Жестокости пвоей того недоспавало,
Чтобы свидѣлемъ Димитрію здѣсь бышь,
Какъ будешь ты собой соперника дарить.

Но сполькожь правъ какъ онъ я надъ побой
имѣю.

Онъ избранъ спаль опцемъ, я избранъ былъ
пвоею

Умершей маперью передъ концемъ ее.

Особливо послѣдніе два стиха ни мало не соопвѣщсшвуютъ прагическому стихопворспву: въ нихъ нѣтъ ни силы Пѣшической, ни гармоніи, и мысль шакъ распянупа, шакъ неудачно перенесена изъ одного стиха въ другой, что по всей справедливости могутъ они назваться *прозаическими*—не говоря уже о погрѣшности Грамматической въ словахъ *передъ концемъ ее*, ибо слѣдовало сказать *ея*.

ПРОЗОПОГРАФІЯ. См. *Описаніе*.

ПРОЗОПОПЕЯ. См. *Заимословіе*.

ПРОКЕЛЕВСМАТИКЪ. Терминъ Греческой и Лашинской поэзи. Спопа, состоящая изъ чешырехъ крапкихъ слоговъ или, что все равно, изъ двухъ Пиррихievъ; какъ въ словахъ: *animula, hominibus, renuere, Φιλοσοφος*, или какъ выговаривающя въ словѣ *нѣкоторыя* чешыре послѣднихъ слога. — Слово сіе происходить отъ *περὸ, ante, предъ, и κέλευσμα, hortatio, убѣжденіе, поощреніе, а сіе отъ κελεύω, jubeo, hortor*; по чему Прокелевсматикъ значить *поощряющій идти впередъ*, ибо чешыре крапкихъ слога кряду ускоряющъ произношеніе, и какъ будто принуждающъ чишающаго идти далѣ.—Спопа сія называется еще *Дипиррихій*. См. с. с.

ПРОЛОГЪ. Prologus. Прологъ былъ въ употребленіи на древнемъ театрѣ; онъ содержалъ въ себѣ изложеніе послѣдующаго за нимъ Драмашическаго сочиненія и произносимъ былъ опредѣленнымъ къ тому актеромъ; иногда же такіе прологи произносимы были предъ каждымъ актомъ.

Нѣкоторыя прологи не иное что были, какъ рѣчь къ зрителямъ: ими испрашивали благоволенія или засмавляли чрезъ разныя шушки смѣяться.

Въ новѣйшемъ театрѣ шаковыя прологи не упошребляюшя, а бываешъ подъ симъ именемъ нѣкопорый родъ Драмашическаго предспавленія, имѣющаго опношеніе къ наспоящему всенародному шоржесшву. Такой прологъ, подъ названіемъ *Новыя Лавры*, сочиненъ былъ А. П. Сумароковымъ въ 1759 году, на случай одержанной Россіянами при Франкфуртѣ побѣды, и предспавленъ въ день Тезоименишсшва Имперашрицы ЕЛИСАВЕТЫ. Дѣйспвующія лица въ ономъ: *Истина, Минерва, Нептунъ, Аполлонъ, Марсъ, другіе боги, Побѣда, Россіяне и Россіянки*. Начинаешя шѣмъ, что всѣ упомянушыя боги и богини прославляюшъ Россію и владѣшельницу ея: *Испина—за правосудіе, Минерва—за введеніе наукъ, Непшунъ—за успройшсшво флота, Аполлонъ—за покровишельсшво поэзіи*. Весь прологъ написанъ со вкусомъ и довольно чисшымъ слогомъ. Вошъ слова Аполлона:

Я зрю въ Россіи Геликонъ :

Разорвадися въ ней державши разумъ узы,

И обишашушъ Музы,

Не зря словесному ученію препонъ.

Попоки Ипокрены,

Съ швоей, Нева, мѣшаяся волной
 Текушь Полночною спраной!
 И орошаютъ днесъ швои, Пешрополь, спѣны!
 Не шѣмъ ужъ мѣспомъ шы, Пешрополь, нынѣ
 зримъ,

Гдѣ прежде жили Фины:
 На сихъ берегахъ посшавлень древнїй Римъ,
 И древнїя Афины.

Тупъ
 Словесныя Науки днесъ цвѣшупъ.
 О Пешрь! о шы Елисавета!
 Пребудушь Ваши въ вѣкъ на свѣшѣ имена.
 Въ коропки времена
 Вы шо исполнили ко удивленью свѣша.

Марсъ возвѣщаетъ со всею подробно-
 стию объ одержанной побѣдѣ. За симъ слѣ-
 дуешь хоръ Россїанъ:

Ты Россїя ушѣшайся,
 Видя шоль достойныхъ чадъ;
 И побѣдой украшайся!
 Веселися шы, сей градъ,
 Съ полуночными спранами;
 Врагъ поверженъ сильно нами!

Во время сего пѣнїя облака закры-
 вають боговъ, а пошомъ расходяшся и

открываютъ храмъ славы. Тамъ видны: *Побѣда* съ лавровою вѣнцою и Россіяне, собравшіеся торжественно праздновать день сей. Начинается балетъ и пр.

Нѣсколько подобныхъ *Прологовъ* можно видѣть въ разныхъ шомахъ *Россійскаго Театра*.

Прологи могутъ быть съ успѣхомъ помѣщаемы въ началѣ поэмъ Дидактическихъ, Историческихъ или повѣствовательныхъ и пастушескихъ: Лукрецій, Аріостъ, Тассъ и Лафонпенъ служатъ сему образцами; но въ важныхъ поэмахъ Эпическихъ оныя не употребительны, по крайней мѣрѣ не видимъ ихъ ни у Гомера, ни у Виргилія.

Слово *Прологъ* есть Греческое, составленное изъ *πρὸ*, предъ, и *λόγος*, слово, рѣчь, и собственно значить *предисловіе*, *предрѣчіе*.

ПРООДИЧЕСКІЙ. Въ древней поэзіи называли симъ именемъ одинъ или многіе большіе стихи въ сравненіи съ меньшими предъ ними, оканчивающими спрофу или куплетъ. И такъ въ двуспишіи, составленномъ изъ *Екзаметра* и *Пеншаметра*. или шестиспопнаго и пшиспопнаго, пер-

вый будетъ стихъ *Продуктескій*, а впорый будетъ *Еподѣ*.—См. с. с.—Въ Сафической строфѣ при первыхъ стиха будутъ *Продуктескіе*, а послѣдній *Адонитескій* стихъ называться долженъ *Еподолѣ*.

Слово сіе происходитъ отъ *περ*, предъ, *ωδῆ*, пѣснь, и слѣдственно значить *поющійся прежде*.

ПРОПЕТИЧЕСКІЙ. Такъ называется поэма, копорою *провождаящие отбѣзжающими* изъявляютъ свое сожалѣніе и желаніе имъ благополучія. — *Аполлосѣ*. — По сему сочиненіе Державина на *отсутствіе Имп. ЕКАТЕРИНЫ* второй въ Бѣлоруссію, (1780) можетъ назваться пропетическимъ. Вотъ начало онаго :

Не бряцай печальна лира
Громкой пѣсни ты въ сей часъ,
Благодѣшельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музы Богиня удалилась,
Изъ Пепрополя сокрылась
Машеръ отъ своихъ дѣшей :
Солнцу красному подобно
Счасье, кажешся, народно
Укашилося за ней.

И окончаніе:

О пріяшный вѣспрь полдневный!

Водъ прозрачныя спруи!

Нивы злачны! лѣсъ зеленый!

Сладкопѣвны соловьи!

Дни веселы! воздухъ чистый!

Сельски Нимфы голосисшы!

И пріяшная весна!—

Долгъ Богинѣ отдавайте,

И мѣспа пѣ украшайте,

Гдѣ грядеть шеперь Она.

ПРОСЕВХТИЧЕСКІЙ. Симъ именемъ называется поэма, кошорою Бога моляпъ, или у высокихъ лицъ милосши испраши-ваюпъ.—*Аполлосб.*

ПРОСФЕЗИСЪ. Родъ Мешапласма. Соспоишъ въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе въ началѣ одной или нѣсколькихъ буквъ. Prosthesis arponit cariti.—См. Мешапласмъ.—Опъ *πρὸς*, къ, при; *φῆσις*, положеніе.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ см. *Анти-тезисб.*

ПРОХОЖДЕНИЕ, или припворство. Praeteritio. — Въ Рипорикѣ фигура предложеній. Соспоишь въ шомъ, когда авпоръ показываешъ, будіпо желаешъ умолчашъ о шомъ, о чемъ уже говоришь, и чрезъ сіе живѣе изображаешъ свои мысли.

Флешье, Французской проповѣдникъ, въ надгробномъ словѣ знаменишому полководцу Тюреню, говоришь:

Не ожидайте, слушаатели, чптобы я вамъ открылъ здѣсь печальное позорище, и предспавиль сего великаго ироя посреде своихъ побѣдипельныхъ знаковъ бездыханна, и чптобы показалъ вамъ блѣдное и окровавленное шѣло, дымящееся еще опъ оной молніи, которая поразила его . . . . . и пр.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Императрицѣ **ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ**, также употребиль сію фигуру:

. . . . . Того ради не изображаю словомъ блиспающія лѣпошы лица ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной, ни успѣхъ щедрому испочающихъ, ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ . . . . и пр.

ПѢСНЬ. Cantus. Имя сіе придается нѣкопорому опдѣленію въ поэмахъ, гдѣ авторъ включаетъ извѣстную часшь своего повѣспвованія.

ПѢСНЯ. Cantus, Cantique, Chanson, Canzonetta. Родъ Лирической поэзіи: оду также называютъ иногда Лирическою *пѣснею*.

Пѣсня естъ небольшая поэма, къ которой обыкновенно придѣлываютъ музыку, или, что все равно, копорую полагаютъ на голосъ. Она можетъ имѣть различное содержаніе, какъ ниже будетъ сказано, однакожь не столь важное какъ въ *одѣ*;—она не шерпитъ ни опспуплений, ни безпорядка, свойственныхъ послѣдней. — *См. Ода.*

Пѣсня пребуетъ мыслей еспешственныхъ и замысловатыхъ, слога легкаго, изображеній нѣжныхъ и пріяшныхъ, клонящихся къ одной и той же цѣли. Она не должна бытъ слишкомъ велика, попому что долго *пѣть* не возможно. Раздѣляется также какъ ода на спрофы, называемыя *куплетами*. Иногда въ пѣсняхъ упопреляется *припѣвъ*, копорый, состоя въ одинакихъ словахъ, придаваемыхъ къ каждому

куплету, долженъ бытъ всегда обращаемъ къ главной мысли.

Руссо говоритъ: „пѣсни всегда были свойственны человѣку. Древніе, прежде еще упошребленія письмянъ, имѣли уже пѣсни; ихъ законы, испоріи, славословіе боговъ и великихъ людей воспѣвались прежде, нежели были написаны, и опъ того-то, какъ думаетъ Аришопель, Греки дали одно имя законамъ и пѣснямъ.“

О пѣняхъ у Древнихъ. Орфей и Линъ начали поэшическое поприще свое сочиненіемъ пѣсенъ; Ерифанисъ пѣлъ пѣсни преслѣдуя звѣроловца Меналка; Греческія женщины пѣли пѣсню въ воспоминовеніе несчастій молодой Каликеи, умершей опъ любви къ нечувспвишельному Евалду; Фесписъ прославлялъ виноградъ, Силена и Вакха пѣснями; всѣ Анакреоновы оды не иное что сущь, какъ пѣсни, пакже какъ шворенія Сафы и Пиндара. Словомъ, вся Лирическая поэзія состоиптъ въ пѣняхъ; но мы должны ограничить себя пѣмми изъ нихъ, кои особенно пользующся симъ именемъ.

У древнихъ въ бѣльшемъ упошребленіи были пѣсни застольныя.

Въ первыя времена всѣ госпи, по свидѣтельствъ Дицеарха, Плущарха и Аршемона, пѣли вмѣстѣ и однимъ голосомъ похвалу божествамъ, почему и были сіи пѣсни наспоющіе *Пеаны* (с. с. с.) или священные каншы.

Въ послѣдствіи, госпи или всѣ сидящіе за столомъ пѣли одинъ за другимъ по порядку, держа въ рукахъ миршовую вѣшь, кошорая шакже переходила опъ одного къ другому.

Наконецъ, когда музыка усовершенствовалась въ Греціи, и когда спали на пирахъ упошребляли лиру, тогда, говоряще вышеприведенные при писателя, одни шолько искусные въ шомъ люди пѣли за столомъ, а прочіе ограничивались держаніемъ миршовой вѣшви.

Сіи пѣсни, воспѣваемые съ приграваніемъ на лирѣ, и введенныя въ употребленіе Терпандромъ, назывались *Схоліи*, (слово, значащее косвенный, излучишый) для показанія шрудности въ семъ искусствѣ, или, по словамъ Аршемона, для шого, что сидящіе пѣли не по порядку и образовали иногда косвенную линію. Предметомъ оныхъ были не шолько любовь и вино, но мшорія, военныя происшествія

и даже нравственность. Такова слѣдующая Аристопелева *Схолья*, предложенная Мерзляковымъ :

О радость, о прелесть безсмертная смертныхъ,
Добыча безцѣнная лѣпъ,

Предметъ и награда трудовъ неизчешныхъ,
Опъ свѣтна небснаго свѣпъ!—

О доблестъ, о дѣва красотъ неизмѣнныхъ,
Ты слава Еллады сыновъ возвышенныхъ.

Препоны ли рока возспанушъ ужасны :

Ничто для плѣненныхъ шобой!—

Возспанушъ ли злобы гоненя напрасны;

Спокойно грядемъ за шобой!—

Ты въ ужасахъ ночи вдвое свѣплѣе,

Ты въ горѣ, въ ненашѣ вдвое милѣе!

Предъ кѣмъ шрепешала и гдѣ уступила

Опъ неба влѣнная кровь,

Безсмертное сѣмя, божеспвенна сила,

Къ шебѣ всемогуша любовь?....

Родители, други, спокойсво—безцѣнны :

Ты взглянешъ, шы скажешъ—и всѣ вдругъ забвенны!

Кѣмъ пламенны были вы, опроки Леды,

И съ кѣмъ Геркулесь перешекъ

Дванадцать быстро ступеней победы? —
 Въ нихъ видишь, въ нихъ любишь себя че-
 ловѣкъ!

Аякъ, съ Ахиллесомъ въ могилу сокрылись:
 О доблесть; — ихъ гробы въ алтарь превра-
 щились.

Нашъ добрый хозяинъ и ласковъ и дружень:
 Твой образъ ему предстоишь.
 Онъ солнца не видишь: *) свѣтъ солнца не
 нуженъ

Тому, кто прелестную зришь.
 Вся жизнь его блещетъ благими дарами;—
 И вѣчность богата для добрыхъ вѣнцами.

О памяти дщери, хвалами обильны!
 Вы славише въ храмахъ небесъ
 Госпепримства законы всесильны,
 Въ копорыхъ почишь Зевесъ:—
 Да славишсяжъ вѣчно пѣснью нелестной
 Хозяина добраго пиршества честно!—

Вы любите въ спарцѣ сердце младое,
 Веселость и рѣзвость подь часъ;

---

*) Надобно думать, что хозяинъ былъ слѣпой.

Вамъ хлѣбосольство любезно злшое
 И дѣдовска вѣрность, госпъ рѣдкой у насъ!....
 Да славимсяжъ вѣчно пѣснью нелесной
 Хозяина добраго пиршества честно!—

Однакожъ не всѣ ихъ *Схалии* были
 шакъ величественны ; вопъ содержаніе
 другой, взяшой изъ Афиняя :

Здоровье—первое благо на свѣшѣ!
 Вторымъ безъ спыда назовемъ красоту ;
 А прешье благо у насъ на примѣшѣ
 Богашство,—но испиннымъ шо лишь почту,
 Которое совѣсти нашей
 Не жалишь упрека змѣями ;
 Четвертое благо: вмѣшѣ съ друзьями
 Сидѣшь за наполнейной чашей.

Голенищевъ-Купузовъ перевель слѣ-
 дующую *Схалию* Сафы :

Умѣла сдѣлашь я прелесный сей нарядъ,
 Гдѣ блещущъ злато, шелкъ и съ ними багря-
 ница ;
 Алмазы огненны въ одеждѣ сей горятъ ;
 Прими опъ Сафы даръ, Цишерская Царица!

Попомспиву възвѣщу на громкихъ я спрунахъ
Колико я швоей щедрошой награжденна!

Приди, швоимъ дворомъ прелесшнымъ окру-
женна,

Присушшшувуй при моихъ весельяхъ и пирахъ!

Въ злапыя чаши къ намъ богининой рукою
Некшаръ, пишье боговъ, щеки всегда рѣкою!
Дай новы прелести шы счастью нашихъ дней!

Богиня видишь предъ собою

Въ моихъ друзьяхъ, швоихъ друзей.

Греки имѣли шакже особенныя пѣсни для разныхъ соспояній: пѣсни паспуховъ назывались *Буколитескими*; пѣсня жнецовъ именовалась *Литіерза*, по имени Мидасова сына, любившаго упражняться въ жажпвѣ; пѣсня мѣльниковъ имѣла названіе *Имея* или *Епіолія*; пѣсню шкачей называли *Елина*; *Іула* была пѣсня рабошающихъ шерспяныя издѣлія; пѣсня кормилицъ именовалась *Катававкалеза* или *Нуннія*; пѣсня любовниковъ была *Ноліона*; пѣсня женщинъ *Каликіею*, а пѣсня дѣвъ *Гарпаликіею* назывались.

Для особенныхъ случаевъ имѣли они: пѣсню брачную, называемую *Именія* или *Епиталама*; *Іалелія* и *Линосѣ* для печаль-

ныхъ происшествій. Сей *Линосѣ* былъ также въ упоиребленіи у Египтянъ и назывался *Манеросѣ*, по имени одного изъ ихъ Царей.

Наконецъ были у нихъ еще Имны или Священныя пѣсни въ честь героевъ и боговъ: *Иулы* для Цереры и Прозерпины, *Филелія* для Аполлона, *Упинги* для Діаны и пр.

Сей родъ поэзіи перешель ошъ Грековъ къ Римлянамъ. Многіе Гораціевы оды не иное чпо сущь, какъ любовныя или Вакхическія пѣсни.

О пѣсняхъ у новѣйшихъ народовъ. Новѣйшія пѣсни раздѣляются нынѣшними Липшерапорами по большей часпи на *Еротическія*, ш. е. любовныя, на *Вакхическія* ш. е. веселыя, застольныя, и на *Сатирическія* ш. е. шупливыя или насмѣшливыя, называемыя у Французовъ *Водевилями*. — См. с. с.

Русскія пѣсни вообще можно раздѣлишь на *любовныя*, *военныя*, *плясовыя*, *хороводныя*, *святотныя*, *подблюдныя*, *свадебныя* и *застольныя*.

I. *Любовныя* пѣсни, кромѣ пош спраши, ошъ копорой получили онѣ свое названіе, изображаютъ еще гнѣвъ, мщеніе, ненависшь, ревностъ, какъ дѣйствія любви.

Онѣ раздѣляются на старинныя или простонародныя и на новѣйшія.

А.) Старинными или простонародными называющіяся пѣв., копорыя давно уже (начало ихъ можно положить съ XVI столѣтія) сочинены спарымъ складомъ или размѣромъ въ числѣ слоговъ состоящимъ и копорыя нынѣ по большей части между простымъ народомъ употребляются; многія изъ нихъ не имѣють даже въ стихахъ опредѣленнаго числа слоговъ, почему недоспапокъ или излишество въ оныхъ, въ сравненіи одной строки съ другою, скрадывается голосомъ, какъ шо можно видѣть въ слѣдующихъ:

Садъ ли мой садъ, садъ зеленой виноградъ!

Хорошо въ саду мѣлки пшашечки поють,

А меня ли молоденьку грушь, шоска, печаль
берешь!

За что свѣпикъ мой не любишь ты меня?

За что жизнь моя не знаешься со мной? и пр.

или

Ужь какъ полно, моя сударушка, шужишь,
плакашь!

Не наполнишь шебѣ синя моря слезами,

Не ушѣшишь шебѣ мила друга словесами и пр.

*

Другія же изъ *простонародныхъ* пѣсень имѣють размѣръ *поспояннѣе* и *опличающ-*
ся особенными красочами — на примѣръ слѣдующая:

Ты несчастный добрый мѳлодецъ ,
Безшаланная головушка !
Со младыхъ шы лѣпнѣ въ несчастнѣи взросъ ,
Со младыхъ дней горе мыкаешъ .
Въ колыбелкѣ родной мапери ,
Пяши лѣпнѣ опспшалъ мила опца ;
Во слезахъ прошель швой красный вѣкъ ,
Во шпенаннѣи молоды лѣша .

Ты зазноба, шы зазнобушка ,
Ты прилука мѳлодецкая ,
Красна дѣвица, опецка дочь !
Твои очи соколиныя ,
Твои брови' соболиныя ,
Руса коса, красота швоя ,
Приманила къ себѣ мѳлодца ,
Прилучила безшаланнаго .

Въ красотѣ швоей дѣвической ,
Въ швоей младоспи и разумѣ
Чаялъ онъ сыскашъ опца и машъ ;
Онъ увидишь родъ и племя все ,

И надѣялся размыкаши
 На ухахъ своихъ грусть, поску ;
 Онъ въ очахъ своихъ увѣрился
 Попопишь свое безсчасіе.

Ахъ! какъ ягодѣ калинушкѣ
 Не бывашь во вѣкъ малинушкой ,
 Не живашь шакъ горемышному
 Вѣкъ во счасьи и во радосши.
 Красна дѣвица скончалася!
 Полюбиши опказалася
 Горемыку добра мѳлодца ,
 Сиропину безшаланнаго.

Ты безсчасье, шы безгодье зло!
 До чего тебѣ домыкаши
 Сиропинушку дѣпинушку
 Безшаланна, горемышнаго ?
 Ужь ни въ чемъ ему удачи нѣшь ,
 Ни шалану на бѣломъ свѣшѣ.
 Знашь шаланъ его скрывается
 Въ чепырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.

В.) *Новѣйшія* любовныя пѣсни пишущся опредѣленнымъ размѣромъ; въ нихъ употребляется слогъ чиспой, ясной, и для удобнѣйшаго положенія на музыку онѣ

раздѣляюся на куплеты или спрофы. —
 Вошь нѣкошорыя:

Мой другъ, хранишель-ангель мой!
 О ты, съ которой нѣшь сравненья!
 Люблю себя, дышу шобой!
 Но гдѣ для спраспи выраженья?
 Во всѣхъ природы красотахъ
 Твой образъ милый я вспрѣчаю;
 Прелеспныхъ вижу—въ ихъ чершахъ
 Одну себя воображаю.

Беру перо—имъ начершашъ
 Могу лишь имя незабвенной;
 Одну себя лишь прославляшъ
 Могу на лирѣ восхищенной;
 Съ шобой, одинъ, вблизи, вдали
 Тебя любить—одна мнѣ радость;
 Ты мнѣ всѣ блага на земли,
 Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пуспынѣ, въ шумѣ городскомъ
 Одной себя внимашъ мечтаю;
 Твой образъ, забываясь сномъ,
 Съ послѣдней мыслию сливаю;
 Пріятный звукъ швоихъ рѣчей
 Со мной во снѣ не разспаешся;

Проснусь—и пы въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснешся.

Ахъ! мнѣль разлуку знашь съ побой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь—мнѣ взоръ поняшень пвой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце пвой приѣмлю гласъ;
Я пью любовь въ пвоемъ дыханьѣ . . . . .
Воспорги, кто поспитгнешъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной шебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувспвую себя;
Въ шебѣ природѣ удивляюсь;
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнишь?
Чего желашъ въ поль сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любишь
Еще спокрапъ желалъ бы болѣ.

Жуковскій.

Мы имѣемъ превосходнѣйшаго сочи-
теля любовныхъ *новѣйшихъ* пѣсенъ въ Ю.
А. *Нелединсколѣ-Мелецколѣ*. Всѣ его пѣсни,
копорыхъ къ сожалѣнію очень мало, пре-
исполнены чувспвительности, и украше-

ны всѣми прелестями поэзіи. Здѣсь помѣщается одна не лучшая, но первая, попавшаяся на глаза.

У кого душевны силы
Испожилися поскою ;
Кшо лишь въ мрачности могилы
Чаешь обрѣсти покой :
На лицѣ шого проглянешь
Лучъ надежды въ первый разъ
Въ шу минушу, какъ наспанешь
Для него послѣдній часъ.

Жизнь во мнѣ побой хранишся,
Казнь и благо дней моихъ ;
Духъ хощь съ шѣломъ разлучишся,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу чшо во мнѣ пишало,
Смершь не въ силахъ шо сразишь;
Сердцу, чшо себя вмѣщало,
Лзя ли не безсмершну бышь?

Нѣшь! не лзя шому бышь мершву,
Чшо дышало божеспвомъ.
Ошъ меня шы примешь жершву
И въ семь мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ шобою

Неопспушно будешъ жить ,
 Окружашъ себя собою ,
 Вздохъ швой, взоры, мысль ловишь.

Насладишся, вникнувъ пайно
 Въ прелести души швоей . . . . .
 Еслижь будешъ хошь случайно
 Близъ гробницы шы моей ,
 Самый прахъ мой содрогнешся ,
 Твой приходъ въ немъ жизнь родишь ,
 И пошь камень попрысешся ,
 Подъ кошорымъ буду скрышь.

Слѣдующая опличаешся пріяшностію
 и проспошою:

Доволень я судьбою
 И милою богашъ ;
 О Лиза! кто съ шобою
 И бѣдности не радъ ?

Съ шобою жизни бремя
 Меня не шягошишь ;
 Съ шобою, другъ мой, время
 Какъ молніа лешишь.

Не зная, что ешь слава ,
 Я славлю жребій свой ;

Труды съ побой забава,
Въ швоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь—забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою швоей.

Когда шы скажешь: милой!
Проходишь грусть моя,
Свѣплѣешь взоръ унылой,
Спокоень, весель я.

Тошь бѣдень, кшо въ семь мiрѣ
Живешь лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ шебя!

Но если рокъ ужасной
Нась, Лиза, разлучишь:
Что буду я несчастной?.....
Сырой землей покрышь!

Двѣ горлицы покажущь
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя шомно скажущь:
Онъ умеръ во слезахъ.

Карамзинъ.

II. *Военныя пѣсни* прославляютъ подвиги знаменитѣйшихъ полководцевъ, изображаятъ неуспрашимость и любовь къ опечеспву. Въ нихъ помѣщается иногда изъясненіе любви или дружбы, но въ такомъ шолько случаѣ, когда съ главнымъ предметомъ пѣсни соединяются чувствованія разлуки.

Военныя пѣсни также можно раздѣлить на простонародныя или старинныя, и на новѣйшія.

A.) *Простонародныя* или старинныя, ш. е. писанныя старымъ складомъ, иногда заключающы въ себѣ пріятную простоту; наиболѣе же заслуживаютъ уваженіе наше пошому, что сохраняются въ нихъ дѣянія побѣдоносныхъ войскъ нашихъ и славныхъ полководцевъ. — Вотъ одна изъ шаковыхъ пѣсенъ:

Не бушуйте вы вѣпры буйные,
 Не спѣши ты зима со морозами,
 Не защитюю вы Очакову,
 Не спасеніе вы врагамъ нашимъ.
 Сыны храбрые Россійскіе
 Презирающы всѣ ваши люшосши;
 Въ нихъ сердца горящы правдой, вѣрносшью
 Ко премудрѣйшей своей машери;

Въ нихъ вся кровь кипишь жаркимъ рвеніемъ
 Ко прекраброму ко начальнику.
 На зарѣ шо было на упренней,
 На восходѣ краснаго солнышка,
 Какъ возговоришь нашъ Пошемкинъ Князь:
 Ой вы гой еси храбрые воины!
 Намъ пришла пора чшобъ Очаковъ взяшь,
 Чась приближился чшобъ Луну сорвашь;
 Со окоповъ бѣлокаменныхъ,
 Размешашь въ прахъ башни Турецкія,
 Покоришь враговъ мечу Русскому,
 Скипшру мудрыя Государыни.
 И ты гой еси, ты нашъ бапюшка!
 Ты прекрабрый предводишель нашъ!
 Лишь рукой махни, ужъ Очаковъ взяшь,
 Слово вымолви и Сшамбуль падешь.
 Мы пойдешь съ шобой въ огонь, въ полымя,
 Пройдемъ пропасши подземельныя.
 Лишь успѣли храбрые воины
 Рѣчь окончишь свою геройскую:
 Загремѣла вдругъ Арпиллерія,
 Засверкали въ мигъ шшыки Русскіе,
 Полилась рѣкой кровь Турецкая,
 Повалились ихъ башни крѣпкія:
 Гдѣ Луна была шамъ орлы паряшь

Гдѣ бунчукъ споялъ, шамъ шшандаршъ бле-
сшишь,

И Паша упавъ предъ Пошемкинымъ,
Вручилъ жизнь свою и ключи града.
Тупъ воскликнули побѣдители:
Ой ты гой еси, ты невѣрный Царь!
Посмотри ты Царь на Пашей своихъ,
Ты взгляни Царь на кровь Турецкую,
Покорись ты нашей Монархинѣ,
Не тебѣ ужъ воевать съ нами.

Надлежитъ замѣтить, что всѣ почти
старинныя военныя пѣсни принадлежатъ
болѣе къ повѣствовательной, нежели къ
Лирической поэзіи.

В.) Для показанія свойствъ и слога
новѣйшихъ военныхъ пѣсень можетъ быть
приведена въ примѣръ слѣдующая; въ ней
съ воинскою храбростію соединяющся и
чувства любви и дружбы:

Мы красавицъ ославляемъ,
Ославляемъ и друзей;
Въ смутныхъ мысляхъ предславляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей.

Прелесъ, нѣга и забава.
Удаляюся опъ насъ!

Въ сердцѣ слышился лишь слава
И побѣды громкій гласъ.

Скучно было бы разспашься
И любезныхъ покидашь,
Если бъ мы не шли сражашься
И злодѣевъ побѣждашь . . . . .

Тѣхъ злодѣевъ, что мѣшающъ
И любви и пишинѣ,
Что прелесныхъ насъ лишающъ
И зовущъ опъ ихъ къ войнѣ.

О любезныя! желайше,
Чшобъ войнѣ пришель конецъ;
Къ намъ любви не осшавляйше,
То для насъ одинъ вѣнецъ!

Вы, лишаяся спокойшва,
Будете о насъ шужишь;
Мы, исполненны геройшва,
Будемъ вашъ покой хранишь.

Гласы шрубны раздающъ
И оружія гремяшь;—
Ваши горьки слезы лющъ
А у насъ сердца кипяшь.

Ахъ, съ любезной разлѣчашься . . . .
 Мудренѣе всѣхъ побѣдъ!
 Сердце хочешъ съ ней оспашься
 Слава на войну зовешъ.

N. N.

III. *Плясовыя* пѣсни, какъ означаютъ и самое именованіе ихъ, суть пѣ, по которымъ пляшутъ; онѣ опличаются веселостию и раздѣляются, по названію плясокъ, на Русскія и на Цыганскія. А какъ всякая пѣсня, удобная къ скорой и веселой музыкѣ, можетъ быть *плясовою*, то мы означаемъ здѣсь пѣ только, которыя изспари пользуются названіемъ *плясовыхъ*. Всѣ сіи пѣсни суть *простонародныя* и заслуживаютъ вниманіе наиболѣе по употребляемымъ въ нихъ припѣвамъ.

1. Какъ на горкѣ, на горкѣ, на горѣ,

На высококомъ на пригорочкѣ

Ай люли, люли!

Ахъ, люшеньки люли и пр.

2. Пошли наши подружки

Въ лѣсъ по ягоды гуляшь.

Вѣю, вѣю, вѣю, вью

Въ лѣсъ по ягоды гуляшь и пр.

3. Въ Государевой коншорѣ

Сидишь молодець въ уборѣ.

Ахъ, кáлина! ахъ, мáлина и пр.

4. Чпо дѣвушкѣ сдѣлалось ,

Чпо красной dospѣлося ?

Эй, эй, эй, эй, чпо красной dospѣлося?

и пр.

5. Ты поди моя коровушка домой,

Ты поди моя некормленая ;

Ай диди, калинка моя,

Въ саду ягода малинка моя. и пр.

6. Улица, улица моя,

Трава, мурава зелененькая

Ой жги, ой жги, говори ,

Трава, мурава зелененькая и пр.

Сии припѣвы люли, люшеньки, диди, ладо, кои увидимъ и въ другихъ послѣдующихъ за сими пѣсняхъ, не иное чпо сушь, какъ испорченныя имена Славянскихъ Боговъ *Леля*, *Дидя* и богини *Лады*, и пошому онѣ должны показывать древность сихъ пѣсенъ, бывшихъ еще во времена язычества. Впрочемъ справедливѣе, кажешся, можно заключишь, чпо сии пѣсни сушь подра-

жанія древнимъ языческимъ пѣснямъ, по-
тому что нѣкопорыя употребляемыя въ
нихъ слова не могутъ бытъ относимы
къ споль опдаленнымъ временамъ.

Изъ новѣйшихъ слѣдующія могутъ
бытъ почтены плясовыми:

Пой, скачи, кружись Параша!

Руки въ боки подпирай!

Мчись въ веселіи жизнь наша!

Ай, ай, ай, жги! припѣвай!

Миль, любезень василечикъ:

Рви, доколѣ онъ цвѣшешъ.

Солнце зайдешъ и цвѣшочикъ—

Ахъ, увянешъ, опадешъ!

Пой, скачи, кружись и пр.

Соловей не умолкаешъ,

Свищешъ съ ушра до ушра:

Другу милому, онъ знаешъ,

Пѣшь въ году одна пора.

Пой, скачи, кружись и пр.

Кшо, бывъ молодъ, не смѣялся;

Не плясаль и не пѣваль,

Тошъ ничѣмъ не наслаждался;

Въ жизни не жилъ, а дысаль:

Дмитріевъ.

Пусть кто хочешь пишешь оды,
Или кришки на моды;
Я шакъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть богатый веселился,
Пусть богатствомъ онъ гордится;
Я шакъ и пр.

Пусть чиновъ кто хочешь ищешь
И по крыльцамъ барскимъ рыщешь;
Я шакъ и пр.

Пусть военный побѣждаетъ,
А философъ разсуждаетъ;
Я шакъ и пр.

Пусть игрокъ въ босновъ играетъ,
Время жизни убиваетъ;
Я шакъ и пр.

Пусть всякъ дѣлаешь, что хочешь.
Пусть хощь плачешь, хощь хохочешь;
Я шакъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Кн. Гр. Хованскій.

IV. Хороводныя пѣсни употребляются на общественныхъ народныхъ гуляньяхъ, и названы шакъ отъ того, что поются хоромъ, то есть вдругъ многими голосами.

Молодые люди обоого пола сходяпся на улицу, или на лугъ, играющъ и поющъ; каждая игра, какъ ниже увидимъ, имѣеть пѣсню особенную.

Прим. Сии пѣсни, такъ же какъ и слѣдующія за ними *святотнля*, приводяпся здѣсь со всею подробностію наиболѣе для сохраненія ихъ опъ совершеннаго забвенія: издатели новѣйшихъ пѣсенниковъ во все почши не удоспоивающъ ихъ помѣщеніемъ! А всякая древностъ, какого бы ни была рода, всегда бываешь для наблюдапельнаго ума заслуживающею вниманіе.

Вошъ *хороводнля* пѣсни съ описаніемъ самихъ игръ, при которыхъ онѣ поющя:

Г.

Женщины и муцины спановяпся на двѣ разныя спороны, сходяпся и не обрачиваясь назадъ опшсупающъ, и поютъ попеременно:

Муцины.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, дидъ и лада! сѣяли, сѣяли.

Женцины.

А мы просо вышопчемъ, вышопчемъ,
Ой дидъ и ладо! вышопчемъ, вышопчемъ.

Мущины.

Да чѣмъ же вамъ выпоппашь, выпоппашь,
Ой дидь и лада и пр.

Женщины.

А мы коней выпусшимъ, выпусшимъ,
Ой дидь и лада —

Мущины.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидь и лада —

Женщины.

Да чѣмъ же вамъ переняшь, переняшь?
Ой дидь лада —

Мущины.

А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
Ой дидь и лада —

Женщины.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидь и лада —

Мущины.

Да чѣмъ же вамъ выкупишь —?
Ой дидь и лада —

Женщины.

А мы дадимъ сто рублей —
Ой дидь и лада —

Мущины.

Не надо намъ пысячи —

Ой дидъ и лада —

Женщины.

А что же вамъ надобно —?

Ой дидъ и лада —

Мущины.

А намъ надо дѣвицу —

Ой дидъ и лада —

Мущины.

Вошь эшо намъ надобно, надобно,

Ой дидъ и лада —

При семь мущины дѣлаюпть изъ рукъ
воропы, женщины проходяпть. и мущины
любую изъ нихъ захвашываюпть — послѣ
чего поюпть:

Женщины.

Нашего полку убыло, убыло,

Ой дидъ и лада —

Мущины.

А нашего прибыло, прибыло,

Ой дидъ и лада прибыло, прибыло.

Такимъ образомъ всѣ женщины переходяшъ одна послѣ другой на спорону мушинъ ; наконецъ дѣлаюшъ большой кругъ и начинаюшъ другія игры.

2.

Мущина ходишъ за кругомъ, а дѣвушка или женщина въ кругу, и поспупаюшъ по нижеслѣдующей пѣснѣ :

Какъ не пошъ ли шо Царевъ сынъ
 По за городу гуляешъ ,
 Самъ Царевну смопришъ ?
 Какъ не та ли шо Царевна
 Чшо во городѣ гуляла,
 Шелковымъ плашкомъ махала ,
 Золошымъ перспнемъ свѣпила ?
 Ошворайшеса вороша !
 Ты взойди, сударь, во городъ ,
 Подойди, сударь, поближе ,
 Поклонись, сударь, пониже ,
 Поцѣлуйшеса милѣе;
 Ты возьми, сударь, за ручку ,
 Поведи по городочку,
 Выбирай пару другую,
 Чшо другую да люблюю.

Въ сей пѣснѣ можно замѣтити, что она вся почти сочинена правильнымъ размѣромъ.

3.

Мущина ходитъ въ кругу за женщиною и предсшавляющъ мужа съ женою; онъ поешъ съ припѣваніемъ прочихъ:

Посмотрите, сосѣди!
 Какъ жена мужа не любитъ,
 Душа свѣтъ не навидитъ.
 Я поѣду ушрѣ въ городъ,
 Я куплю женѣ обнову
 Пару парчевую,
 А жена не принимаетъ,
 Глазами не взираетъ.

Пѣсня сія повпоряется нѣсколько разъ съ перемѣною одного только слуха, въ которомъ именующся обновы. Наконецъ когда запоющъ:

Я куплю женѣ обнову
 Шелковую плешку
 Жена начинаетъ кланяться.

Ты прими, жена госпинецъ
 Шелковую плешку.

Показываешь, будшо хочешь ее бить
нарочно пригошовленнымъ изъ плапка
жгупомъ, но она поклонами умилоспивля-
ешь; послѣ чего онъ поешь:

Посмотрише, сосѣди,
Какъ жена мужа любить,
Душа свѣшь цѣлуешь.

Цѣлююся и выходящъ. Каждой спихъ
эшой пѣсни повпоряется два раза съ при-
цѣвомъ между каждымъ *дидо, лелю, лада моя.*

4.

Заплешися плешень, заплешися!
Ты завѣйся труба золотая,
Завернися камка хрущашая.
Ахъ, пы свѣшь сѣра упица!
Попопила малыхъ дѣшущекъ
Ты въ меду и во пашокъ,
И во яспвѣ во сахарномъ.

Въ продолженіи сего пѣнія разры-
вающъ кругъ, дѣлающъ на одномъ концѣ,
приподнявъ руки, вороша, въ копорые
держась за руки съ другаго конца всѣ про-
ходятъ; вшорый человекъ, дѣлавшій съ
первымъ вороша, оборачивается держа
руку по шеѣ черезъ плечо, и соспавляешь

уже оныя съ прешьимъ; игра сія продол-
жаеся до того, пока всѣ завьюшся; тогда
развиваюшся шакимъже порядкомъ и
поюшъ :

Распелися плешень, распелися !

Ты развѣйся шруба золошая.

Развернися камка хрущашая.

Ахъ, ты свѣшь, сѣра ушица !

Вынимай милыхъ дѣшушекъ ,

Ты изъ меда, изъ пашоки ,

Ты изъ яспва сахárнова.

5.

Выбираюшъ плясуна, который садит-
ся посреди хоровода ; ходяшъ кругомъ и
поюшъ :

Какъ на горѣ макъ, на зеленой макъ,

Мои маки маковушки,

Золошья головушки,

Какъ былъ макъ, эдакъ шакъ . . . .

Показываюшъ какъ великъ макъ.

Шпанемше, дѣвушки, въ рядъ ,

Вошь макъ на горѣ ,

На всей красошѣ !

Шпанемше, спросимше ,

Что макъ дѣлаешъ,
 Что рабошаешъ?

Спрашиваюшъ у сидящаго: что макъ дѣлаешъ? онъ отвѣчаетъ: показался, зеленѣешъ, наливаешся и пр. и пѣсни повсюряюшъ до пѣхъ поръ, какъ услышатъ отъ него, что макъ созрѣлъ; тогда поюшъ слѣдующее: — Сидящій вспаешъ и пляшетъ. —

Ужъ ты слышалъ ли воробей,
 Ужъ ты видѣлъ ли молодой,
 Какъ дѣвушки макъ поливали?
 Какъ красныя макъ поливали?
 Ужъ я не слыхалъ воробей,
 Ужъ я не видалъ молодой
 Какъ дѣвушки макъ поливали,
 Какъ красныя макъ поливали.

Попомъ по же повсюряюшъ, но вмѣсто поливали, поюшъ *пололи, щипали* и ш. д.

Таковыхъ *хороводныхъ* пѣсенъ естъ еще нѣсколько, однакожъ сіи употребительнѣ прочихъ.

V. *Святонья* пѣсни получили названіе отъ того, что употреблялись при обыкновенныхъ играхъ на сваянкахъ, въ то время когда по словамъ *Жуковского*:

. . . . .
 Дѣвушки гадали:
 За вороша башмачокъ,
     Снявъ съ ноги, бросали;
 Снѣгъ полоди; подъ окномъ
     Слушали; кормили
 Счешнымъ курицу зерномъ;
     Ярый волкъ попили;
 Въ чашу съ чистою водою
 Клади персень золотой,
     Серги изумрудны;
 Разспилали бѣлый плапъ,
 И надъ чашей пѣли въ ладъ
     Пѣсенки подблюдны.

Нѣкопорыя изъ свяшочныхъ пѣсень именующя *подблюдными* по той причинѣ, что во время игры, или гаданія, у каждого участвующаго брали кольцо, клали на блюдо, покрывали плапкомъ, и пошомъ при окончаніи каждой пѣсни смѣшавъ кольца вынимали по одному. Изъ содержанія пѣсни заключали о томъ, что впредь случишся, какъ то: *прибыль, свиданіе, вступленіе въ бракъ* и пр. Всѣ слѣдующія суть подблюдныя; къ каждой въ нихъ строкъ припѣваешся *слава!*

1.

Пвня, ознагаюцая вступленіе въ бракѣ,
 Кашилося зерно по бархату, *слава!*
 Еще по ли зерно да бурмишское —
 Прикашилося зерно ко яхонту —
 Какъ и крупень жемчугъ съ яхонтомъ —
 Хорошь женихъ со невѣсною —

2.

— *Прибыль.*

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, *слава!*
 Живушь мужики богатые —
 Гребушь золошо лопашами —
 Чисто сѣребро лукошками —

3.

— *То же.*

Расшворю я квашонку на денышкѣ, *слава!*
 Я покрою квашонку чернымъ соболемъ —
 Опояшу квашонку яснымъ золошомъ —
 Я пославлю квашонку на сполбичкѣ —
 Ты взойди моя квашонка съ краи ровна —
 Со краи ровна и совсѣмъ полна —

4.

— *Отлибное счастье.*

Идесть кузнецъ изъ кузницы, *слава!*
 На немъ шубенка худехонька —

Одна-шо пола во спо рублей —
 А другая пола въ шысячу —
 Всей же шубенкѣ цѣны нѣшть —
 Цѣна-то ей у Царя въ казнѣ —
 У Царя въ казнѣ, въ кованомъ ларцѣ. —

5.

— *Замужство.*

Ахъ! шысѣй, маши, мучицу, пеки пироги, *слава!*
 Къ тебѣ будущъ госпи нечаянные —
 Какъ нечаянные и невѣдомые —
 Къ тебѣ будущъ госпи, ко мнѣ женихи —
 Къ тебѣ будущъ въ лапшяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ —

6.

— *Возвышеніе.*

Вился, вился ярой хмѣль, *слава!*
 Около шычинки серебряныя —
 Такъ бы вилися бояра, Князья, —
 Около Царя православнаго —

7.

— *Супружество съ тиновникомъ.*

Жемчужина окапная! *слава!*
 До чего тебѣ докашались? —
 Пора тебѣ вонъ выкашались —
 Князьямъ и боярамъ на шапочку —

— *Свиданіе.*

Покачу я колечко кругомъ города, *слава!*
 А за пѣмъ я колечкомъ сама пойду —
 Я сама пойду, милова найду —

— *То же.*

Лешишь соколь изъ улицы, *слава!*
 Голубушка изъ другой лешишь —
 Слепалися, цѣловалися, —
 Сизыми крыльями обнималися —

— *Дальнюю дорогу.*

Спояшь сани снаряжены, *слава!*
 И полосью подернушы —
 Только сѣсть въ сани да поѣхати —

— *Супрѣжество.*

Идешь кузнецъ изъ кузницы, *слава!*
 Кузнецъ, кузнецъ, мнѣ скуй вѣнецъ
 Изъ обрѣзочковъ золóшь першень, —
 Изъ оспапчочковъ булавочку, —
 Какъ пѣмъ вѣнцомъ мнѣ вѣнчапися, —

Какъ и шѣмъ перспнѣмъ обручатися —
Той булавочкой убирашися. —

Какъ удачно воспользовался Г. Жуковскій сими проспыми, безыскусственными выраженіями въ прекрасной Балладѣ своей *Свѣтлана!*

„Что, подруженька, съ шобой?

Вымолви словечко!

Слушай пѣсни круговой:

Вынь себѣ колечко!

Пой, красавица: кузнецъ!

Скуй мнѣ злапъ и новъ вѣнецъ,

Скуй кольцо злапое!

Мнѣ вѣнчашся шѣмъ вѣнцомъ.

Обручатся шѣмъ кольцомъ

При свяшомъ налоѣ.,,

12.

— *Богатство.*

Щука шла изъ Нова-города, *слава!*

Она хвостъ волокла изъ Бѣла озеръ—

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная —

Что серебряная позолоченая, —

А головушка у щуки унизаная —

— *Супружество.*

Скачешъ груздочикъ по ельничку, *слава!*
 Ищешъ груздочикъ бѣляночку —
 Не груздочикъ скачешъ, дворянской сынъ —
 Не бѣляночки ищешъ, дворяночки —

— *То же съ тиновникомѣ.*

Чарочка поплывушечка! *слава!*
 До чего шебѣ доплаваши? —
 Пора шебѣ и вонъ выплывашь —
 Князьямъ и боярамъ вино подносишь —

Послѣ каждой изъ сихъ *подблюдныхѣ* пѣсенъ и другихъ имъ подобныхъ (ежели еще шаковыя находящяся) при выниманіи кольца поюпъ:

А кому же мы спѣли, пому добро, *слава!*
 Кому вынешся, пому сбудешся, *слава!*

Обыкновенно же игра сія оканчивалась пѣснію въ славу Государя, а сіе служипъ доказательствомъ, что Русскіе и въ самыхъ увеселеніяхъ никогда не забывали почщенія къ своему обладашелю, и

что во всякомъ случаѣ показывали свою къ нему преданность:

Ужь какъ слава Богу на небѣ , *слава!*
 Государю нашему на сей землѣ —
 Государь нашъ не спарѣется —
 Его цвѣпное плашье не носишся
 Его добрые кони не ѣздяся —
 Его вѣрные слуги имъ счастливы —

Другая игра: дѣвушка беретъ колечко, ходишь вокругъ, кладешь кому нибудь шихонько въ руку; другая опгадываетъ. Къ сему принадлежишь слѣдующая пѣсня:

Тихой напѣвѣ.

И я золошо хороню, да хороню,
 Чисшо сѣребро хороню да хороню;
 Я у банюшка въ шерему, въ шерему,
 Я у машушки въ высокѣмъ, въ высокѣмъ.

Плясовой.

Гадай, гадай дѣвица,
 Опгадывай красная!
 И я рада бы гадала
 И я рада бы опгадывала
 Черезъ поле идучи,

Русу косу плешучи ,
 Шелкомъ прививаючи ,
 Злапомъ приплешаючи .
 Ахъ, вы кумки ! вы голубки !
 Вы скажише, не ушайте !
 Меня маши хочешъ биши
 По шри упра, по чешыре ,
 По шри пруса золотые ,
 Чешвершымъ жемчужнымъ .
 Паль, паль перспень
 Въ калину, въ малину ;
 Въ черную смородину ;
 Очушился перспень
 Да у дворянина
 Да у молодова
 На правой на ручкѣ ,
 На маломъ мизинцѣ .
 Дѣвушки гадали
 Да не отгадали !
 Наше золото пропало ,
 Чиснымъ порохомъ запало ,
 Призаиндивѣло ,
 Призаплеснивѣло .

VI. Свадебныя пѣсни употреблялись
 при сговорахъ, въ дѣвичникъ и во все вре-

мя, продолжающееся до совершениа бракосочешанія, шакже и въ день свадьбы. Въ нихъ всегда упоминалось по имя, копорое было предметомъ пѣсни:

1.

Изъ за лѣса, лѣса шемнова,
 Изъ за лѣса дремучева,
 Изъ за горь, изъ за высокихъ горь,
 Лешипъ спадо лебединое,
 А другое по гусиное.
 Опспавала лебедь бѣлая
 Чшо опъ спада лебединова;
 Приспавила лебедь бѣлая
 Чшо ко спаду, ко сѣрымъ гусямъ.

Опспавала душа *Аннушка*;
 Опспавала *Ивановна*
 Чшо опъ красныхъ опъ дѣвушекъ;
 Приспавзла *Аннушка*
 Приспавала свѣпъ *Ивановна*
 Къ молодымъ-шо молодушкамъ.

2.

Перекашно красно солнышко.
 Ты звѣзда перекашная!
 Далеко звѣзда кашилася

Прочь опъ свѣшлова мѣсяца!
 Перешла наша дѣвица -
 Такъ изъ горницы въ горницу,
 Изъ споловья во новую,
 Перешедъ она задумалась,
 Призадумавшись заплакала,
 Во слезахъ слово молвила:
 Государь родимой бабюшка,
 Государыня мапушка,
 Ужъ не лзя ли того сдѣлани,
 Меня дѣвицу не выдаши.

Свадебныхъ пѣсень очень много; онѣ бывали различны по разнымъ мѣстамъ Россіи. Полагаемъ, что приведенныхъ здѣсь доспашочно для показанія ихъ слога и содержанія.

VII. *Застольныя или круговыя пѣсни* поюся сидя за споломъ или въ кружокъ. Главнѣйшее свойство ихъ есть веселость; а предметомъ для нихъ служатъ вино и безопасность; иногда присоединяется къ нимъ и любовь. Лучшіе писатели наши упражнялись въ семь родѣ пѣсень. Вотъ нѣкопорья:

Брашья , рюмки наливайше !

Лейся черезъ край вино !

Все до капли выпивайше ,

Осушайше въ рюмкахъ дно !

Мы живемъ въ печальномъ мiрѣ ,

Всякой горе испыпаль

Въ бѣдномъ рубищѣ , въ порфирѣ —

Но и радость Богъ намъ далъ .

Онъ вино намъ далъ на радость ,

Говоритъ свяшой мудрецъ :

Спарецъ въ немъ находить младость ,

Бѣдный гореспямъ конецъ .

Кпо , все плачешъ , кпо вздыхаешъ ,

Вѣчно смотришь Сеншябрь ,

Топъ науки жить не знаешъ ,

И не видишь свѣта днемъ .

Все печальное забудемъ ,

Чшо смущало въ жизни насъ ;

Пѣшь и радовашся будемъ

Въ сей прiятной , сладкой часъ !

Да свѣплѣешъ сердце наше ,

Да сiяешъ въ немъ покой ,

Какъ вино сіяеть въ чашѣ
Осребряемо луной.

Карамзинъ.

Други! время скоропечно,
И не видишь какъ лепишь!
Молодыми бышь не вѣчно,
Спарось въ мигъ насъ поѣшишь,
Что же дѣлашь? шакъ и бышь!
Въ ожиданьи будемъ пишь.

Пусь Аракъ ума убавишь
Между насъ у оспряковъ!
Онъ сердца за шо засхавишь
Говоришь безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жишь:
Меньше врашь, а больше пишь.

Посмотрише, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень роци обнажила,
Ахъ! и розы ошцвѣли.
Какъ же грусь намъ усладить?
Чаще пуншь съ Аракомъ пишь.

О Аракъ, Аракъ чудесный!
Ты весну намъ возврашилъ!

Ты согрѣлъ, какъ Май прелесный,
Щеки розами покрылъ.

Чѣмъ же намъ себя почшишь?

Вдвое, втрое больше пить.

Дмитріевъ.

Весьма удивительно, что въ проспо-
народныхъ или старинныхъ нашихъ пѣс-
няхъ нѣтъ ни одной, кошорую бы можно
было назвать *застольною* или *круговою*; а
ежели и находящаяся приближающаяся къ
сему роду, то во всѣхъ видна или чрезвы-
чайная принужденность, или грубость
нравовъ. Такова на примѣръ слѣдующая:

Чарочки по столику похаживающъ,
Рюмочки ходя поговаривающъ,
Сшарымъ бабамъ полѣно сулящъ;
Въ сшарыхъ бабахъ-то корыспи нѣтъ.

Чарочки по столику похаживающъ,
Рюмочки ходя поговаривающъ.
Молодымъ женамъ плешку сулящъ,
Съ молодой женой хлопошъ, хлопошъ!

Чарочки по столику похаживающъ,
Рюмочки ходя поговаривающъ

Краснымъ дѣвушкамъ лозу суляпъ ,
Краснымъ дѣвушкамъ играпъ бы все !

ПЯТИСТОПНЫЙ. Имя сіе придаешся спиху, соспопящему изъ пяши спопъ.

Соспавленіе спиховъ пяшиспопныхъ можно видѣпъ въ спашьяхъ *Анапестбъ, Дактиль, Хорей и Ялббъ.*

Въ древней поэзіи, по еспъ въ Греческой и Лашинской, нашему пяшиспопному спиху соопвѣшсшвуешъ *Пентаметрбъ.* См. сіе слово.

К О Н Е Ц Ъ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Ча с ш ь II.

спрак.	спроки	напечатано	чишай.
41	11	гордыхъ Паркъ,	грозныхъ Паркъ,
177	2	равномѣнно	равномѣрно
—	3	для просполю- димовъ вошъ	для просполюди- мовъ. Вошъ
—		Мимодрами	Мимодрамъ
